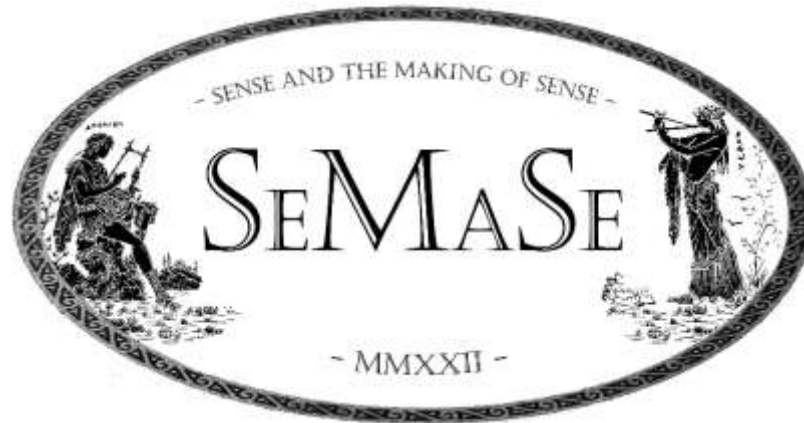

Санкт-Петербургский государственный университет
Факультет свободных искусств и наук

St. Petersburg State University
Faculty of liberal arts and sciences

Международная конференция
«Смысл и смыслообразование»
2–4 июня 2022, Санкт-Петербург, ул. Галерная 58/60

АБСТРАКТЫ ДОКЛАДОВ
тексты представлены в авторской редакции

International conference
“Sense and the Making of Sense”
June 2–4, 2022
St. Petersburg, Galernaja str. 58/60

ABSTRACTS
texts are presented in the author's edition

Конференция проводится при финансовой поддержке
Санкт-Петербургского государственного университета

The conference is held with the financial support of the
St. Petersburg State University

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

Сурен Золян, Академия наук Армении, БФУ им. Канта, Калининград
Pragmatics without a cognizant subject – returning to the Peirce.

1. The common definition of pragmatics currently associated it with the relationship between a sign system and an interpreting subject. It is assumed that such a subject may be an intelligent being. Meanwhile, another version of pragmatics is possible, in which interpretative mechanisms do not assume an external to the sign system of the organism but are considered as operations carried out by the sign system itself. In this, we can rely on the principles that were proposed by Charles Peirce and developed by Charles Morris, who had introduced this section into semiotics. Paradoxically, in Peirce's triad "sign-object-interpretant" a sign is a result of interpretation (interpretant), but there is no room for an agent (interpreter). As Peirce pointed out, semiotic relations may not presuppose a cognizant agent; they can be carried out by a kind of "quasi-mind," "quasi-intelligence," associated with operations on signs and inherent to sign.
2. The development of biosemiotics allows us to confirm the insight of Peirce's approach. Molecular genetics terminology describes genetic mechanisms as text operations (reading, editing, translating, etc.). In other semiotic systems, such entities that resemble the "quasi-mind", "quasi-intelligence" also may function as a communicating subject. Thus, in political discourse, communicants are subjects who are a hybrid of real addressees and addressees and those institutions on whose behalf they act. In poetics, various fictitious communicants are described (image of an author, lyrical hero, the supra-addressee of a text, etc.), text is somaticized related to them; they are intermediate transmitters from text to its "real" author and readers. In ordinary utterances, the subject is bifurcated – the I as a speaker and I as a described person, the performative and descriptive "I" - s (I1 say: I2 write theses). In modal contexts, they may not coincide (I may not be here now), this leads to distinguish between the speaker and the speaker's index.
3. Generalizing, it is possible to develop the idea of Y.M. Lotman that any of subsemiospheres has its own semiotic "I" (Lotman 1990), Accordingly, it is possible to redefine pragmatics as a system of mechanisms and operations, determining the interaction of sign system and context of its manifestation. To paraphrase Y.M. Lotman: a sign system acts as a subject and an its own object. Or – to paraphrasing Yuri Tynyanov – pragmatics is a symbolic system in the hypostasis of the "speaking person".

Shulamith Kreitler, University of Tel-Aviv

Meaning, meaningful and meaningfulness: The psychological approach to the definition, assessment and application of meaning

Meaning is conceptualized as a basic construct in psychology, mediating between the external or internal stimuli and the reactions of the human being. It is defined as a pattern of specific cognitive contents focused on a referent, with which it forms a meaning unit. The unit may be characterized in terms of a set of variables describing its contents, structure, formal features, and mode of expression, constituting the 'Kreitlermeaningsystem'. The assessment of meaning in terms of the meaning system provides meaning profiles for individuals, groups, and experimental situations. A large body of studies shows the impact of meaning in cognition, personality, consciousness, communication, emotions, health, behavior, management and marketing. The talk will demonstrate the manner in which meaning can be assessed, the different types of meaning and how it functions in regard to cognitive acts and personality traits.

Михаил Эпштейн, Emory University, USA.

Многомирие и смыслообразование

Было бы лучше всего, если бы физику и психику (т.е. материю и ум) можно было считать взаимодействующими аспектами одной и той же реальности.

Физик Вольфганг Паули в письме к своему другу психологу К.Г. Юнгу

Согласно физике мультиверсума, существует огромное, скорее всего, бесконечное число вселенных, где все, что может совершиться, оказывается реальностью. Мироздание в целом предстает как непрерывно ветвящееся дерево, от которого отпочковываются все новые миры, различающиеся своими квантовыми состояниями. Какое отношение имеют эти физические теории к гуманитарным наукам?

Тезис 1.

Альтернативные миры и сам процесс их разветвления оставляют след в нашем мире, но не физический, а ментальный. Множественность сосуществующих, но взаимно не наблюдаемых миров, которая утверждается квантовой физикой, соотносится с *категорией смысла*, центральной для гуманистики. Более того, именно концепция многомирия позволяет придать научную объективность и строгость этой категории, которая пока что не нашла достаточно ясной артикуляции в гуманитарных дисциплинах.

Тезис 2.

Наряду с "антропным", можно сформулировать "смысловой", семантический принцип космологии: *мультиверсум создан таким, чтобы придать каждому миру как можно больше смысла*. Чем многообразнее миры, тем насыщеннее смысл событий в каждом из них, определяемый разностью между ними. *Омниум — это конструкция по извлечению наибольших смыслов в каждом из миров, образующих его совокупность*.

Тезис 3

В тот момент, когда иной физический вариант события умирает в нашем мире, уходя в параллельный, зарождается смысл этого события в нашем мире. Квантовая альтернатива, исчезая из нашего мира, испускает квант смысла, и из таких квантов строится смысловая реальность нашего мира взамен уходящих из него физических реальностей других миров. Смысл — это и есть "чувство соприкосновения" мирам иным, понимание "данного" в его отличии от "иного".

Тезис 4.

Физическое квантование мультиверсума, т.е. дробление и умножение его квантовых состояний, и *смысловое квантование* нашей реальности, возникновение все новых единиц смысла в жизни сознательных существ, можно рассматривать как *две стороны одного явления*. *Образование параллельных миров и образование смыслов нашего мира — это не просто синхронные процессы, но единый процесс, на основе которого естественные науки, с одной стороны, и гуманитарные — с другой, достигают общности в понимании мира и места человека в нем*.

Такое понимание может оказаться решающим шагом к созданию Теории Всего, если подразумевать под ней объединение дисциплин, обособлявшихся на протяжении тысячелетий, — объединение духовно-гуманитарной и физико-математической картин мира.

СЕКЦИЯ: ЗНАК И СИМВОЛ В СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПРАКТИКАХ

Станислав Белетский, University of Dodoma, Tanzania; ВШЭ, Москва

Периферийные и узловые точки пандемийного дискурса (на материале интервью о жизни в условиях пандемии)

Разразившаяся в марте 2020 года пандемия COVID-19 привела мир в состояние динамического хаоса, сформировав новые структуры социального взаимодействия, в том числе коммуникативного. С большой долей вероятности можно предположить, что пандемия обусловила появление особых форматов «проговаривания» опыта жизни/выживания в новых условиях. Целью настоящей работы является описание лексического уровня лингвокультурной модели «Эпидемия» как одного из таких форматов. Для достижения этой цели был собран корпус интервью о жизни студентов НИУ ВШЭ в условиях карантина. Корпус включает 90 интервью, собранных в 2020 году, и 65 интервью, собранных в 2021 году. Все интервью были затранскрибированы и снабжены дискурсивной разметкой. Транскрипты были проанализированы с помощью системы интеллектуального анализа текста KN Coder. На основе полученных статистических данных, визуализаций и конкорданций удалось установить узловые и некоторые важные периферийные точки пандемийного дискурса. В интерпретации полученных данных мы опираемся на семиотическую теорию дискурса Э. Лакло и Ш. Муфф. На основе анализа практик артикуляции значений выявленных точек им (точкам) дается толкование по предложенной А. Вежбицкой модели – через семантические (пресуппозиционные) примитивы. Описанная процедура анализа в применении к кульминационным событиям устных рассказов о жизни в условиях пандемии, собранных в рамках интервью, позволяет предложить следующую модель ЛКМ «Эпидемия» на лексическом уровне (приводятся лишь пять примеров):

О ЧЕЛОВЕКЕ говорится в связи с изменениями («становиться», «новый») и БОЛЕЗНЬЮ {Б меняет Ч}.

О БОЛЕЗНИ говорится в связи с ЧЕЛОВЕКОМ {Б и Ч антагонисты}.

О СЕМЬЕ говорится в связи с изменениями и в связи с БОЛЕЗНЬЮ {Б атакует и меняет С}.

Об УЛИЦЕ говорится в связи с невозможностью ЧЕЛОВЕКА выйти из дома {У символ свободы Ч}.

О ВКУСЕ говорится в связи с его исчезновением как главным симптомом БОЛЕЗНИ {утрата В – главный признак БОЛЕЗНИ}.

Исследование позволяет квантифицировать и визуализировать процессы семиозиса в рамках выбранного материала.

Павел Болдин, независимый исследователь, Псков

Есть ли смысл в Природе?

В основании подхода лежит семиотическая аналогия (Книга Природы), которая утверждает что природные объекты в процессе познания предстают в виде семиотических объектов – Текстов, само познание является не чем иным как разгадыванием Языка на котором этот Текст написан, а результатом познания являются научные теории, которые выражают семиотику Языка природного Текста. Семиотика знака имеет следующую структуру (на примере естественного языка): синтаксис→семантика→прагматика→знаковая часть (тело знака)

– Синтаксис: изучение связей и отношений синтаксических единиц (предложений), имеющих определённое грамматическое значение.

– Семантика: предполагает (семантический треугольник) сопоставление синтаксически определённым конструкциям предметного (семантического) значения и смысла.

– Прагматика: изучает использование семантически осмысленных синтаксических конструкций в речи и предполагает выделение локуции — речевого акта (прагматическое значение), иллокуции — осмысленного речевого акта (прагматического смысла) и перлокуции — действия речевого акта.

– Знаковая часть: может быть (пирсовская классификация) символической — тело знака никак не связано с его содержанием (знаковое значение), иконической — «фотографическая» связь (знаковый смысл), индексальной — причинная связь (знаковое действие).

Анализ научного знания показывает, что оно разделяется на четыре науки (типа научных теорий), которые жёстко связаны по принципу необходимости («=>») научных теорий предыдущей науки для построения теорий последующей науки: логика=>математика=>физика=>естествознание (дисциплинарное). В соответствии с семиотической аналогией природный объект предстает как семиотический объект, а предмет познавательной активности является один из аспектов его семиотики. Сопоставление структуры семиотики знака и характеристик каждого из её аспектов с одной стороны со структурой научного знания и характеристикой каждой из её наук с другой стороны даёт общую основу семиотической аналогии. При этом предметная неоднородность каждой из этих наук, выражающаяся в иерархии абстрактных объектов в рамках каждой науки, однозначно сопоставляется с системой значений в рамках каждого из семиотических аспектов. Реализация семиотической аналогии выглядит следующим образом:

– Логика выражает синтаксический аспект природной семиотики, а логические (истинностные) значения являются аналогом грамматических значений.

– Математика выражает семантический аспект природной семиотики, числа являются её предметными значениями, а геометрические формы — природными смыслами (через метод координат).

– Физика выражает прагматический аспект природной семиотики, временная координация выражает природную локуцию, пространственно-временная координация — иллокуцию (гравитация — иллокутивная сила), а квантование — перлокуцию (квант действия).

– Естествознание выражает знаковую часть природной семиотики, при этом химический атомизм является аналогом символической знаковости, биологический в виде генетического кода — аналогом иконической знаковости, нейрональный — аналогом индексальной знаковости. В человеке знаковость становится знаком (ментальным объектом).

Дарья Быльева, Санкт-Петербургский государственный политехнический университет
Многомерное техногенное пространство смыслов

В рамках когнитивной семантики рассматриваются возможности соотнесения языковых выражений и мысленные представления пользователей об их значениях. П. Гарденфорс предлагает использовать для этого концептуальные многомерные пространства (Gärdenfors, 2011). При этом концепт представляется как набор областей в ряде измерений вместе с информацией о том, как соотносятся области в разных измерениях. (Gärdenfors, 2011, стр. 3).

В тоже время современные технологии Искусственного Интеллекта (ИИ) в области обработки естественного языка, позволяющие переводить и создавать тексты, вместо замены слов или словосочетаний одного языка на таковые другого, создают собственное многомерное языковое пространство. Каждое слово имеет свое значение в пространстве с 300 или 600 измерениями. Мы можем оценить только соотношений расстояний в них, свидетельствующие о том, что векторы показывают семантические и синтаксические отношения между словами. Так, векторное уравнение имело вид «король – королева = мужчина — женщина» (Pennington et al., 2014). Однако слово «король» может быть представлено в явном векторном пространстве с помощью 51409 контекстов, его атрибутивное сходство со словом «королева» основано на сочетании двух аспектов королевской власти и принадлежности к человечеству (Levy & Goldberg, 2014, p. 177). Для анализа техногенного многомерного пространства смыслов

используются тепловые карты, позволяющие наглядно увидеть некоторые закономерности в создаваемом нейронными сетями. Таким образом мы имеем дело с нечеловеческой репрезентацией смысловых связей языка. Неудача символического подхода к языку ИИ означает, что люди не смогли объяснить машине все правила и (экспоненциально растущие) исключения. Зато использование самообучающихся на огромных массивах данных нейронных сетей послужило построению техногенной многомерной модели языка, нуждающейся в исследовании.

Литература

Gärdenfors, P. (2011). Semantics Based on Conceptual Spaces. In Logic and Its Applications. ICLA 2011. Lecture Notes in Computer Science, vol 6521. (pp. 1–11). Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-642-18026-2_1

Levy, O., & Goldberg, Y. (2014). Linguistic Regularities in Sparse and Explicit Word Representations. Proceedings of the Eighteenth Conference on Computational Natural Language Learning, 171–180. <https://doi.org/10.3115/v1/W14-1618>

Pennington, J., Socher, R., & Manning, C. (2014). Glove: Global Vectors for Word Representation. Proceedings of the 2014 Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing (EMNLP), 1532–1543. <https://doi.org/10.3115/v1/D14-1162>

Александр Воинов, Санкт-Петербургский политехнический университет
Феноменологическая семиотика мифа и притчи

Доклад развивает идеи экспериментального исследования, где сравнивались классический и «метафорический» подходы к субъективному шкалированию стимулов предметной области экспертом. Выяснялось, что с введением метафор в пространство стимулов удается полнее и глубже реконструировать представление эксперта, отражающее его личный, «живой» опыт «бытия» в данной предметной области.

Следующий шаг, предлагаемый в докладе, эвристически основан на идеях философской феноменологии, систематизирующей интуитивные представления о «живом опыте», «личном значении», «значимости» и прочих понятиях, находившихся в фокусе вышеупомянутого исследования.

На основе обзора современной литературы по программе т.н. «натурализации феноменологии» и смежных областей знания, предлагается семиотическая модель коллективно разделяемой апперцепции, основанная на идеях М. Мерло-Понти о роли общего интенционального объекта в со-конституировании эго и альтер-эго и обеспечиваемой этим феноменологии коллективной деятельности.

В докладе подчеркивается роль метафоры (включая «притчу» как составную метафору) в данном процессе, как конструкта, обеспечивающего параллельное сосуществование «нормативной» знаковой системы, описывающей совокупность рациональных знаний о мире, и «интенциональной», где живой опыт апперцепции значимых стимулов превалирует над рациональным знанием о них.

В качестве формальной семиотической модели в докладе используется теория семантического смещения Фоконье, позволяющая обобщить схему традиционного противопоставления пространств «оболочки» и «содержания» в метафоре на случаи (ирония и пр.), где указанные пространства формально совпадают, а выход за пределы «рационального» достигается путем особой «склейки» элементов пространства, на рациональном уровне между собой несвязанных или прямо противоположных.

Данная модель позволяет переосмыслить и обобщить идеи Р. Барта о вторичной знаковой системе и ее роли в таком явлении, как социальный миф, и предложить тезис: миф есть притча с табуированной достоверностью.

В заключение доклада предлагается программа экспериментального исследования в области статистической обработки текстов, имеющей целью выявление над-рациональных семантических «склеек» в массивах социально-значимых текстов. Представляется вероятным, что одним из результатов такого исследования может стать статистическая модель вторичной знаковой системы, регулирующей пространство социально-мифологических смыслов, отражающих скрытый, но реально функционирующий в повседневной практике слой знаний общества о самом себе.

Екатерина Кабакидзе, Московский государственный университет

Психосемантический анализ политической рекламы: константы и переменные

Политический и рекламный тексты относят к дискурсам активного воздействия, содержащим в себе прагматический парадокс, переводящий адресата из категории пассивного потребителя визуальной информации в активного со-творца политической реальности. В процессе восприятия контента политической рекламы, которая может быть представлена одной из множества визуальных форм (плакат, листовка, карикатура, билборд, рекламный ролик и некоторые другие), происходит активизация как интерсубъективных значений, так и личностно-значимых для агента смысловых категорий сознания. Изменения в концептуальной системе агента происходят в результате когнитивных процессов, связанных как с рациональным, так и с подпороговым, нерелексивным восприятием. Активизация, выведение на передний план категорий, задействованных в процессах осмысления объектов или ситуаций сознания осуществляется одновременно через несколько каналов связи: зрительный (семиотический код) и вербальный (семантический код), поэтому политическую рекламу относят к поликодовым текстам. Доступ к категориям сознания и подсознания политической рекламой часто обеспечивается за счет суггестивных элементов, которые позволяют нейтрализовать защитные механизмы психики, снижают степень рациональности и критичности восприятия. Суггестивный потенциал рекламы вызван архетипическими основами восприятия окружающего мира, которые дают почувствовать агенту «искусство прекрасной игры ощущений». Базовым механизмом распознавания смыслов поликодового текста является аппрезентация, которая лежит в основе познания субъектно-объектных отношений, фундируя ментальные лингвистически выраженные акты. Несмотря на то, что впечатления, которые получает реципиент от визуальных образов и вербальных компонентов политической рекламы часто не рефлексированы, они, тем не менее, при вербализации адресатом структурируются в соответствии с осознанными, стереотипными категориями. Целью исследования является описание структур политического сознания, выявление особенностей категоризации политической рекламы методами психосемантики, сопоставление визуального и вербального кодов, анализ суггестивного потенциала поликодового текста политической рекламы, представление политической рекламы с позиций визуальной метафоры. В связи с тем, что визуальные произведения отличаются вариативностью интерпретации, свобода интерпретации полимодального текста возрастает по мере его метафоричности или усложнения графического образа. Особое внимание в докладе будет уделено константам и переменным в восприятии и интерпретации текстов политической рекламы.

Алексей Кошелёв, Издательский Дом ЯСК, Москва

Онтогенетическое значение слова как иерархия трех его возрастных значений: детского, подросткового и взрослого

Известные подходы к определению основного значения слова, такие как аналитические толкования Ю. Д. Апресяна, концепты базового уровня Э. Рош – Дж. Лакоффа и теория Л. Барсалу

воплощенного/укорененного (embodied/grounded) познания, при всех их различиях сходны двумя общими свойствами: их дефиниции лексических значений 1) опираются на прототипы референтов и 2) задают некое единое, «усредненное» значение, никак не отражающее возраст носителя языка и связанную с ним глубину его понимания референта. Первое свойство предопределяет заведомую неточность таких дефиниций, поскольку исключает нетипичные референты, безусловно входящие в человеческие категории. Второе свойство неявно постулирует универсальность этого «усредненного» значения, его неизменность при использовании слова в различных видах вербального мышления (практическом, теоретическом, художественном и др.). Между тем, согласно целому ряду ученых (Х. Вернер, Л.С. Выготский, Ж. Пиаже, А.Р. Лурия, М. Коул, П. Тульвисте и др.), значение одного и того же слова может меняться при переходе от одного вида мышления к другому, ср.: «Значение слова неконстантно... Оно изменяется и при различных способах функционирования мысли» (Выготский). В опоре на идеи четырех отечественных ученых: Л.С. Выготского, Ф. Добжанского, И.М. Сеченова и Н.А. Бернштейна, в докладе предлагается функциональный подход, нацеленный на преодоление этих двух изъянов упомянутых подходов. В его рамках основное значение слова определяется как онтогенетическая структура трех возрастных версий значения: целостное значение (детская версия) → системное значение (версия младших школьников) → функциональное значение (версия старших школьников). Целостное значение (концепт базового уровня) формируется у ребенка в 2-3 года, системное значение (система частей референта) – в период от 3-4 до 11-12 лет, а функциональное значение (система функций этих частей) – после 13-14 лет. Важно подчеркнуть, что каждое новое значение, развиваясь из предшествующего (стрелка →), не заменяет его, а начинает использоваться наряду с ним. Причина в том, что новое значение порождается новыми, более сложными задачами, с которыми начинает сталкиваться ребенок. А прежние задачи он решает посредством предыдущих версий значения.

В докладе даны определения онтогенетических значений нескольких слов, и на их примере показано, что каждое из трех возрастных значений слова предназначено для своего вида вербального мышления (свойство гетерогенности мышления): целостное значение – для практического (конкретного) мышления, системное – для конструктивного мышления (работа с частями референта), а функциональное – для теоретического (абстрактного) мышления.

Виктор Ларионов, Вологодский государственный университет

Возникновение аффордансов артефактов как процесс смыслообразования (на примере оружия)

В статье на примере оружия рассматривается процесс появления аффордансов у артефактов, как результат экспоненциального роста накопления знаний. В качестве методологической основы исследования использована теория М. Коула, которая обладает большим аппликативным потенциалом и позволяет дать объекту целостную характеристику. Под «артефактом» понимается материальный объект, созданный человеком, в процессе творческой преобразовательной деятельности и предназначенный для определенной цели. Соотношение их встроенных и случайных функций (аффордансов) является одной из основных проблем, изучаемых в теориях артефактов. Термин «affordance» (аффорданс) трактуется как «потенциальная возможность» и позволяет детально проанализировать все возможные варианты применения того или иного артефакта человеком в зависимости от его текущих намерений. Процесс активной познавательной деятельности субъекта, приводящий к изобретению новых функций по использованию материальных объектов, рассматривается автором с позиции конструктивного (деятельностного) реализма. В материале статьи, в контексте гипотезы К. Бхекузулу, рассмотрены варианты представления этапов процесса накопления знаний с использованием математических функций и общих закономерностей стадийной эволюции с учетом

существующего разрыва между «идеальным» и «реальным» знанием, трактуемым как «потенциальное отставание» («potential gap»). На примере огнестрельного оружия приведен порядок смены технологических укладов, определивших основные исторические этапы его разработки и изготовления. Анализ смены технологических укладов проводился посредством выделения из состава огнестрельного оружия его основных механизмов, которые отвечают за строгую последовательность воспроизводимых процессов, относящихся к заряданию, зажиганию пороховой смеси и наведению на цель. Наличие на законодательном уровне строгой регламентации, касающейся торговли, производства, приобретения, ношения и использования определенных видов оружия, толкает людей, в случаях угрозы их жизни и здоровью, к использованию в качестве средств защиты обычных бытовых предметов, которые в избытке окружают нас в повседневной жизни. В этих условиях целесообразно дополнить существующие подходы и методики экспертизы и оценки характеристик артефактов комплексным анализом не только предзаданных, встроенных функций, но и аффордансов, как потенциально возможных способов использования окружающих нас материальных объектов и технологий в качестве оружия.

Анастасия Лисенкова, Пермский государственный институт культуры

Гипертекстуальность, как основа актуального интернет-дискурса и новой организации смыслового пространства цифровой среды

В современном цифровом мире производство нового контента в режиме тотальной интерактивности стало возможным благодаря развитию интернет-гипертекстуальности, создающей новые смыслы и новые системы. Гипертекст, являясь основой интернет-дискурса, сделал интернет единым местом высказывания, обеспечивая плотную и непрерывную взаимосвязь всего корпуса текстов, которые, собственно, и составляют это глобальное пространство. В данном дискурсе «всякий гипертекст своим содержанием определяет коммуникативную внутреннюю смысловую среду этого пространства, встроенную во множество актуальных контекстов в процессе коммуникации. Будучи помещенным в реальный процесс виртуальной коммуникации, в реальное пространство преобразования он становится intersubъективным» (Саяпин В.О. Смысловые реалии гипертекста в виртуальной коммуникации. // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2012. Вып. 3 (11). С. 107.). Виртуальный гипертекст позволяет выстраивать систему отсылок, каждая из которых, с одной стороны, независима и самодостаточна, с другой, все эти «отрезки» взаимосвязаны между собой и представляют некую виртуальную целостность, состоящую из фрагментарной множественности. С новыми технологическими возможностями, которые обеспечивают и стимулируют интерактивность, гипертекстуальность становится инструментом постоянно возобновляемого и множасьегося смыслового единства в пространстве глобальных цифровых платформ.

В этой связи происходит не только изменение контекста, появление гипертекста, но и отчуждение самого текста и контента (т.е. культурного смысла) от создателя этого культурного смысла или продукта. Отчужденный контент становится частью повседневного опыта и порождает новые формы культурных практик. Интернет-гипертекстуальность, как принципиальная организация информационно-смыслового пространства цифровой среды оказывается не только формой репрезентации повседневных практик и разгрузкой памяти, но и новым способом организации современного контекста, требуя нового понимания и иной структурной организации как реального, так и виртуального повседневного дискурса.

Таким образом, современная цифровая среда позволяет гипертексту осуществиться на более разнообразных условиях ризоматических цифровых платформ, создавать новые смыслы и уровни, которые выстраиваются самим рецепиентом в процессе интернет-дискурса. Поэтому для современного виртуального гипертекста особенно важной оказывается не только смысловая, но и алгоритмически-техническая составляющая. В результате гипертекст порождает

развитие гипермедийной среды глобального взаимосвязанного цифрового дискурса, изучение которой становится одним значимых исследовательских направлений современности.

Елена Луговская, Приднестровский государственный университет, Молдова

The psycho-cognitive sight at thinking as on the way and process of information distortion during the communication

The author goes off of the concept of meaning as a specifically human mechanism for regulating the processes of activity and consciousness (according to A.N. Leontiev) and Vygotsky's views on the word ("which is impossible for one person and possible for two") as the most direct expression of the historical nature of human consciousness. Thinking is connected with consciousness and knowledge ("the Word as Genesis, a lively thought" by Hegel). While the information means any data passed using signals and a materialized but non-material code and we agree that consciousness is a condition and principle of informative and communicative being (for an anthropocentric approach – psycho-cognitive being). So the information materialized in the communication as an embodiment (as the communicating assume reciprocity of information exchange). And consciousness conditionally materialized entity, toolkit, which can be explored from two points of view - external and internal.

The internal approach to the description of consciousness as a reflection of reality phenomenon consists of the reflective mechanisms in the Self presence. (described, for example, for a person or some species of other living organisms. The undeveloped problem of consciousness for objects of inanimate nature is not a reason for denying them consciousness). From this point of view, we give the question of individual consciousness our careful consideration to the consciousness of the Self. The external approach to the description of consciousness as a toolkit for reflection of the validity assumes entify some ideal essence that includes all individual consciousnesses but is not a simple set of these consciousnesses. It acts as the reason and the way of existence of both individual consciousness and itself. From this point of view, consciousness is the Self to consideration.

Thinking (cogitation) is the process and the way of distorting information. That is, thinking is necessary for communication. And such a statement of the question indicates the anthropic essence of thinking. Thus, in the conditions of psycho-cognitive existence, according to the internal approach to consciousness, thinking is a process and a way of distorting information in communication.

Татьяна Маркова, Челябинский государственный университет

Человек и непостижимое: опыт семиотического анализа на материале искусства

В наши дни, когда развитие человеческого сообщества обретает всё более сложный, кризисный и стихийный, то есть во многом непостижимый характер, возрастает потребность проникнуть в закономерности этого процесса, раскрыть смысловую динамику совершающихся при этом исторических трансформаций. Для решения данной задачи перспективным выглядит следующий эвристический прием: с опорой на философское знание осуществить семиотический анализ тех произведений искусства, в которых актуальная для современности проблема непостижимого поставлена особенно остро и наглядно. Составляющие этого анализа — философский труд С.Л. Франка «Непостижимое» (1937), фантастическая повесть братьев Стругацких «За миллиард лет до конца света» (1976) и поставленный по ее мотивам фильм Александра Сокурова «Дни затмения» (1988). Франк в своем произведении выделяет «непостижимое для нас» и «непостижимое само по себе», что в проекции на материал искусства задает два главных предмета анализа — человек и противостоящая ему непреодолимая реальность. Последовательная трансформация смысла каждого из них при переходе от семантического уровня, соответствующего литературе, к семантическому уровню кинематографа, а затем и к уровню философской рефлексии на прошлое с точки зрения исторической дистанции,

позволяет сделать достаточно определенные выводы. Если у Стругацких непостижимое выступает в виде Гомеостатического Мироздания, то есть некоего начала, принципиально непостижимого в плане и пространства, и времени, то у Сокурова, апеллирующего к пространственному образу Востока (который недвусмысленно отождествляется с «реальным социализмом»), это начало предстает как непреодолимое время. При этом переосмыслению подвергается образ главного героя: в повести он, будучи астрофизиком, капитулирует перед непостижимым, тогда как в фильме, являясь врачом, он противостоит непостижимому в его темпоральном, временном аспекте (правда, без какой-либо ощутимой надежды на успех). Совмещение философской, литературной и кинематографической оптики, спроецированной на кризисную ситуацию наших дней, позволяет сделать вывод, что непостижимое в определенной степени доступно раскрытию и преодолению в процессе созидания человеком своей формы, то есть в ходе постоянной переработки им контекста своего существования не только в его пространственных, но и временных параметрах.

Павел Мишагин, Сибирский государственный университет науки и технологии, Красноярск
От знака к символу: свобода в пространстве семиозиса

(Исследование выполнено при поддержке краевого государственного автономного учреждения «Красноярский краевой фонд поддержки научной и научно-технической деятельности» Заявка № 2022022808242).

В работе предлагается исследование знака в системе субъектно-объектных отношений и раскрытие субъектно-объектных характеристик знака посредством их высвобождения в символе и в мире как художественном произведении. Отталкиваясь от идей классиков семиотики (Ч.С. Пирса и Ч.У. Морриса) и их современных интерпретаций (Bogdanovic M., Dechsubha T., Niu M., Лунева О.В., Черничкина Е.К.) автор показывает, что предлагаемые ими схемы процесса семиозиса идеально применимы исключительно к элементарным знаковым ситуациям и работают только на уровне «естественных знаков» и являются недостаточными, когда мы пытаемся охватить проявления знаковости во всем их многообразии. Впервые в отечественной и зарубежной семиотике автор предлагает сопоставительное рассмотрение классических и восходящих к ним семиотических моделей как «минимальных», или «генетических» моделей знаковости, с более богатыми содержательно, «максимальными» или «акметическими» моделями знаковости, в результате чего формулирует гипотезу о том, что процесс семиозиса в своей сущности, при расширительной трактовке, присущей акметическим моделям знаковости может выступать пространством свободы как пространством свободного семиотического движения.

Достаточно осложненная знаковая ситуация с реальным отправителем («межсубъектная» знаковость и коммуникация) возникает на уровне инстинктивного общения животных, где в качестве знака выступает уже сигнал; она получает дальнейшее развитие на уровне человеческого разумного общения с помощью символов и охватывает всю культуру (технику, искусство, науку и т.д.). Человеческая знаковость может быть охарактеризована, во-первых, несравненным расширением охвата (кроме непосредственного окружения, она включает многое другое – все, что доступно чувственности, представлению, мысли человека), во-вторых, несравненным углублением способности вникать в суть вещей (наряду с феноменально-эмпирическим слоем она охватывает сущностный – логически отображаемый – слой мира и слой взаимоопосредования явления и сущности), в-третьих, несравненно большей дифференцированностью (так, одному животному сигналу у человека могут соответствовать десятки тонко и четко дифференцированных знаков). Высшей ступенью развития символа и, вместе с тем, началом его разложения (в том же смысле, что началом разложения культуры по О.Шпенглеру, является возникновение цивилизации как свободного образования) являются собственно условные словесные – «разумно-логические» знаки и словесный язык. В

этом смысле есть основания предполагать, что процесс семиозиса понимаемый как свободное семиотическое движение может выступать онтологическим основанием феноменально-эмпирических манифестаций свободы.

Надежда Николина, Томский государственный университет

Юмор в социальном мире ученых

Социологи науки занимались исключительно серьезной стороной науки. Мало внимания уделяется юмористическим аспектам научной культуры. Многие исследователи задаются вопросом, стоит ли изучать юмор. По-видимому, предполагается, что изучение научного юмора само по себе должно быть легкомысленным [G. Travis, M. Rudwick]. Однако юмор часто является заметной чертой социального взаимодействия в сообществах ученых. Почему следует изучать юмор? Основная причина заключается в том, что это стоит изучать просто как юмор. В основе этого ответа лежит наблюдение о том, что юмор является еще более универсальным социальным феноменом, чем «наука». Точно так же, как анекдоты о свекрови могут рассказать нам что-то интересное в повторяющихся моделях социального взаимодействия и дискурса в определенных семейных группах, статьи ученых в сатирических журналах могут рассказать кое-что о процессах взаимодействия в науке. По смысловой нагрузке научный юмор делится на юмор для ученых (юмор, который понятен только ученым) и юмор о науке (юмор, который понятен общественности). Когда шутки о науке делаются для менее опытных аудиторий, структура юмористического продукта намного проще, а интерпретационные контрасты более очевидны. Юмор - это тема, которая особенно поддается анализу дискурса, так как большая часть юмора имеет дело с формами игры слов о воображаемом или реальном мире. Юмор не является характеристикой событий самих по себе. Юмор - результат того, как участники изображают и организуют смысловые версии событий в ходе социального взаимодействия. Организация участниками юмористического дискурса - это один из аспектов их способности создавать разнообразные интерпретации своего социального мира [H. Sacks]. Юмор является важной темой с аналитической точки зрения, поскольку он наиболее четко раскрывает интерпретационную работу, с помощью которой ученые создают социальный смысл [M. Mulka, N. Gilbert]. В докладе будут приведены примеры юмора для ученых (фразы, статьи) и юмора о науке (визуальные образы).

Кирилл Михайлов, РАНХиГС, Москва

Логика в произведениях научной фантастики: от «возвращения со звезд» до «новояза».

В настоящем докладе, органично продолжающем наш цикл «неожиданных логических сюжетов» (логические конференции 2013, 2017, 2018 гг.) будут представлены некоторые аллюзии логического характера, возникающие при прочтении ряда произведений научной фантастики. 1. С. Лем, «Возвращение со звезд». Для начала дадим некоторую интродукцию. Важным явлением общественной жизни являются социальная аналитика и социальное прогнозирование. Причем здесь возникает контур обратной связи – опубликованное предсказание само становится объективным элементом описываемой социальной жизни и может, в свою очередь, влиять на нее. Здесь возникает ситуация, известная как «эдипов эффект» («самосбывающееся пророчество») – когда сам прогноз как социальный факт запускает цепочку событий, ведущих к его осуществлению. Здесь же уже мы предлагаем ввести категорию самонесбывающегося пророчества, дефиниция которого очевидна. Приведем пример. Чтобы написать эти тезисы, мне надо было мобилизоваться. Если бы я был «шапкозакидательски» уверен, что, «как всегда», справлюсь с работой, я мог бы с ней не справиться. Поэтому получается что-то вроде следующего софизма: самые уверенные в себе люди таковы, потому что пытаются

своими успехами, порождающими уверенность, заглушить зудящий голос неуверенности. Именно сомнение в осуществлении решающим образом помогает осуществлению и упразднению сомнения. Конечно, я знаю, что справлюсь, но для этого нужно хотя бы временно этого, так сказать, не знать (что-то вроде оруэлловского двоемыслия, ситуация, близкая известному стоическо-кантианскому парадоксу добродетели как действующей причины счастья). Это весьма занимательное свойство социальной рефлексии («Спаситесь нам помогли именно пророчества, что все пропало») мы предлагаем назвать «эффектом анальгина» («Зачем же я пил эту проклятую вредную таблетку, голова ведь сама прошла», «Зачем же я так нервничал, знал ведь, что добьюсь успеха»). Переводя идею Лема («эффект возвращения со звезд») на язык социальной философии, получаем следующее. Время и силы, затраченные на получение того или иного результата (оцениваемого как «важный» на момент начала операции), часто полностью обесцениваются, ибо тогда, когда, наконец, достигли результата, он уже не актуален, не нужен и не востребован («слишком поздно»). Точно так же и здесь – современная социальная реальность настолько сложна и динамична, что социальная аналитика скоро просто перестанет поспевать за ней – когда готов профессиональный обзор того или иного ее среза, сама ситуация уже в корне поменялась. То есть институт эффективной социальной аналитики будет съезживаться.

2. Г. Шахназаров, «Нет повести печальнее на свете». Предполагается обсудить представленную в этом романе интересную идею выразимости понятий в языке и несоизмеримости разных языков, где даже нет единства понятий, задаваемых через профессиональный сленг.

3. Платон, «Миф о пещере» + Дж. Оруэлл, «1984». Развитие идеи границ (не)выразимости понятий в различных языках («язык пещеры», «новояз»).

Татьяна Овчинникова, Московский социально-гуманитарный институт **Современная оценка научных публикаций и ее смысл**

Каков *смысл* «цифровой» оценки *творческого вклада* автора в его научную работу? – встает вопрос при знакомстве с требованием исключить из нее *самоплагиат*. что означает почти полное отсутствие повторяющихся слов и фраз в последующей работе автора.

Поскольку степень *творческого потенциала* в поданной автором работе выявляет *машина*, фиксирующая *форму*, а не *смысл* работ, можно говорить о требовании (*машины*) от автора обновления *формы* текста при каждом *новом* обсуждении этого или сходного *содержания*.

Что же оценивается в таком случае даже при указании процентов новизны? – Новая мысль? Новый взгляд на проблему? Новая точка зрения? Или же число вновь введенных слов и фраз?

Как, например. КИП (контрольно-измерительные приборы) отличить от «КИП» (культурно-исторического подхода)?

При таком подходе встают, можно сказать, нерешаемые, вопросы о том, возможно ли выполнить указанные требования. Каков их *смысл*? Вот некоторые из них.

- Как можно *продолжить* далее обсуждать, *углубляя*, уже высказанные автором мысли в предшествующей статье? Если назвать в *следующей* за ней работе те же явления или события другими словами, - читатель тебя просто не поймет.

- Как обсудить вопрос о *развитии* человека в онтогенезе, об особенностях его развития? - Видимо, вопрос этот совсем должен быть закрыт, поскольку охарактеризовать в *следующей* статье те изменения, которые произошли с наблюдаемыми свойствами и качествами, не упомянув о них, невозможно.

По этой же причине оказывается закрытым вопрос о *характеристике совокупности* изучаемых свойств и качеств субъекта, рассмотрение которых возможно, например, в разное время его жизни. Такое обсуждение невозможно без сопоставления, без упоминания о сказанном.

Чтобы соответствовать требованиям указанной «новизны» (80 % или 90 %) следует что-то писать, только окончательно забыв об уже сделанном и достигнутом, не упоминая об этом даже при обсуждении других проблем.

Вот и получается чисто по-русски: «Кто старое помянет, - тому глаз вон».

Так что же произошло в жизни ученых, исследователей, - особенно, тех, кто занимается изучением жизни *живого развивающегося* человека? - Видимо, в наш век «цифровизации» дело дошло до того, что *главным ценителем творчества* является *машина*. Невольно встает вопрос о том, каков *смысл* введенных ограничений при публикации работ? Есть ли он, этот *смысл*?

Дионисий Пронин, независимый исследователь, Якутск

Наименования и обозначения больших чисел в кириллице

Большие числа в кириллице свыше десяти тысяч имели собственные имена и обозначения. Традиционно в учебных пособиях и научных изданиях рассматриваются только наименования тьма, легион, леодр, ворон и колода. Однако существует ряд сведений как уже открытых, но не ставших широко известными, так и обнаруженных вновь, которые позволяют вновь ставить вопрос о назначении этой системы и смыслах, вкладываемых в знаки и их систему. Автор на данных кириллических рукописей рассматривает наименования и знаки в отдельности и в системе обозначения чисел.

Иван Романов, Волгоградский государственный университет

Культура отмены как современная форма языковых игр

В современном постмодернистском мире, согласно взгляду Жана Бодрийера, первостепенное значение отводится понятию символа и образа. В условиях глобализации и развития информационного общества, происходит активный процесс образования новых форм коммуникации, основанных на конвенциональном и публичном принятии различного рода понятий. Человек сегодня находится в окружении активно образующихся новых символов. Процесс глобализации, расширив границы понимания образов, заставил уживаться в едином медиапространстве людей никогда ранее друг друга не встречавших и с разной культурной основой.

Рано или поздно должен был возникнуть механизм урегулирования усредненной морали, который бы дал возможность однозначно трактовать ту или иную ситуацию, основанную на сложности моральной оценки. Таким цензором сегодня выступает механизм контроля публичного пространства в новоэтической морали – культуры отмены. Основой данного механизма, является форма интерпретации действий и словесных конструкций, в границах допустимых в данный момент моральных тем. Определителем моральной нормы, выступает причастность или отношение к конкретной социальной группе, ранее или в настоящий момент находящееся в несбалансированном, угнетенном состоянии.

В настоящем докладе, основываясь на идеях Людвига Витгенштейна и Поля Рикёра, будет предпринята попытка интерпретации процесса установления культуры отмены как формы языковых игр, а также установление зависимости между различным культурным пространством и конфликтом интерпретаций. В попытке создать мир, основанный на плюрализме, сохранение человечности является основным вызовом современного общества. Однако, формы интерпретации имеют высокую степень зависимости с набором конкретных действий и элементов поведения в публичном пространстве, не противоречащих новообразовавшимся нормам новой морали.

Отдельное внимание будет уделено расшифровке современных словесных конструкций, включающих в себя одновременно и политическую, и социальную, и культурную основы. Также будет затронут вопрос об уровне аргументации современных обществ, продвигающих культуру отмены

Лора Рыскельдиева, Крымский государственный университет им. В. И. Вернадского
Об особенностях различия между смыслом и значением

1. В любой практике использования понятий «смысл» и «значение» следует учитывать два вида различий: лингвистическое и контекстуальное. Первое связано с особенностями «смысла» и «значения» в разных индоевропейских языках: в греко-латинской паре *voûc/sensus* обоим понятиям свойственна сходная полисемия; немецкая *Sinn/Bedeutung* прояснена, но связана с путаницей в ее переводе на английский, а в английском различии *sense/meaning* не легко определить соответствия паре *смысл/значение*; французская *sens/signification* ближе к русской паре, так как *sens* – скорее то, что схватывается целиком, а *signification* – результат процедуры обозначения. Контекстуальное различие связано с познавательной установкой и исходно «данным»: в аналитической установке стремление к истине заставляет двигаться вперед, от смысла предложения к его значению (Г. Фреге), а для феноменологической путь к смыслу есть путь назад, от дескрипции к глубочайшему, «наивнутреннейшему ядру ноэмы» (Э. Гуссерль).

2. Суть различия русской языковой пары *смысл/значение* на других европейских языках передать нелегко и можно утверждать статус русского «смысл» (*Smysl*) в качестве одной из непереводаемостей. Такой *Смысл* в философском тексте всегда отсылает к целостности, придавая ей двойной статус: а) метафизический либо в именной форме (как, например, в имяславии А.Ф. Лосева), либо в отглагольной (*смысл* как единство события и поступка, по М.М. Бахтину); и б) непреложно-презуптивный, в соответствии с которым *смысл* как условие мирового целого должен быть и должен быть объективным, то есть иметь аподиктическую модальность.

3. Презупция *смысла* распространяется на область всех вещей, процессов и событий, делая их осмысленными, однако, не производит ни одного из ожидаемых эффектов: ни теоретического, ни терапевтического (логотерапевтического), но имеет существенные импликации в поле практической философии. Ближайший к невербально-метафизическому способ реализации дискурсивности *смысла* – логико-семантический. Он требует ответственности и удержания целостности в двух направлениях рефлексии: к миру мысли (*с-мысл*) и миру имен (*значение*). Практика философской аргументации, апеллирующая к *Smysl*, вынуждена учитывать его непереводаемость и дискурсивную роль.

Елена Семенова, НП "Театр-ЭКС", Москва

Вклад Ж. Делёза в разработку концепта «юмор против иронии»

Современные междисциплинарные исследования в области гелотологии свидетельствуют о том, что юмор и ирония, при кажущемся внешнем сходстве, кардинально отличны. Актуальность обращения к различиям природы иронии и юмора обусловлена постоянно возникающей путаницей при любой попытке отличить юмор от иронии, распознать неюмористический текст, упакованный в юмористическую форму. Идеи Ж. Делёза, высказанные в работах «Логика смысла» и «Различие и повторение» о юморе и иронии нередко цитируются и осмысляются в философской, искусствоведческой литературе. Однако обращает на себя внимание факт того, что весьма ценные и оригинальные суждения французского философа о юморе и иронии не были рассмотрены в качестве стадии формирования концепта «юмор против иронии». Чтобы оценить вклад Делёза в разработку концепта «юмор против иронии» предлагается обратиться к современным достижениям в области онтологии смеха. В докладе используется форма заочного диалога между Ж. Делёзом, М. М. Бахтиным и А. Г. Козинцевым на предмет отличий юмора от иронии. Представляется оправданным видеть общее направление во взглядах Ж. Делёза, русского философа М. М. Бахтина и российского историка, антрополога, исследователя природы смеха А. Г. Козинцева, поскольку Ж. Делёз, в отличие от таких известных постмодернистских философов как Р. Барт, М. Фуко, У. Эко, касающихся вопроса карнавализации, а также Ж. Бодрийяра, рассуждающего о смехе и остроумии, ближе

всех к М. Бахтину и А. Г. Козинцеву своим стремлением противопоставить горизонтальную поверхность юмора вертикальной оси иронии. Творческие концепты Делеза очень близки по духу терминам и понятиям выдающегося философа М. М. Бахтина, спровоцировавшего во всем мире всплеск интереса к смеховой культуре, и суждениям нашего современника, историка, антрополога, основоположника междисциплинарного направления изучения природы смеха в России А. Г. Козинцева, рассматривающего смех с точки зрения феноменологии и онтологии. В докладе предлагается обратиться к результатам современных междисциплинарных исследований смеха, позволяющих оценить вклад Ж. Делёза в формирование концепта «юмор против иронии».

Евгений Сиверцев, СПбГУ

Логический и лингвистический аспекты суицида

Намерение совершить суицид возникает у человека под влиянием целого комплекса причин. Суицидологическая литература обычно разделяет причины на два типа: индивидуально-психологические и социальные. Как представляется, есть ещё и третий вид жизненных обстоятельств, которые требуют внимания со стороны суицидологии.

Большинство жителей Земли, планирующих (и иногда – увы – совершающих) суицид – люди, в психическом смысле совершенно здоровые. В принятии решения они используют общепринятую формальную логику, а также язык, подчиняющийся всем лингвистическим нормам. Возникает вопрос: почему при использовании единых для всех логики, семантики, синтактики и прагматики одни люди принимают решение уйти из жизни (и это решение кажется им рационально обоснованным), а другие удерживаются от этого шага (также ссылаясь на разум)? Обратим внимание на следующее: законы логики и лингвистики не являются абсолютными детерминантами мысли – всегда остаётся возможность для манипуляции терминами, их смыслами и значениями. (возможность такой манипуляции – необходимый инструмент выживания, созданный эволюцией).

Как считает американский психиатр и суицидолог Э.Шнейдман, в определённых ситуациях отдельные фразы и логические конструкции могут быть построены в соответствии с имплицитно существующей целью обосновать возможность и необходимость ухода из жизни – данная цель оказывается доминирующей в менталитете, первичной по отношению к процессу рационального размышления. А затем, уже на эксплицитном уровне, выстраиваются логические конструкции, оправдывающие возможность и необходимость такого шага. Человеческий разум оказывается подчинённым негативному переживанию ситуации и использует имеющуюся у него логико-семантическую свободу для рационального конструирования негативной ситуации. Шнейдман приходит к выводу: индивидуальное логико-лингвистическое «пространство» человека, попавшего в трудную жизненную ситуацию, может обретать весьма суицидоопасные качества. Эта опасность создаётся логическими ошибками, ангажированными ассоциациями, тенденциозным подбором слов и целых фраз.

Тихон Спиринов, Волгоградский государственный университет

Сохранение смысла в процессе символической интерпретации религиозного текста

Интерпретация религиозного текста в авраамических религиях, о которых пойдет речь в настоящем докладе, носит практический характер, т.к., в условиях изменяющегося мира, у иудеев, христиан и мусульман появляются два основных запроса: 1) ответ на вызовы недавно появившихся практик, 2) на помощь в формировании отношения к различного рода мировым процессам. Религиозный человек, находящийся в условиях постмодернистского секуляризирующегося мира, т.е. в ситуации деструктивного плюрализма интерпретаций и давления извне

на религиозные структуры, нуждается в поддержании своей идентичности. С этой целью представители авраамических религий используют традиционные и новые формы проповеди, которые являются результатом их интерпретаций.

В ходе все новых вызовов, представителям авраамических религий приходится интерпретировать священные тексты, исходя из контекста современности. Основной задачей выступает утверждение традиционного смысла с возможностью его реализации в современности (проблема ортопраксии). Наиболее популярный вид интерпретации – символический.

В докладе, основываясь на идеях Ханса-Георга Гадамера и Поля Рикера, будет предпринята попытка интерпретации процесса религиозной символической интерпретации текста, а именно: представлены универсальные механизмы символической интерпретации, выделены особенности расшифровки символов религиозным сознанием, указаны возможности сохранения смысла, исходя из проблем, создающихся в динамике развития влияния идей секуляризации. Сохранение смысла – основная задача для религиозного человека, т.к. именно смысл является ядром религии, например, в христианстве смысл является определяющим критерием при разнообразии видов реализации этого смысла в повседневности.

Отдельно будет показана проблема расшифровки символов религиозным сознанием в свете герменевтической теории, указывающей на препятствие в интерпретации, которое исходит из «отождествление себя с первоначальным читателем», что порождает стилизацию, следовательно, потерю связи с реальностью.

В докладе также будут рассмотрены проблемы аргументации, исходя из ситуации иллюзии аксиоматической неуместности религиозных оснований для тезисов, носящих идентифицирующий характер для исповедующего одну из авраамических религий.

Михаил Стригин, независимый исследователь, Челябинск

Неопределённость логики или квантовая семантика

В данной работе показан эволюционный путь символических форм: от рождения в поэзии через жизнь в науке к дальнейшему сохранению в философии. Иными словами, символическая форма эволюционирует от ложной формы через вероятностную к тавтологии. Эволюцию символических форм (поэтических образов, научных теорий, философских понятий) можно образно представить в виде гиперболы $F \times T = \text{const}$, где буквы F и T означают false и true, как предельные значения истинности. Диалектический круг гносеологии заключается в том, что философия поэтическим образом выстраивает базис, от которого отталкивается любая наука. Наука, за счёт когнитивности базиса, выстраивает научные теории, результаты которых, в свою очередь, философия доводит до предельной абстракции, что, в свою очередь, позволяет менять базис. Таким образом, круг завершается и, в качестве эмерджентности, преобразующей круг в спираль, наблюдается появление новой научной аксиоматики. Если жизнь символической формы, главным образом, протекает в пространстве социального, то её рождение связано с индивидуальностью. Человек выступает семантическим аналогом постоянной Планка \hbar , которая является минимальным уровнем квантового шума, порождающим квант энергии. Посредством индивида, происходит рождение символической формы, где индивид является минимальной семантической ячейкой шума, что обозначено как H. В дискуссии с Хинтичкой показано, что любая теория выстраивается в диалектике между аксиомами модели и аксиомами логики. Расширение семантики, охватываемой теорией, происходит благодаря индивидууму, расширяющему количество аксиом, причём аксиомы логики порождают новую аксиому модели и наоборот, образуя таким образом диалектический круг за счёт антиномии аксиом логики и аксиом модели. Демонстрируется, посредством расширения аксиоматики, эволюция априорного как базиса для построения смысла. Обосновывается необходимость введения третьего вида топологических суждений, помимо кантовских: аналитических и синтетических суждений (в топологии многообразия существенно различаются только количеством

«дырок», а приобретение новой дырки – это сингулярный, квантовый переход, например, переход от тора к многообразию в виде восьмёрки), их синтез происходит из предыдущей суммы априорного и ничто (суммы многообразия и дырки). Основная особенность квантовых суждений состоит в том, что мы соединяем категории разной природы. Мы как бы переходим с одного семантического многообразия на другое, и семантический вектор, соединяющий две категории, в таком случае не является непрерывным.

Вадим Чалый, БФУ им. И. Канта, Калининград

Нарративы, воображаемые и практики социального убеждения в популяционной генетике

В актуальной литературе по науке, технологии и обществу (STS) нарративы рассматриваются как инструмент производства общественного согласия или «социетальной готовности» (societal readiness) к инновациям (напр., Bernstein et al. 2022). Такое производство оказывается необходимым по причине растущего отставания обыденного сознания от научного и массового «несовершеннолетия» как неготовности понимать и участвовать в обсуждении техногенных вызовов и возможностей (напр., Marquard 1986/1991). Как частный случай этой проблемы обсуждается и феномен распространения нарративов вокруг генетики, рассматриваемый как глубокая культурная реакция на «постгеномную эру» (напр., Tsai and Lee 2021). В актуальной литературе к генетическим нарративам стали применяться методы культурных и текстологических исследований, которые изучают «генетические вымыслы» (Barker 2021, 1) как продукт человеческого творчества и как легитимную технологию производства социетальной готовности.

Одной из областей, где создание и распространение нарративов имеет конкретные и далеко идущие последствия, является популяционный биобанкинг и связанные с ним крупномасштабные национальные программы в области генетики, которые особенно хорошо поддаются обоснованию нарративами, апеллирующими к национальным воображаемым. Исследователи отмечают пролиферацию нарративов и конструирование «воображаемых генетических сообществ» вокруг крупных национальных биобанков, таких как Эстонский геномный проект (Fletcher 2004), Биобанк Великобритании (Busby and Martin 2006), FinnGen (Tarkkala 2019) и Тайваньский биобанк (Tsai and Lee 2021).

Проблема с нарративами заключается в том, что, хотя они и создают смыслы, они также открывают дверь для искаженного и аффективного способа общественного мышления и, таким образом, создают возможности для злоупотреблений со стороны корпоративных и государственных акторов, научившихся использовать недостатки такого мышления в своих интересах. Нарративы, будоражащие воображение и эмоции, способны отвлечь внимание общественности от сложных техногенных проблем, распознавание и решение которых требует иной формы организации и анализа информации. В своём докладе я сопоставлю нарративный и аргументативный способы общественного убеждения и производства «социетальной готовности» и продемонстрирую на «классическом» примере безуспешной попытки создания национальной базы данных сектора здравоохранения в Исландии (Icelandic Health Sector Database) способность нарративов служить привлекательной упаковкой для инноваций, которые при ближайшем рассмотрении и переосмыслении (рефрейминге) в рациональных терминах вызывают серьёзные этические сомнения. Этот и другие случаи заставляют признать, что нарративная форма обоснования и общественного убеждения в популяционной генетике (и за её пределами) должна, по крайней мере, сопровождаться рациональным аргументативным убеждением - при условии, что стороны всё ещё придерживаются универсальных нормативных рамок прав человека и не подменяют их локальными национальными и другими воображаемыми, похожими на те, что вдохновляли генетику в первые десятилетия XX века.

Для общей теории понимания и для определения роли интерпретации в эпистемологии следует рассмотреть те специальные подходы в решении этих вопросов, которые были выработаны многовековой практикой комментирования текстов Священного Писания. Эта практика предоставляет современным философам образцы понимания, выраженные в их типологии. Так экзегезис направлен на истолкование, результаты которого выражаются различными способами. Однако в случае Писания, общим смыслом является представляемая им истина. Истолкование текста начинается с распознавания смысла и значения слова. Значение слова – это только его возможное значение, тогда как смысл – его актуальное значение, соотнесенное с контекстом рассматриваемого фрагмента текста. Практика истолкования показывает, что контекст, сужающий диапазон значения слов, играет решающую роль при определении значения, в котором каждое слово используется в конкретном фрагменте или пассаже, и это значение как раз и будет истинным смыслом рассматриваемого слова.

Предложение может иметь несколько значений или один смысл и одно значение, которое оно передает. Здесь значение отмечает только возможное значение предложения, в то время как смысл является значением, которое это предложение здесь и сейчас передает. Замечу, что интерпретатор может придавать новый смысл отдельному предложению, действия в интересах отстаиваемой им точки зрения; он может пренебрегать первоначальным смыслом отдельного предложения или вовсе не принимать его во внимание. Опуская примеры такого рода «работы» с текстом, следует заметить, что существуют определенные правила толкования. Так, различая буквальный смысл текста или, в случае Библии, настаивая на преимуществе буквального толкования как наиболее значимого, толкователи признают символическое значение отдельных фрагментов текста и фигуральное словоупотреблении, как, например, в выражении «рука божья». Поясню, тем не менее, что здесь буквальный смысл (истина) должен действительно подразумеваться, что как раз и отличает требуемое восприятие текста от обыденного (или типичного). Например, мы отличаем литературные тексты по их стилю и судим о таланте писателя, исходя из богатства его языка и вкладываемого автором в содержание произведения смысла. На уровне анализа текста мы чаще всего встречаемся с так называемым производным или вытекающим смыслом. Буквальный смысл здесь ограничен тем непосредственным значением, который ему придает пишущий, так что истина, опосредованно высказанная им, не попадает в область буквального смысла. Именно в силу этого буквальный смысл отличается от типичного.

СЕКЦИЯ: ЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СМЫСЛА И ЗНАЧЕНИЯ

Ангелина Боброва, РГГУ; НИУ ВШЭ, Москва
Иконичность логики или иконичность в логике

Мы привыкли считать, что логика как наука имеет дело с символами, хотя такой подход заметно сужает ее реальные возможности: в жизни с логическими операциями мы сталкиваемся чаще, чем это предписывают нам строгие логические теории. Логику «в жизни» от логики можно отделить, но можно и получить к ней более широкий подход, «обогатив» фреге-расселовский взгляд позицией Пирса (со-основателя современной логической науки). Развивая математическую логику, Пирс настаивает, что логика имеет дело с мыслями вообще (но не мышлением), которые окружают нас повсюду. Он наделяет имплицативную связь (лидирующий принцип) ключевым статусом, не лишает логику экспериментальной основы и настаивает на ее эволюционном происхождении. Мысли присутствуют не только в речи, но и в более простых видах деятельности (воображении, восприятии и т.п.). Говорить же о них можно только в виде

высказываний. Таким образом, логике требуется разветвлённая система знаков, а сама она оказывается лишь иным названием для семиотики.

Среди логических знаков особое место отводится иконам, то есть знакам, имеющим внешнее сходство с обозначаемым объектом (образ, диаграмма и метафора). Логика должна быть иконичной, так как именно через иконы выводима информация (даже излишняя). Это позволяет анализировать высказывания, следить за ходом вывода, определенным образом вписывать в логику идею открытия (абдукция, тереоматическая дедукция), а также переосмыслить важные для Нового времени дихотомии уровней познания (интуитивное и символическое Лейбница, созерцающее и фигурное Вольфа, созерцающее и символическое Крузия и т.д.). Иконичность не тождественна визуальности, но она, не отменяя гуссерлевских идеальных сущностей и связей, которые лежат в основе логических теорий, говорит о роли усмотрения и открывает для логики новые возможности, в том числе и для актуальных сегодня когнитивных исследований. Варианты иконичности в докладе будут продемонстрированы на примерах разного вида диаграмм и алгебраических формул. Кроме этого, на базе знаков, которые либо не нашли своего прямого места в логических теориях (графическое представление абдукции, пятно, райская импликация), либо не получили однозначного толкования (изогнутая подкова), мы обратимся к проблеме фундамента логики.

Владимир Васюков, Институт философии РАН, Москва
Не-фрегевская логика смысла

Будучи поглощенным перспективами вовлечения витгенштейновской философии в орбиту своих не-фрегевских исследований, основатель не-фрегевской логики Роман Сушко практически оставил в стороне оппозицию «смысл–значение». Он даже рекомендовал не заниматься этим вопросом до тех пор, пока логика не построена. Однако, как оказалось, подход Сушко можно продолжить именно в направлении дальнейшего анализа связей фрегевского треугольника, получая при этом новые логические системы и не прибегая к платонистским конструкциям. Система не-фрегевской логики смысла R-NNFL, иначе метафорической логики, получается добавлением следующих аксиом к аксиомам и правилам вывода классической логики:

(A1) $A \sim A$

(A2) $(C(A/p) \sim C(B/p)) \rightarrow (B \sim A)$

(где C не является противоречивой формулой или пропозициональной переменной, переменная p должна явно фигурировать в C и C(B/p) есть формула, получающаяся из формулы C подстановкой в C формулы B вместо некоторых вхождений переменной p)

(A3) $(A' \sim A) \rightarrow (A \leftrightarrow A')$

(A4) $(A(x/c) \sim A(y/c)) \rightarrow x \# y$ (где $A(x/c)$, $A(y/c)$ - любые формулы, такие, что x и y свободны в них, c явно фигурирует в A и $A(y/c)$ получается из $A(x/c)$ замещением некоторых вхождений x в $A(x/c)$ на y)

1. $x \# x$

2. $x \# y \rightarrow y \# x$

3. $(R_i(y_1, \dots, y_s(i)) \rightarrow R_i(x_1, \dots, x_s(i))) \rightarrow (x_1 \# y_1, \dots, x_s(i) \# y_s(i))$ ($i = 1, \dots, m$)

Здесь # есть «метафорическое равенство», которое определено как Для всякого x,y существует такое свойство F, что $(x \# y \rightarrow (F(x) \leftrightarrow F(y)))$. # предполагает, что объекты обладают некоторыми смыслами, которые сказываются в различных ситуациях, создавая неразличимость относительно точек зрения. Для построения модели для R-NNFL вводится функция SD: $S \rightarrow P(U)$, приписывающая каждой ситуации соответствующую подобласть имен. Трудность представляет тот факт, что метафорическое равенство тоже должно быть определено на U. В сущности, это влечет для нас принятие экспликации мейнонговского типа, когда с каждым элементом универсума связывается множество ситуаций, в которых он «участвует», и формально означает

требование существования функции $SD^*: U \rightarrow P(S)$ из универсума во множество подмножеств ситуаций.

Алексей Кислов, Уральский федеральный университет, Екатеринбург
Сложности логико-семантической конкретизации процесса

В докладе предполагаем «онтологию процесса» А. Н. Уайтхеда рассмотреть с точки зрения её конкретизации средствами интенциональной семантики динамической логики. Целью является анализ проблем и возможностей интерпретационных стратегий класса (широко понимаемых) динамических логик.

К рассмотрению привлекаются как историко-философский опыт осмысления феноменов процессуальности (движения, изменения, становления, развития и др.), так и взгляды современных адептов «динамического поворота в логике» (Г. Х. фон Вригт, Й. ван Бентем и др.).

Среди рассматриваемых в контексте логической семантики вопросов: от дискретности к континуальности, изменчивость и эволюция, изменчивость и темпоральность, динамическая логика как мультимодальная логика, динамическая логика как комбинированная логика (логика динамических событий), ситуационная семантика и динамика, модификации динамической логики (динамика в неклассических логиках и «неклассическая динамика»), семантический статус «кортежей изменений» и «параллельных изменений» (последовательно-параллельные процессы).

Виталий Долгоруков, Попова Елена, ВШЭ, Москва

«Понял, но не сразу»: эпистемическая темпоральная логика для агентов с минимальной задержкой в осведомленности

Доклад будет посвящен рассмотрению эпистемической логики, описывающей динамику осведомленности (awareness) для агентов с ограниченными ресурсами. Моделирование осведомленности агента относительно какого-либо факта представляет собой одно из направлений внутри эпистемической логики, позволяющее перейти от описания рассуждений идеальных агентов к рассуждениям агентов, ограниченных в ресурсах. Пионерской работой в этом направлении можно считать статью «Fagin R., Halpern J. Belief, Awareness, and Limited Reasoning, 1988». Следующие важные шаги в логическом моделировании осведомленности представлены в следующих подходах: в работе «van Benthem J., Velazquez-Quesada F. The Dynamics of Awareness, 2010» был предложен подход к моделированию осведомленности в стиле логики с публичными объявлениями, в работе «Alechina N., Logan B. Logical Omniscience and the Cost of Deliberation, 2001» был предложен подход, описывающий временную задержку в осведомленности. В настоящем докладе мы рассмотрим темпоральную эпистемическую модель, которая описывает динамику осведомленности агента с учетом следующих параметров: 1) задержка в осведомленности является минимальной; 2) изменения в осведомленности обусловлены внутренним триггером – изменением имплицитного знания агента на прошлом шаге рассуждения (а не внешним триггером – внешним объявлением как в подходе van Benthem & Velazquez-Quesada 2010); 3) осведомленность может характеризовать любую формулу, а не только формулу пропозиционального языка как в подходе Alechina & Logan 2001. Язык нашей модели включает в себя стандартный язык мультиагентной эпистемической логики, обогащенный временными операторами следующего и предыдущего шага и модальностью «агент осведомлен». Такой богатый язык позволяет сформулировать различие между имплицитным и эксплицитным знанием, а также условия для изменения знания во времени. Предложенная модель базируется на семантике Крипке с эпистемическими отношениями достижимости для агентов, темпоральным отношением предшествования и функцией осведомленности. Будет

предложено аксиоматическое построение для эпистемической темпоральной логики с минимальной задержкой в осведомленности, доказана корректность и сильная полнота данной логики относительно предложенной семантики

Елена Драгалина-Черная, ВШЭ, Москва

Контекстуальность, композициональность и значение логических констант

Доклад будет посвящен обсуждению тезиса Куайна о том, что любая модификация логической теории влечет изменение значения логических констант, которое придает дискуссиям адептов различных логик характер сугубо вербального «спора о словах». Будут рассмотрены критерии демаркации правил, конститутивных и не конститутивных для значения логических констант, и дана критика отождествления правил второго типа со структурными правилами (сокращения, перестановки и т.п.), в формулировке которых отсутствует упоминание логических констант. Основным аргументом против такого отождествления является вариативность структурных правил, которая оказывает влияние на доказуемость в данной системе формул, содержащих данную логическую константу, а значит, на ее значение, определяемое классом доказуемых в данной системе формул, содержащих эту константу, а также то обстоятельство, что контекстуальное значение данной константы зависит от правил, определяющих значение других параметров в формулах этого класса. На основе замечания Белнапа о том, что значение логических констант задается не *ab initio*, а в контексте определенных допущений о природе выводимости, будет предложено динамическое истолкование принципа композициональности.

Андрей Титов, Московский государственный университет.

Развивающаяся метаматематика и новые смыслы традиционных математических понятий.

Развитие метаматематики включение в нее языка теории категорий подхода привело не только к переосмыслению некоторых понятий математики, приданию им новых смыслов, но и введению новых понятий, таких как пучки и топос, которые привели к появлению новых интерпретаций понятий в математике и математической логике. В частности, вопрос о частично определенных объектах был решен ведением предиката существования, семантическая интерпретация которого определяется как мера существования объекта. Поставлен вопрос о существовании семейства вещественных чисел, которые не являются вещественно замкнутыми и т.д.

Исчисление или дедуктивную систему можно преобразовать в категорию, морфизму которой определяются выводами в исчислении. (Ламбек). Это дало возможность использовать методы теории доказательств в категориях и использованию в теории категорий языка теории доказательств.

Ловер рассматривает теорию как определенного сорта категорию. Тем самым расширяется подход к определению моделей теории. Модели представлены как функторы. При этом модели классической теории - функторы сохраняющие категорную структуру из категории соответствующей формальной теории в категорию множеств. В то же время, при таком подходе вместо категории множеств можно рассматривать какую-либо другую категорию с требуемыми свойствами (например категорию измеримых множеств). Этим определяется расширение возможностей методов моделирования. Кроме того, модели как функторы - единый взгляд на понятие модели, классическое понятие модели и понятие модели в интуиционизме обретают единую основу. Различие определяется различием категорий, на которых

принимают значение функторы. Кроме того это дает возможность рассматривать принципиально новые виды моделей.

Применение языка теории категорий позволяет топологизировать "пространство логик", в частности, введение определения локальной истинности преобразует само понятия логики и истинности подобно тому как общая теория относительности преобразовала евклидово пространство физики Ньютона в пространство с локальной истинностью или иного вида геометрии в зависимости от наличия и меры массы.

Оксана Черкашина, МГУ

Логические диаграммы для суждений об отношениях

Предлагаемые диаграммы позволяют выявлять логические отношения между суждениями об n -местных отношениях, где n – произвольное натуральное число, одно и то же в рамках одной диаграммы. Выявляемые логические отношения включают совместимость и несовместимость реляционных суждений по истинности и по ложности. (Могут выявляться также наличие или отсутствие отношений следования и, соответственно, подчинения.) Это позволяет делать выводы о наличии или отсутствии между рассматриваемыми суждениями логических отношений контрадикторности, контрарности, субконтрарности, независимости.

Данные диаграммы относятся именно к суждениям, а не непосредственно к фактам действительности и позволяют выражать, в том числе, противоречия. В одной диаграмме может быть представлено и больше, чем два суждения.

Предлагаемые диаграммы позволяют выявить, благодаря чему именно рассматриваемые суждения совместимы или из-за какого элемента не совместимы по истинности, выявить, в связи с чем суждения совместимы или несовместимы по ложности.

Предлагаемые диаграммы позволяют обосновать вывод о наличии между суждениями отношения независимости (то есть, отсутствия несовместимости и подчинения), что представляет известные трудности при использовании других логических систем, как лингвистических, так и графических. Представляется, что полученные результаты могут быть использованы и для построения в дальнейшем диаграмм, аналогичных "кругам Эйлера", но для суждений об отношениях.

Подробные правила использования и доказательства корректности предлагаемых диаграмм основываются на результатах Ю.В. Ивлева и на результатах, полученных автором настоящей статьи.

Список литературы

1. Ивлев Ю. В. Логика: учеб. 4-е изд., перераб. и доп. М.: ТКВелби, Изд-во Проспект, 2008. 304 с.
2. Черкашина О.В. Логический многоугольник для суждений об отношениях // Логико-философские штудии. Том 16, No 1-2 (май-июнь 2018). С. 194–195.
3. Cherkashina O. Figure of Opposition for Propositions about Relations // J.-Y. Beziau, A. Buchsbaum, I. Vandoulakis (eds.), Handbook of Abstracts, 6th World Congress on the Square of Opposition Crete, November 1-5, 2018 pp. 68–69.
4. Черкашина О.В. Логический многоугольник для высказываний об отношениях: два правила для контрарности и субконтрарности // Двенадцатые Смирновские чтения: материалы Междунар. науч. конф. (Москва, 24–26 июня 2021 г.) М., Изд-во "Русское общество истории и философии науки" 2021. С. 148–150.

СЕКЦИЯ: НАРРАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ СМЫСЛООБРАЗОВАНИЯ

Андрей Агрятин, РГГУ, Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина, Москва

Инструментальная и смыслообразующая функции имплицитных повествований (на материале прозы А. П. Чехова)» (Доклад подготовлен в рамках Гранта Российского научного фонда (РНФ), проект № 20-18-00417)

Нарративный дискурс, составляющий основу литературного письма, включает в себя наряду с эксплицитными высказываниями также неявные (подтекстовые) повествовательные конструкции, рассчитанные на имагинативную, аналитическую и интерпретационную активность читателя. Подобного рода конструкции (имплицитные повествования – ИП) представляют собой не имеющие прямого семиотического выражения, но при этом индексально обозначенные в тексте нарративы.

Проблема изучения ИП представляется весьма актуальной для современной нарратологии. Исследователи все чаще отмечают, что в повествовательном дискурсе излагается не только актуальная история («цепочка» событий, о которых непосредственно сообщает нарратор), но и потенциальная, предполагаемая (Р. Барони). Интерес к рассматриваемому феномену эпизодически проявлялся и раньше (работы Дж. Принса, М.-Л. Райан).

ИП выполняет две основные функции: инструментальную и смыслообразующую. Первая характерна для любого нарративного произведения. Например, подразумеваемые истории о мотивах и целях персонажей бывают нужны, чтобы логически объяснить повествуемые события, обеспечить им каузальную связность. В отдельных случаях описываемая функция становится доминантной и определяет жанровую специфику произведения (детективный роман, юмористическая проза). Смыслообразующая функция выходит на передний план, когда текст апеллирует к личному опыту читателя, его убеждениям и знаниям. Так, ИП может быть основой персональной идентичности героя, достигаемой в рамках нерассказанной «автобиографии». Примером реализации смыслообразующей функции ИП может послужить рассказ А.П. Чехова «На подводе». Марья Васильевна вспоминает разрозненные эпизоды своей безрадостной (бессмысленной) жизни и в конечном счете создает в своем воображении возможный мир, где «никогда не умирали ее отец и мать, никогда она не была учительницей» – в этой фантазии и кроется подлинное «я» героини, утрачиваемое в «реальности», порождаемой прямым высказыванием нарратора. Чехов посредством несобственно-прямой речи намечает контуры историй, участником которых видит себя персонаж.

Если инструментальная функция является базовой (обязательной) для нарративного дискурса, то смыслообразующая актуализируется далеко не всегда и, вероятно, лишь на поздних стадиях исторического развития повествовательных практик. Проза Чехова, выступающая материалом настоящего доклада, аккумулирует и переосмысляет опыт русской классической литературы и поэтому демонстрирует максимальное разнообразие реализаций обозначенных функций ИП

Вероника Алташина, СПбГУ

Паскалевский контекст фильма "Моя ночь у Мод": приращение смысла

Французский режиссер Эрик Ромер (1920-2010) является одним из ярких представителей «новой волны». Филолог по образованию, он начинал как кинокритик и писатель, и большинство его фильмов было снято по его собственным произведениям. Так, «Моя ночь у Мод» (1969) была написана за два года до начала работы над фильмом, который вошел в цикл «Нравоучительных повестей» и считается наиболее характерной выжимкой «ромеровского стиля».

Режиссер говорил: «С точки зрения литературы, моралист — это тот, кто изучает нравы и характеры. Понимаемые под этим углом, мои фильмы изображают определенные состояния

души. Мои «Нравоучительные повести» представляют истории персонажей, которые любят анализировать свои мысли и состояния духа».

В фильме персонажи пытаются понять себя и других через философию Блеза Паскаля (1623-1662) - отсылки к его «Мыслям» присутствуют на разных уровнях:

1) Сюжет – действие происходит на родине Паскаля в Клермон-Ферране; фильм начинается в церкви Св.Петра, где его крестили; главный герой - математик и ревностный католик, в прошлом либертен, его друг – философ - либертен и т.п.

2) Паскаль оказывается в центре двух застольных бесед.

3) Философские мысли Паскаля (благодать, случай, пари) пронизывают весь фильм. Так, герой случайно натывается на издание «Мыслей» в книжном, случайно встречается с другом, с Франсуазой, с Мод и т. п. Роль случая -одна из главных тем режиссера Э.Ромера.

Доклад будет посвящен детальному анализу роли многочисленных, но неявных для широкой аудитории, аллюзий на Паскаля и его «Мысли» в фильме. Аллюзии вычитываются внимательным зрителем, знакомым с философией Паскаля, и ведут к более глубокому пониманию авторского замысла и нравоучительного смысла фильма. Как говорит один из героев: «Паскаль наверняка современен»

Ольга Гримова, Кубанский государственный университет, Краснодар

Нарративная репрезентация безумия в романе А. Понизовского "Принц инкогнито"

Доклад будет посвящен нарративной репрезентации безумия в романе А. Понизовского «Принц инкогнито».

Нарратив безумного героя - одна из важнейших композиционных частей рассматриваемого произведения. Исследовать роль и функции «аномального» текстопорождения в смысловой перспективе романа – основная цель предстоящей работы.

Создаваемое деформированным сознанием повествование имеет компенсационный характер – это единственная форма речевой активности, возможная для героя, чей ментальный недуг приводит к невозможности говорить, мутизму. «Аномальность» порождаемого текста становится очевидной на фоне «корректирующего» дискурса первичного нарратора, чье повествование создает рамку для нарратива безумца.

Если обрамляющий текст диалогичен, «впускает» в себя чужие голоса, направлен на исследование самобытности «другого», то вставной, принадлежащий сумасшедшему протагонисту, Гарсии, – монологичен. Вторичный повествователь моделирует чужое сознание лишь для того, чтобы еще раз удостовериться в собственной исключительности. Первичный нарратор отмечает черты «избранности» в целом ряде героев, которых вторичный определяет как «плебеев». Деформированное сознание оказывается, таким образом, изолированным не только от «другого», но и от реальности. Семиозис, который оно осуществляет, можно было бы определить как произвольный. Знаки отчуждаются от значений, с которыми они связаны в обрамляющей истории. Так, Колываново, которое в основном нарративе семантизировано как топос смерти (отделение для самых тяжелых психохроников, в котором практически невозможно выжить), во вставном повествовании фигурирует как название родной деревни Миньки, «волшебного помощника» Гарсии; в основе же такого «переименования» - просто ощущение фонетической уместности этого топонима в творимой безумцем истории.

Утрата героем целостности сознания также осмысливается и репрезентируется посредством текстопорождения: потребность в создании собственной истории мотивирует распадение «я» Гарсии на повествующее и повествуемое.

В целом же, базирующийся на взаимодействии двух дискурсивных потоков роман, возможно прочесть как ориентированное на классическую, модернистскую и постмодернистскую парадигмы высказывание о выборе творческой стратегии – выборе, определяемом либо пониманием, либо самоутверждением

Фёдор Двинятин, СПбГУ

Об одной сложности смыслообразования в нарративе: из наблюдений над морфологией диегем

Смыслообразование в фикциональном нарративе подразумевает, помимо прочего, переход (это более актуально для литературы, чем для кинематографа) дискретного текстуального в континуальное когнитивное, семиотического/знакового в семантическое/смысловое (по Э. Бенвенисту и его последователям), «когезии» в «когерентность» (по В. Дресслеру и Р. Богранду). Помимо прочего, это проявляется в выстраивании пространственно-временного континума либо двух или нескольких пространственно-временных континуумов, в зависимости от устройства конкретного нарратива. Étienne Souriau ввел термин «диегезис» в одном из двух его основных современных значений: не как «повествование» в противопоставлении прямому изображению (мимесису), а как имеющее границы, от-граниченность пространственно-временное единство, преимущественно моделируемого, фикционального типа (ср. понятия «диегетический нарратор» применительно к литературе, «диегетический звук» применительно к кино). «Простые» в этом отношении нарративы подразумевают одно непроблематизированное пространственно-временное единство (оно будет в дальнейшем называться диегемой), «сложнын» - наличие нескольких таких диегем, промежуточные «осложненные» сводимы к одной, но проблематизированной диегеме. Проблемы разграничения различных диегем в одном нарративе особенно актуальна не для вставных обрамленных, а для параллельных повествований, оборачивающихся либо различными «сюжетными линиями» в составе одной диегемы, либо различными диегемами в составе одного сложносоставного нарратива. Некоторыми примерами диегемной грамматики могут служить романы Марио Варгаса Льюиса *La tía Julia y el escribidor* (1977; границы диегем и их нарушения в «четных» главах), Иэна Бэнкса *Walking on Glass* (1985; неочевидное диегемное тождество двух линий и точечные пересечения каждой из них с третьей), Милорада Павича *Унутрашња страна ветра* (1991; отсутствие предметного пересечения диегем при смысловой проницаемости). Дополнительные сложности для диегемного анализа демонстрируют нарративы «альтернативные» (как *Mein Name sei Gantenbein* Макса Фриша, 1964), «перегружающие» или «чередующиеся» (как *Les Fleurs bleues* Раймона Кено) и «накладывающие» (как ряд глав в *The Centaur* Джона Апдайка, 1963): во всех этих случаях взаимоисключаются, чередуются либо накладываются одна на другую именно диегемы

Михаил Иткин, СПбГУ

"Распадается гармония и смысл...": нарратор и нарратив в рассказе В. Набокова «Королек»

Рассказ В. Набокова «Королек», написанный в 1933 г., относится к берлинскому периоду творчества писателя и перекликается как с произведениями других эмигрантов из России (В. Ходасевича, Г. Иванова), так и с прозой, созданной Набоковым в 1920–1930-е гг. («Драка», «Облако, озеро, башня», «Дар» и др.). Этот рассказ примечателен тем, что в нем преломляется и радикализируется эмигрантское восприятие действительности. Если раньше, в рассказах 1920-х гг., Берлин предстал у Набокова как непознанный, волшебный мир, который возможно исследовать и осваивать чувственно («Путеводитель по Берлину»), то в «Корольке» попытка адаптации эмигранта к новой реальности, к берлинским людям приводит к его гибели. Ведущим мотивом становится отчуждение, невозможность ассимилироваться с чуждой местной культурой, насильственно выталкивающей русскоязычного эмигранта из социума.

В этом рассказе Набоков вводит инстанцию диегетического нарратора-наблюдателя, который физически отстранен от происходящих событий. Однако в перцептивном отношении позиция

нарратора здесь сближается с позицией читателя, поскольку нарратор наделяет своих героев абсолютной автономией и выступает в роли эмоционально вовлеченного зрителя, не знающего наперед, чем закончится сюжет. Нарратив организуется как театральное действие без режиссера, даже декорации, в которых разворачивается спектакль, также обладают автономией. Дистанцирование нарратора от происходящего, артикулируемая им невозможность обладать полным знанием о героях развенчивает первоначальный эффект «всеведущности» нарратора и трансформирует его статус адресанта в активного реципиента, интерпретатора, чья функция сводится к поиску смыслов.

Наделение пустого, бессмысленного мира значением происходит благодаря его олитературиванию. Репрезентация героев строится таким образом, что поляк-эмигрант Романтовский и немцы располагаются по разные стороны заново реконструированного романтизма: тщедушный художник-одиночка сопротивляется нападкам грубых, звероподобных филистеров. Однако в финале рассказа романтический флер исчезает, и герой-романтик оказывается мошенником. Проекция, созданная нарратором-интерпретатором, является не чем иным, как продуктом его самообмана, и попытка придать реальности высокий смысл заканчивается неудачей.

Этот ход мастерски иллюстрирует ложность механизма идентификации, раскрывает природу обмана читательского ожидания и вымысла, ловушки, в которую нарратор загоняет и читателя, и самого себя. В то же время сам процесс смыслообразования, безусловно, выступает как инструмент ассимиляции эмигранта в чуждой ему среде через присущее ей литературное прошлое (немецкий романтизм). Но обретение смысла в инокультурной реальности через культурный симбиоз представляется трагически недостижимым. Эта идея объединяет берлинскую прозу Набокова с творчеством других русских эмигрантов.

Владислав Кириченко, НИУ ВШЭ

Нарративные стратегии меланхолии в романе Жоржа Перека "Исчезновение"

Настоящий доклад посвящен нарративным стратегиям актуализации меланхолического переживания и мировосприятия в романе «Исчезновение» (1969) французского писателя Жоржа Перека (1936-1982). Наше исследование базируется на широкой историко-культурной интерпретации меланхолии, которая понимается как синоним ностальгии (С. Бойм, Ж. Старобински, К. Юханиссон). Несмотря на слитное понимание, нами выделяются границы меланхолично-ностальгических отношений, каждое из которых отличает ту или иную сторону стиля Перека в указанном романе. «Исчезновение» представляется сложным текстом (в определенном смысле непереводаемым), поскольку основывается на приеме липограммы, т.е. устранении одной из букв алфавита. Это изначальное риторическое ограничение структурирует организацию нарратива текста и его семантические пласты. В своей работе мы определяем подход Перека к своему произведению как форму «белой меланхолии», которая наиболее ярко проявилась в поствоенной литературе XX в. Под «белой меланхолией» мы понимаем концептуализированную утрату, связанную с ощущением собственной недостаточности, в том числе с проблемами личной памяти, что проявляется в перманентной для Перека ностальгии по прошлому. Белая меланхолия удачно совпадает с перековским стилевым самоопределением, и нас интересует та поэтологическая перспектива, с которой Перека относится к собственной еще не до конца актуализированной травме, связанной с опытом утраты родственников и родных. В «Исчезновении», на наш взгляд, представлена новая попытка автора (предыдущие были в романах «Вещи» и «Человек, который спит») выразить проблемное ощущение, которое обладает невыразимым для него характером: эту проблематику отражают мотивы «белого», «пустоты», «дыры» и т.п.

Белая меланхолия развивается по различным текстурным траекториям романа: 1) риторическое ограничение, которое постоянно напоминает о семантике «отсутствия» или

«исчезновения»; 2) размытие однозначности поведения нарративной инстанции (множественная личность нарратора); 3) интертекстуальные взаимодействия нарратора со множеством текстов для демонстрации глубинных корней «исчезновения» как маркера меланхолии современности; 4) нарушаемый «белый стиль» письма, коррелирующий с иллюзорной нейтральностью; 5) фикционально-содержательные последовательности и каталоги, основанные на приеме алфавитизации, т. е. выстраиваемые по логике алфавита; 6) металепис, основанный на принципе множественной истины (сменяющиеся нарраторы); 7) жанровая модификация романа как «семейного детектива», подводящая проблематику утраты родственников и опасности узнавания правды об исчезновениях людей; 8) автобиографический характер некоторых фикциональных сущностей. В заключении делается вывод о фундаментальном художественном изучении Переком категории «исчезновение», характеризующей меланхолическое миропонимание в истории XX в.

Елена Козьмина, Уральский федеральный университет, Екатеринбург, РГГУ, Москва
Отсутствующий герой и нарративная структура ("Можно попросить Нину?" Кира Булычёва). (Доклад подготовлен в рамках Гранта Российского научного фонда (РНФ), проект № 20-18-00417)

Известны художественные произведения, где герой представлен в повествуемой истории опосредованно: с помощью писем, телефонных разговоров и т. п. В фантастическом рассказе Кира Булычёва такое внешнее «отсутствие» героини (Нины) проблематизировано: приведены косвенные указания, что героиня существует на самом деле (телефонный разговор с нарратором из 1942 года; письмо, полученное нарратором уже в послевоенное время), и в то же время она может быть плодом воображения (центральный эпизод рассказа). Очевидно, что автор создает нарративную структуру, основанную на «колебании читателя» (Ц. Тодоров), характерную для романтических и готических фантастических повестей. Эта конструктивная особенность романтико-фантастического нарратива, связанная с «„пограничным” образом мира» (Н. Д. Тамарченко) и вследствие этого – с «неразрешимым онтологическим синкретизмом» (В. Шмид) принуждает реципиента к двойной интерпретации повествуемой истории.

Нарративная структура рассказа Кира Булычёва специфична; нарратор рассказывает не об одной истории, точная и однозначная идентификация которой затруднена, а о двух – фантастической (телефонная связь с другим временем) и вполне реальной (внутренняя встреча с самим собой). Настойчивые указания на отсутствие героини (Нины) призваны указать на равновесное состояние не мира и его изнанки (как в романтической повести), а двух разных миров, изображенных в рассказе Булычёва: мира внешнего («исторического») и мира внутреннего (психологического).

Парадоксальным образом небольшой рассказ с визуальным отсутствием героини и минимумом внешних действий активно переводится на язык визуальных искусств (кино, театр). Отметим, что автор рассказа стал автором сценария лишь в одном случае.

В экранизациях и спектаклях по-разному осмысляются обе повествуемые истории. Фантастическая связь времен может быть изображена как с визуализацией героини, так и без нее. Встреча героя с собой (Другое «Я») в экранизациях варьируется в значительно большей степени

Людмила Комуцци, Севастопольский государственный университет
Концепты и их динамика в нарративе: роман В. Вулф "Миссис Дэллоуэй"

Процесс смыслообразования в нарративе требует понимания природы художественных концептов и механизмов их рецепции. Из описанных когнитивистами типов концепта (базовый

образ, репрезентация, понятие, гештальт, фрейм, схема, сценарий и др.) мы рассмотрим два – фрейм и гештальт. Мы также покажем их связь с композицией и покажем, как работает смыслообразование в начале романа В. Вулф «Миссис Дэллоуэй».

Фреймы образуют пространственную схему текста. В читательском сознании она активируется в форме инвариантного, разделяемого носителями культуры знания, но, по мере чтения, читатель видит новые сценарии, происходящие в мире текста. Фрейм одновременно организует и уникальную семантическую сеть нарратива. Семантическая сеть – понятие из психолингвистики, применяемое к описанию динамики смыслообразования в мозге человека [Залевская 2005]. С ее помощью к предметно-логическим значениям ключевых слов подключаются и ассоциативные, и символические образы, связывающие конкретные социокультурные локусы с новыми для читателя явлениями.

Группировка элементов текста в гештальт – образно-схематическое целостно-нерасчлененное образование [Караулов 2002] – происходит не только на основе семантических связей, но и вследствие стремления его смыслового поля к образованию устойчивой и экономной конфигурации. Концепты, опредмеченные ключевыми словами в начале текста, содержат «эмбрионы» его гештальта, который потенциально существует в каждой части текста «весь и сразу». Важным фактором восприятия гештальта является представление отношений между элементами текста в режиме «фигура – фон», при котором выделение одного объекта из общей массы позволяет увидеть новые его качества и по-новому оценить его значимость, вызывая «инсайт», тем самым влияя на сознание читателя. Иными словами, гештальт формируется всей нарративной структурой текста – единой историей, целостным представлением событий в их прогрессии и завершенности. Постепенное наполнение объема гештальта в воспринимающем сознании обеспечивается универсальными законами ритма.

Нарратив – индивидуальное сплетение разрозненных, разорванных во времени и пространстве событий в историю – это и есть гештальт, целостная глобальная ментальная репрезентация, субъективный образ мира (бытия в мире), отраженный в тексте.

Екатерина Моисеева, Институт мировой литературы имени А. М. Горького РАН, Москва
Ненадежная наррация и транзитивность как смыслообразующие факторы современного романа (на материале русской прозы XXI века). (Доклад подготовлен в рамках Гранта Российского научного фонда (РНФ), проект № 20-18-00417)

В широком смысле к ненадежным нарраторам в литературе причисляют повествователей, чей рассказ подвергается искажениям или ограничениям в силу их возраста, болезни, наивности, недостаточной осведомленности. Другая разновидность – нарраторы, чья цель – утаить правду, запутать, исказить истинный смысл событий, с тем или иным умыслом. Однако в современном русском романе, помимо перечисленных, можно говорить еще об одном доминантном способе повествования – наррации, ненадежность которой обусловлена зыбкостью и изменчивостью мира, отсутствием в нем постоянных смыслов, «мерцанием» правды. Транзитивность, выражаемая в множественности социокультурных контекстов, сосуществование нескольких одновременных «правд», изменчивость и недостоверность прошлого и настоящего, актуализирует отказ от достоверного повествования и всезнающего нарратора в пользу множественности правд и возможности смыслообразования в контексте всеобщей ненадежности. При этом энигматичность ненадежного рассказчика, его связь с фигурами острашения, умолчания, тайны и загадки воплощается в разнообразии актуальных форм смыслообразующих нарративных практик.

Ответственность за идентификацию ненадежной наррации возлагается на читателя, его нарративный и жизненный опыт. В ситуации же транзитивного мира социокультурные контексты могут налагаться друг на друга, увеличивая число интерпретаций.

В работе рассматриваются способы реализации ненадежной наррации и актуализации транзитивности в романах, где ненадежность используется не как художественный прием или апробация возможностей жанра, но как ключевой способ смыслообразования.

Ненадежными в такого рода произведениях оказываются либо все без исключения повествующие герои, либо сам принцип повествования – как это происходит в автофикциональной прозе, одна из основных тем которой – отказ от достоверности, согласие с тем, что практически ничего нельзя сохранить и воспроизвести, поскольку от всего многообразия человеческого опыта остаются только обрывочные личные воспоминания, разрозненные свидетельства, фрагменты смысла.

В рамках доклада рассматриваются произведения современных русских авторов, прежде всего – «Лавр» Е. Водолазкина, «Петровы в гриппе и вокруг него» А. Сальникова, «Икс» Д. Быкова, «Война и мир в отдельно взятой школе» Д. Быкова, Д. Драгунского и др., «Памяти памяти» и «Сад» М. Степановой и другие.

Лариса Муравьёва, СПбГУ

Между смыслом и аффектом: фотография в автобиографическом нарративе (на материале романов Анни Эрно) (Доклад подготовлен в рамках Гранта Российского научного фонда (РНФ), проект № 20-18-00417)

Важным голосом автобиографического пространства в современной французской литературе становится голос Анни Эрно (род. 1940, премия Ренодо, премия Маргерит Дюрас, премия Франсуа Мориака). По отношению к ее творчеству в критике употребляют термин «фото-социо-биография». Тексты Эрно наделены чертами не столько Я-повествования, сколько попыткой растворить собственное «Я» в более широкой социальной, исторической и культурной среде. В ряде автобиографических текстов Анни Эрно важнейшим смыслообразующим значением наделяется фотография: как документ и как зона воображения, как творческая практика и одновременно как след присутствия нарратора в мире. Проблема смыслопорождающих эффектов фотографии в автобиографическом нарративе (от А. Бретона до Э. Гибера, от М. Дюрас до В.Г. Зебальда) — дискуссионное пространство в современной теории. Корреляции между вербальным текстом и фотографией изучаются в аспекте теории фикциональности, отношений вымысла и документального начала, теории интермедиальности и т.д. Однако в автобиографических романах Анни Эрно отношения между вербальным текстом и фотографией выходят за рамки привычных и нуждаются в методологическом переосмыслении. Фотография играет роль не только смыслопорождающего центра нарратива, но и зоны производства аффекта. Так, в романе «Годы» («Les années», 2008) — исторической фреске о жизни поколения, пропущенного сквозь призму личного опыта героини — автобиографический субъект диссоциирован от местоимения первого лица. Нарратор репрезентирует себя в третьем лице: героиня явлена только на фотографиях и кадрах из семейной хроники. Периодически в тексте возникают описания фотографий девочки, девушки, женщины, которые принципиально невидимы, но описываемы. Фотографии автобиографической героини выступают в качестве хронологических маркеров, пунктирно упорядочивающих повествование. Отказ Анни Эрно публиковать фотографии в романе мотивируется тем, что фотография должна остаться «воображаемой» — для того, чтобы ее реконструировал читатель и спроецировал себя на место отсутствующего фотографического снимка (подобно известной Бартовской фотографии матери). За счет избранной стратегии происходит переключение режимов восприятия: между индивидуальным и коллективным опытом, — что создает дополнительное аффективное измерение. В романе «Использование фотографии» («L'usage de la photo», 2005) — совместном проекте Анни Эрно и Марка Мари — снимки становятся «включенными в структуру элементами, темпоральными и социокультурными маркерами, создающими аффекты и/или смыслы» [1]. В докладе будет предпринят анализ смыслообразующих функций фотографии в романах Анни Эрно и

осуществлена попытка доказать, что фотография в современной автобиографии выходит за рамки привычных отношений интермедальности и/или фактографичности и смещается в зону производства нарративного аффекта.

Arribert-Narce Fabien, « Vers une écriture « photo-socio-biographique » du réel. Entretien avec Annie Ernaux », Roman 20-50, 2011/1 (n° 51), p. 151-166

Сергей Огудов, Государственный фонд кинофильмов РФ, Москва

Модальность сценарного нарратива: "Бежин луг" А. Г. Ржешевского в режиссерской интерпретации С. М. Эйзенштейна»

В киносценарии как переходном тексте, ориентированном на постановку фильма, ярко проявляется смена нарративной модальности. Понятие модальность (или модус), обозначающее способ представления, манифестацию, степень выраженности того или иного содержания, вошло в нарратологию в результате переосмысления различий между мимесисом и диегезисом. На этапе классической нарратологии смена модальности была понята Ф.К. Штанцелем как морфогенетический процесс трансформации, при этом исследователь моделировал свои категории как «непрерывные диапазоны или скользящие шкалы, лежащие между контрастными полюсами» (Д. Кон). Затем этот подход был развит в работах М. Флудерник, М. Яна, М. Караччиоло и других нарратологов, тем не менее, модель Штанцеля до сих пор не применялась к киносценарию – тексту, который существует в нескольких вариантах и предполагает переход к непосредственному представлению событий, занимавшему многих исследователей.

В нашей работе проблема смены модальности будет рассмотрена на примере режиссёрской интерпретации киносценария А.Г. Ржешевского «Бежин луг». С.М. Эйзенштейн работал над фильмом «Бежин луг» в 1935–1937 гг. Как известно, постановка фильма была запрещена, а отснятые материалы не сохранились. Представление о замысле в наше время можно составить главным образом на основе смонтированного по срезкам в 1967 году фотофильма. Тем не менее, сохранилось несколько версий литературного сценария, написанных А.Г. Ржешевским, и неопубликованный режиссёрский сценарий С.М. Эйзенштейна. На основе сопоставления различных версий киносценария мы проследим переход к модальности рефлектора, регистрирующего события изнутри повествуемого мира в момент восприятия: отсюда устранение реплик нарратора, возрастание масштаба событий вследствие сокращения нарративной дистанции и усиление монтажной разбивки текста. В нашем докладе наибольшее внимание будет уделено режиссёрской интерпретации ключевых эпизодов сценария Ржешевского, таких как «осада церкви», «эпизод на шоссе» и «разгром церкви», связанных с передачей травматического опыта.

Никита Теплоухов, СПбГУ

Фокализация как инструмент смыслообразования на примере формирования западного литературного канона

Писатели, закреплённые в каноне, ещё больше влияют на закрепление в каноне тех автор, которыми восхищаются. В работе предполагается рассмотреть все типы локализации (нулевой, внутренней и внешней; и их подтипы) на примере отзывов и комментариев писателей канона по отношению к их старшим мастерам. Затем, предполагается провести анализ того, какой тип фокализации обуславливает наибольшее влияние на формирование литературного канона того или иного периода. Источниками могут быть как трилогия Толстого, так и стихи Набокова, речь Достоевского, дневник европейского путешествия Шекспира, лекции Одена о Шекспире. Так, предполагается рассмотреть сам литературный канон и способы его интерпретации из момента действительности как самостоятельную машину смыслообразования. Как

на стыке, с одной стороны, логики литературного канона, а с другой, с представлениями о «новом» и «современном» рождается смысл?

Список литературы:

Genette, Gérard. *Narrative discourse revisited*. Cornell University Press, 1988.

Bloom, Harold. *The Western Canon: The Books and School of the Ages*. New York: Riverhead Books, 1995.

Agamben, Giorgio. "What is the Contemporary?." "What Is an Apparatus?" and Other Essays. Stanford University Press, 2009. 39-54.

Валерий Тимофеев, СПбГУ

К вопросу об эпистолярных практиках смыслообразования

Афоризм А. Н. Леонтьева: «смысл — это всегда смысл чего-то и для кого-то» допускает, что смыслообразование предполагает взаимозависимость использованных в этом утверждении элементов. Изменение любого из субъектов коммуникативного взаимодействия при сохранении всех прочих условий речевого акта достаточно для того, чтобы наблюдать изменение смысла. В докладе рассматриваются примеры взаимозависимости таких элементов эпистолярной коммуникации (главным образом в художественной литературе) как автор, адресат и контекст при описании/реконструировании процесса смыслообразования. В докладе будут рассмотрены варианты применения системы приемов модели Генеративной нарратологии (Generative Narratology Framework — ГН), используемых при реконструировании процесса порождения художественного текста, основанного на описании рецептивных процессов. В основании ГН положен принцип гипотетического отождествления рецептивных и порождающих моделей, что допускается общими положениями теорий зеркальных нейронов, Theory of Mind, etc., но и результатами анализа многолетних самонаблюдений исследователя. В докладе будут проанализированы примеры из русской и англоязычной литературы XX-XXI веков. Используемая методика реконструирования смыслообразования предполагает активное использование таких категорий как авторская интенция (предполагал ли автор, что письмо может прочитано и понято кем-либо кроме эксплицитного адресата), экзистенциальный (в том числе читательский) опыт адресата, а также исторически изменяемый культурный контекст (в частности «эпоха сексуальной революции» vs. #Me Too).

Леонтьев, А. Н. *Философия психологии: из научного наследия* — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994. С. 97

Timofeev, Valery. "Nabokov's "Ultima Thule": An Exercise in Generative Narratology". *Emerging Vectors of Narratology*, edited by Per Krogh Hansen, John Pier, Philippe Roussin and Wolf Schmid, Berlin, Boston: De Gruyter, 2017, pp. 77-100.

Валерий Тюпа, РГГУ, Москва

Вербализация смысла в нарративном акте. (Доклад подготовлен в рамках Гранта Российского научного фонда (РНФ), проект № 20-18-00417)

Опираясь на общеизвестную типологию знаков Чарльза Пирса, а также радикально размежевая смешиваемые порой категории «значения» (референтная сторона знака) и «смысла» (интерсубъективный ресурс знака), в докладе выявляются четыре фундаментальных принципа дискурсивной вербализации смыслов: индексальный, иконический, эмблематический и метаболический (в понимании «метаболы», предложенном М. Эпштейном). При этом учитывается, что сам Пирс предугадывал расширение своей типологии, отмечая «два способа», какими «символ» может функционировать: «индексальный» или «иконический». Такое раздвоение пирсовского «символа» отвечает кантовскому делению «интуитивного способа

представления» на схематический и собственно символический и позволяет конструктивно разграничивать «готовые» смыслы риторического слова и смыслы инспиративные аллюзивного слова. Различие логосов дискурсии как принципов вербализации смысла состоит в обращении к одному и тому же языку как системе знаков того или иного типа. Развиваемая в докладе типология носит диахронный характер: если индексальная вербализация наиболее архаична, а эмблематическая доминировала на протяжении долгих веков нормативно-риторической культуры, то иконическая, а еще позднее метаболическая явились порождениями новейшего времени, прежде всего, литературной классики 19 столетия. Теоретические положения иллюстрируются в основном примерами художественного письма.

Ажа Ханова, РАНХиГС, Москва

Национальный нарратив в политическом дискурсе русского зарубежья

Благодаря нарративной природе идентичности, утверждают психолог Джером Брунер и философ Поль Рикёр, обеспечивается непрерывность и упорядоченность бытия индивида во времени и пространстве (согласно Рикёру, каждый обладает «нарративной идентичностью», а значит, является тем, что рассказывает о себе, о своем прошлом и настоящем). И это касается не только индивидуальной, но и коллективной идентичности (коллективного «Я»).

Особый интерес представляет формирование посредством нарратива коллективной национальной идентичности. Но здесь возникает методологическая и категориальная трудность, связанная с множественностью и неоднозначностью трактовок понятия «нация» и, как следствие, отсутствием единой теории нации и национализма. В настоящее время преобладает конструктивистский подход к определению понятия «нация», основоположниками и идеологами которого выступают Эрнст Геллнер и Бенедикт Андерсон. В рамках этого подхода нации рассматриваются как подвижные надэтнические культурные конструкты, сформированные фактически в результате общественного договора в современном индустриальном обществе. Опираясь на эти идеи, философ Григорий Гутнер выделяет особенности национального нарратива, – он распространяется с помощью средств массовой информации и коммуникации и «легитимирует нацию и все конституирующие ее институты».

О роли национального нарратива в формировании национальной идентичности говорят авторы современных «постколониальных исследований» Арджун Аппадурай и Хоми Бхабха, для которых национальная идентичность выступает как предание, рассказ народа о самом себе. Возможно ли применение вышеописанных методологических подходов к исследованию национального нарратива в политическом дискурсе русского зарубежья 20-30-х гг. XX века? На наш взгляд, несомненно. Несмотря на нахождение за пределами национального государства, представители первой волны эмиграции были единым народом с населением России (с точки зрения общей идентичности). Большинство эмигрантов подчеркивали, что никогда не были в оппозиции к своей стране, но были враждебны по отношению к новому советскому государству. В газетах и журналах русской эмиграции без труда находим черты национального нарратива: и формирование образа Другого (по отношению к советской власти и большевистскому правительству), и поиск в историческом прошлом страны национальных мифов и символов, понятных своей аудитории и отражающих ее представление о своей национальной идентичности, и идею национального покаяния как одну из важнейших составляющих русского национального самосознания

The most powerful instrument for the analysis of lyrical poetry is the device that Roman Jakobson in his seminal "Closing statement" *Linguistics and Poetics* from 1960 called *equivalence*. Equivalence comprises two different relations at the same time: *similarity* and *dissimilarity*. Jurij Lotman takes this dialectical structure into account when he names the equivalence with the term *co-opposition* (in Russian: *so-protivopostavlenie*).

There are at least three things to criticize about the use of co-opposition as an instrument in analysis of lyric poetry:

- 1) The predominance of the cognitive and the neglect of gestalt formation.
- 2) The description of text structures without regard to their perceptibility.
- 3) The denial of the role that the desire for meaning plays in finding the equivalences to be evaluated.

The structuralist belief in the objectivity of his method is questioned by hermeneutics. The hermeneuticist points out to the structuralist that he cannot methodically secure the leap from analysis to interpretation, but that each of his partial findings, which he objectively believes to be founded in the text, is based on unacknowledged anticipations of an intuitively grasped overall sense. A reconciliation between intuition and method seems possible in recourse to the father of hermeneutics, Friedrich Schleiermacher, who introduced the dichotomy of divination and construction for the problem of text comprehension. Transferred from the sacred texts that Schleiermacher had before him to lyrical poems, the combination of divination and construction seems to prevent the mere fulfillment of desires for meaning.

СЕКЦИЯ: СЕМАНТИКА ПРОПОЗИЦИОНАЛЬНЫХ УСТАНОВОК

Илья Гуцин, Уральский федеральный университет, Екатеринбург
Темпоральные индексикалы и открытое будущее

В современной аналитической философии распространен подход, согласно которому пропозиции определяются как множества возможных миров. С одной стороны, такой подход позволяет решить ряд проблем, возникающих в связи с онтологическим статусом пропозиций. В частности, вопрос о критерии тождественности для пропозиций становится вопросом о критерии тождественности для множеств возможных миров, которому можно дать теоретико-множественную интерпретацию. С другой стороны, этот подход оказывается эффективным при решении проблем в других областях исследования. Так, понятия знания и убеждения, тесно связанные с понятием пропозиции, могут быть объяснены в терминах возможных миров.

Несмотря на успешное применение обозначенного выше подхода к пропозициям, его сторонники неизбежно сталкиваются с рядом затруднений, вызываемых неясным онтологическим статусом возможных миров. Одним из таких затруднений является требование интеграции, которое было впервые сформулировано К. Пикоком. Данное затруднение заключается в том, что при решении проблем в некоторой области исследования метафизика и эпистемология должны быть одновременно приемлемыми. Однако, при принятии возможных миров как реально существующих начинают возникать сложности с их познаваемостью.

В своём докладе я планирую проанализировать, насколько успешно соблюдается требование интеграции при рассмотрении пропозиций как множеств возможных миров. Мой тезис состоит в том, что полностью успешно с этим требованием не справляется ни одна из вариаций такого подхода: ни конкретистские, ни неконкретистские. Суть вариаций первого типа заключается в рассмотрении возможных миров как существующих в пространстве и времени, в

результате чего сложностей с квантификацией по возможным мирам в целом не возникает. Второй тип вариаций, в свою очередь, предполагает, что мы можем осуществлять квантификацию по возможным мирам даже в том случае, если они не существуют в пространстве и времени, а являются теоретическими конструктами.

Ольга Козырева, Уральский федеральный университет; Уральский государственный медицинский университет, Екатеринбург

Проблема когнитивной значимости индексикалов: от семантики к прагматике

Индексикалы представляют собой такие выражения, чья референция определяется контекстом употребления, а значение фиксируется правилом употребления. Стандартная семантика для индексикалов предполагает, что высказывания с ними выражают структурированные сингулярные пропозиции, элементами которых являются сами референты. Однако такой референциалистский подход сталкивается с проблемой когнитивной значимости индексикалов, которая является наследницей проблемы Г. Фреге, связанной с нарушением принципа замены кореференциальных терминов в референциально непрозрачных контекстах. Высказывание «я устала», сделанное мной, высказывание «ты устала», сделанное моим другом при обращении ко мне, и высказывание «Ольга устала», сделанное кем-то ещё, наблюдавшим за мной, выражают одну и ту же пропозицию: референт «я», «ты», «Ольга» один и тот же. Однако информационное содержание каждого из этих высказываний отличается так же, как отличается содержание высказываний «я устал», сделанных разными индивидами.

Самый очевидный способ объяснить это различие состоит в постулировании «способов представления» сингулярных пропозиций. Одну из попыток сохранить референциалистский подход и решить проблему когнитивной значимости предпринял Дж. Перри. Его рефлексивно-референциальная семантика основывается, прежде всего, на разграничении рефлексивных и референциальных условий истинности, благодаря чему ему удаётся объяснить невозможность использования вместо индексикала иного кореференциального термина. Однако помимо этого Дж. Перри предлагает рассматривать проблему когнитивной значимости не столько в семантическом, сколько в прагматическом аспекте: выбор выражения зависит от коммуникативной интенции совершающего высказывание, а исследование последней относится к прагматике.

В докладе я представлю основные положения рефлексивно-референциальной теории Дж. Перри, а также подробно рассмотрю предлагаемое им решение проблемы когнитивной значимости индексикалов. Мой основной тезис состоит в том, что перенос данной проблемы из области семантики в область прагматики нацелен на снятие возражения, выдвинутого Х. Ветштайном, согласно которому семантическая теория не должна решать проблему когнитивной значимости (иначе теория сохраняет картезианскую идею о соотношении языковых и ментальных репрезентаций, а это является методологической ошибкой). Однако такой перенос фактически ставит под сомнение предлагаемое самим же Дж. Перри разграничение на семантику и прагматику, вследствие чего считать такое решение проблемы успешным нельзя.

Петр Куслий, Институт философии РАН; Русское общество истории и философии науки, Москва

Конфликты временных ориентаций в сообщениях о пропозициональных установках

Известно, что такие, например, корректные русские предложения как “Коля сказал, что Маша спит” становятся аномальными, если во вложенной клаузе окажется наречие “вчера”: #“Коля сказал, Маша вчера спит”, даже если речь идет именно о вчерашнем дне. В литературе такие случаи рассматриваются в терминах конфликта, возникающего между показателем времени на глаголе и наречием времени (Hornstein 1993; Vostrikova 2016; Kusliy 2017). Считается, что семантика наречия “вчера” конфликтует с семантикой вложенного настоящего времени с силу несовместимости временных ориентаций: настоящее время предполагает ориентацию на одновременность, тогда как “вчера” предполагает ориентированность в прошлое.

Предложение (1) “Вы говорили, что вчера приедете” является примером, взятым из Национального корпуса русского языка, и признается в качестве корректного подавляющим большинством носителей. Между тем, время и наречие во вложенной клаузе в (1) также находятся в конфликте ориентаций: “вчера” ориентированно в прошлое, а форма Футурума глагола, соответственно, имеет направленность в будущее. При этом аномальность предложений (2) #“Коля скажет, что завтра Маша больна” и (3) #“(Через пять дней) Коля будет говорить, что Маша приехала завтра” показывает, что ориентация в будущее, ассоциирующаяся с “завтра”, также конфликтует с отличающимися от нее ориентациями (вложенного настоящего в (2) и прошедшего в (3)). Почему предложение (1), в котором сталкивается Футурум и ориентированное в прошлое наречие «вчера», не вызывает аномальности?

Выявляется один из факторов, влияющих на допустимость (1). Это несовершенный вид (НСВ) пропозиционального глагола. Аналог данного предложения с глаголом в форме совершенного вида (СВ) снова аномален: «Вы вошли в комнату, сели на стул, сказали, что вчера приедете, и после этого быстро ушли». При этом, как видно из аномальности (3), самого по себе НСВ на глаголе тоже недостаточно для снятия конфликта между ориентациями в будущее и в прошлое. Чтобы отличить (1) от (3), формулируется гипотеза о том, что снятие конфликта обеспечивается *сочетанием* НСВ пропозиционального глагола и Футурума во вложенной клаузе.

В докладе исследуются возможные причины, по которым эти два фактора могут способствовать снятию конфликта временных ориентаций. С опорой на аргументы о том, что (i) комлементы СВ глаголов схожи с сильными именными группами (ср. Krifka 1992, Rothstein 2016), (ii) *CP*-комлементы глагола в их сильной интерпретации имеют структуру определенных дескрипций (Takahashi 2010, Kusliy 2020) и (iii) теорию сильных именных групп как содержащих независимый ситуативный аргумент (Enc 1987, Kusumoto 2005, Schwarz 2009), формулируется гипотеза о том, что присутствие такого ситуативного аргумента в *CP*-комлементе СВ-глагола делает неизбежным конфликт между Футурумом и наречием «вчера» в предложениях типа (3). В (1) НСВ не требует от *CP*-комлементов обладания сильной интерпретацией. Допущение о том, что Футурум во вложенной клаузе (1) (в отличие от прошедшего времени в (3)) может лишь отображать временную ориентацию носителя установки, не имея самостоятельной интерпретации, позволяет объяснить, почему в (1) не возникает конфликта ориентаций.

Иван Микиртумов, СПбГУ; Русское общество истории и философии науки, Москва

Именование фиктивных объектов

Отношение именования возникает в ситуации знакомства с референтом имени. Появление фиктивных, или в том или ином смысле несуществующих объектов не меняет формальных свойств именования. Структуры, интерпретирующие это отношение, содержат агентов, языковые выражения, объекты и ситуации. Номенклатура сингулярных термов такова:

демонстративы, имена собственные, референциально употребляемые дескрипции. Последние два вида сингулярных термов могут использоваться в отсутствии объекта на основе правил своего употребления. Их существование гарантирует, что объект однажды был поименован в нормальной ситуации знакомства. С фиктивными объектами знакомство невозможно, поэтому их именование требует воображаемой ситуации знакомства. Оно происходит в возможном мире, достижимость которого из актуального мира зависит от представлений о возможности самого фиктивного объекта. Она зависит не только от его внутренних, но и от внешних свойств, т. е. от тех отношений, в которые объект вступает с другими. Та или иная степень достижимости напрямую связана с тем, насколько предполагаемый пока только дескриптивно объект совместим с объектами актуального мира. Вторым параметром становится тип сингулярного термина. Демонстративы относительно несуществующего требуют воображаемых восприятий и оказываются, тем самым, зависимыми от имеющегося опыта восприятий. Имена собственные допускают больше свободы в выборе, поскольку, в конечном счете, только само имя, в случае его правильного употребления, остается неизменным признаком объекта. Здесь включается также и каузальность референции, т. е. наличие передачи агентами от мира к миру правила именования. Существование такого правила конституирует цепочку миров, которая также может воображаться как история фиктивного объекта. Наконец, референциально применяемая дескрипция также может стать результатом воображаемой ситуации, в которой она начинает локально играть роль имени собственного. Но во всех случаях в центре находится воображаемая данность десигната. Достижимость, реализуемая посредством отношения именования, имеет специфические черты. Во-первых, она ориентирована на сигнификативные способности агентов, во-вторых, она ограничена формально-онтологическими свойствами объектов, в-третьих, степени альтернативности заданы представлениями об общей истории использования языка.

Полина Павлухина, СПбГУ; Русское общество истории и философии науки, Москва
Является ли восприятие пропозициональной установкой?

Современные семантические модели, анализирующие предикаты личного вкуса, задают определенную схему, согласно которой мы можем определять истинность и ложность высказываний вкуса. При этом данные высказывания отсылают нас к конкретному ощущению, опыту, в связи с чем очень часто мы не можем высказывать свои вкусы относительно предмета, не имея непосредственного опыта восприятия. Кажется, что здесь непосредственный опыт выступает онтологическим обоснованием, на базе которого проводится дальнейший семантический анализ терминов восприятия. Данное явление получило название семантического знакомства. В настоящей работе предпринимается попытка разобраться в онтологическом основании суждений, содержащих термины чувственного восприятия и определиться в степени необходимости требования семантического знакомства для суждений восприятия. Стоит так же отметить, что несмотря на то, что в данного рода высказываниях речь идет о восприятии или ощущении предмета, в данных суждениях мы также высказываем отношение субъекта к предмету, а не утверждаем какие-либо объективные характеристики. Получается, что, рассуждая о высказываниях, содержащих термины восприятия, мы находимся в рамках пропозициональной установки. В настоящее время вокруг данного тезиса ведутся дебаты: с одной стороны, исследователи утверждают о том, что восприятие не является пропозициональной установкой, а напрямую выражает интенциональное содержание; но, с другой стороны, восприятие признается одним из видов пропозициональных установок, т.к. мы исходим из субъекта. Следовательно, мы можем расценивать утверждения о восприятии как истинные или ложные. Восприятие в таком случае отличается от знания, убеждения, веры и других пропозициональных установок лишь причинно-следственным взаимоотношением с внешними объектами, через которые субъект получает информацию о мире. Таким образом, в ходе

данной работы, автор рассматривает аргументы двух сторон, а также выявляет роль феноменологии опыта. Кроме того, рассматривается вопрос об условиях точности опыта и взаимосвязи точности и истинности опыта. Автор приходит к выводу, что восприятие носит пропозициональный характер, а возникающую из этого логику восприятия можно понимать как попытку разработки семантики, содержащую термины восприятия. Для этого необходимо определить условия истинности данных высказываний, а также обратиться к семантике возможных миров.

Михаил Смирнов, Московский финансово-промышленный университет «Синергия», Москва
Характер пропозициональных установок в ситуациях «двойного видения»

Проблема «двойного видения» была сформулирована в работе У. Куайна 1956 г. и остается актуальной до сих пор. Почвой для возникновения проблемы является способ анализа предложений о пропозициональных установках, при котором индивидуальная переменная в предложении, описывающем пропозициональную установку, связывается квантором, находящимся вне этого предложения. Например, предложение (1) предстает как (2):

(1) Ральф считает, что некто является шпионом.

(2) $\exists x$ [Ральф считает, что x является шпионом]

Допустим, Ральф видел некоторого человека в шляпе и подумал, что он шпион; Ральф также видел некоторого человека на пляже и подумал, что он не шпион; однако это один и тот же человек в разных обликах, что не было осознано Ральфом.

Обозначив Ральфа как a , его способы видения можно зафиксировать записями (V1) и (V2), в которых фигурируют разные индивидуальные переменные и осуществляется квантификация извне:

(V1) $\exists y$ [a считает, что $P(y)$]

(V2) $\exists z$ [a считает, что $\neg P(z)$]

Видение рассказчика можно зафиксировать записью (VG):

(VG) $\exists y \exists z$ [a считает, что $P(y)$ & a считает, что $\neg P(z)$ & $y=z$]

Проблема становится явной, если учесть, что запись (VG) рассказчик может заменить равносильной с его точки зрения записью (VD) (двойное видение):

(VD) $\exists x$ [a считает, что $P(x)$ & a считает, что $\neg P(x)$]

Эта запись означает, что Ральф приписывает одному и тому же индивиду противоречивые свойства, хотя нет никаких оснований полагать, что он не разделяет закон противоречия, что и рассматривается как проблема.

Известные подходы к проблеме «двойного видения» (У. Куайн, Д. Каплан, Д. Льюис, О. Перкус и У. Зауэрланд), несмотря на их отличия, подчинены одной общей стратегии. Это попытки теми или иными средствами обеспечить несводимость квантифицированных извне переменных в описаниях пропозициональных установок Ральфа к одной и той же переменной в видении рассказчика. При этом не ставится под сомнение, что пропозициональная установка Ральфа представляет собой убеждение (belief). Все перечисленные подходы сталкиваются с теми или иными трудностями.

Предлагаемое мной альтернативное решение основывается на следующем. Смена точки зрения на ситуацию должна влечь транспонирование характера пропозициональной установки субъекта, если сохранение ее прежнего характера приводит к нарушению логических принципов субъекта (таких как закон противоречия). В ситуации Ральфа установка « a считает, что $P(x)$ » должна быть транспонирована в установку « a имеет основания считать, что $P(x)$ ». Последнее утверждение совместимо с утверждением « a имеет основания считать, что $\neg P(x)$ », что снимает проблему «двойного видения». В докладе планируется предложить формальное описание принципов такого транспонирования, представив пропозициональные убеждения

различного характера как доклативные операторы с различными свойствами. Также планируется рассмотреть онтологические аспекты проблемы и предлагаемого решения.

Daniel Tiskin, St. Petersburg State University, Baltic I. Kant Federal University
Dependent Transparency: Syntax vs. Pragmatics in Attitude Reports

The *de dicto* / *de re* distinction in intensional contexts is not just two-way. Apart from wide- and narrow-scope readings of DPs, there are **exceptional *de re*** (Demirok 2019), i.e. (i) cases where the restrictor NP is interpreted transparently despite the determiner taking narrow scope (some known since Fodor 1970). There also exist transparent readings (ii) of main predicates and clauses, which may not take scope at all (Schwager 2009; Sudo 2014; Blumberg and Lederman 2021), and (iii) of proper names and indexicals, which may be restrictor-less (Sosa 1970).

In recent decades, the approach to transparent readings involving explicit binding of possible world arguments has been popular due to its considerable expressive power. Here, additional machinery was needed to account for (ii)–(iii), lacking independent syntactic motivation. Meanwhile, some authors suggested that exceptional *de re* is derivable by presupposition projection, movement or type-lifting (Romoli and Sudo 2009; Keshet 2011; Elliott 2021), which restores the “intensional” (scope-based) approach to modality and eliminates the need for world pronouns characteristic of the “extensional” approach. However, this leaves unexplained *de re* interpretations of predicates with empty extensions in the actual world, as in (1) assuming that Mary’s desire is to see a star brighter than Sirius, which does not exist:

(1) Mary wants to see a star with magnitude greater than -1.33 .

Schwager and Sudo suggested that in such cases the interpreter **substitutes** another, salient and inferentially related predicate for the one mentioned in the report. Blumberg and Lederman argued that another proposition, equivalent to the content of the attitude modulo the correct answer to some salient question, might be substituted. Those are largely pragmatic explanations. In Percus (2020), substitution is implemented syntactically — by sketching a substitution operator *R* **within the scope** of quantifiers and operators higher in the structure. In the talk I argue that the choice here is not merely a matter of taste, as the substitution needed may vary according to the value selected by a higher operator. In particular, when Mary’s desire is as before, Gary wants to see a star with magnitude over -1.5 and Terry wants to see a star visible in daylight, the substitution will need to depend on the quantifier *everyone* in (2):

(2) Everyone $\lambda x.x$ wants to see a $R(x)$ (star with magnitude greater than -1.33).

References

- Blumberg, K. and H. Lederman (2021). Revisionist reporting. *Philosophical Studies* 178, 755–783.
- Demirok, O. (2019). Scope theory revisited: “ lessons from pied-piping in wh-questions. PhD thesis. Massachusetts Institute of Technology.
- Elliott, P. D. (2021). Exceptional De Re in Continuation Semantics. 38th West Coast Conference on Formal Linguistics, 180–190.
- Fodor, J. D. (1970). The linguistic description of opaque contents. PhD thesis. Massachusetts Institute of Technology. URL: <https://dspace.mit.edu/handle/1721.1/12970>.
- Keshet, E. (2011). Split intensionality: a new scope theory of *de re* and *de dicto*. *Linguistics and Philosophy* 33.4, 251–283.
- Percus, O. (2020). Index-Dependence and Embedding. *The Wiley Blackwell Companion to Semantics*. Ed. by D. Gutzmann et al. Wiley.
- Romoli, J. and Y. Sudo (2009). *De re* / *de dicto* ambiguity and presupposition projection. *Proceedings of Sinn und Bedeutung*. Vol. 13, 425–438.
- Schwager, M. (2009). Speaking of qualities. *Proceedings of SALT*. Vol. 19, 395–412.

Sosa, E. (1970). Propositional Attitudes De Dicto and De Re. *Journal of Philosophy* 67.21, 883– 896.
Sudo, Y. (2014). On De Re Predicates. *Proceedings of WCCFL* 31, 447–456.

СЕКЦИЯ: СМЫСЛООБРАЗОВАНИЕ И ДИНАМИКА СМЫСЛА

Павел Барышников, Пятигорский государственный университет

Ментальное состояние, пропозиция и разметка данных в борьбе за интенциональное содержание

В лингвистических исследованиях середины XX в. особое внимание исследователей стала привлекать способность носителей языка выражать с помощью знаковых систем свои собственные намерения и понимать намерения собеседника, т.е. зачем и почему он произнес то или иное высказывание, исходя из контекста, ситуации, в которой было произнесено высказывание. Особую роль стали играть коммуникативные инструменты достижения целей.

В данном докладе речь пойдет о некоторых классических концепциях, изучающих связь интенциональных состояний с коммуникативными процессами. Главным отличием интенциональной теории значения является ее направленность на прагматику, т.е. на действие, совершаемое речевым актом. По П. Грайсу, понимание значения выражения связано с выявлением намерения речевого акта. Значение выражения определяется следующими отношениями: выражение X имеет для человека S значение q, только и если только S имеет обыкновение произносить X, когда он подразумевает, что q. Продолжая развивать мысль Витгенштейна о том, что значение есть употребление, П. Грайс смог сформулировать главный вопрос семантики: как происходит переход от физической сущности знака к его смыслу? Первичную формулировку можно теперь расширить: S, произнося выражение X, которое для него имеет значением q, обладает намерением I достичь какой-то цели в рамках некоего ситуативного контекста. В этом случае язык является единственным структурированным свидетельством о некоторых ментальных состояниях. Здесь на первый план выходит не смысл высказывания, а коммуникативный факт его наличия – импликатура. Импликатура представляет собой семантико-прагматический аспект высказывания, связанный с подразумеванием чего-либо фактом произнесения самого высказывания. Фактически одновременно с Грайсом собственную трактовку интенциональности в рамках теории речевых актов создавал Дж. Серл, представлявший язык как форму деятельности, которая может быть объяснена в терминах намерений, желаний и убеждений человека. Таким образом, сводя лингвистическую составляющую к вторичным явлениям, Серл вновь указывает на решающую роль ментальных состояний, что вводит языковую проблематику в сферу теории сознания. Серл делает довольно радикальные выводы – постулируется важный тезис: психологические состояния обладают пропозициональным содержанием. В современных методах компьютерной обработки естественного языка при решении задач выведения здравого смысла и неявных намерений (*common sense reasoning* и *common sense inference of intention*) обнаруживаются инженерные ответы на некоторые вопросы, сформулированные в классических семантических исследованиях. Синтаксические паттерны, используемые для «извлечения событий» из текстов, и последовательная разметка наборов данных, позволяют обучить модель аннотированию намерений участников событий. Особый интерес вызывают предиктивные визуальные модели. Может ли статистическая обработка данных с точностью казать на неявное содержание спонтанного текста или высказывания? Эти вопросы и ответы, на наш взгляд, заслуживают всестороннего обсуждения.

Под проективным семиозисом понимаются знаковые процессы объективирующего характера, отличающиеся от процессов субъективации порядком следования слоёв семиозиса. Примерами проективного семиозиса являются художественное и техническое творчество, техника в общем смысле, деятельность. Примером рецептивного семиозиса – познание как репрезентация. Категория смысла знака понимается в смысле Г.Фреге (Sinn) и Ф.Майера (Zeichenzusammenhang) как задание значения знака через места в системе знаков в диахронической или синхронической перспективе. Рассуждение опирается на идею семиотического круга. Знаковые процессы осуществляются ступенчато, ступенями являются чувственное восприятие (sensus), рассудок (ratio) и разум (intellectus). В рецепции сущее обозначается знаком чувственного восприятия и выражается грамматикой, заданной биологией человеческого тела, знаки чувственного восприятия как объекты обозначаются знаками естественных (и искусственных) языков рассудка, выражаясь в их грамматиках; инстанция разума маркирует сумму отрефлектированных или всё еще смутных теорий, позволяющих объяснять референцию от рассудка к восприятию, и тем составляющих специфическую сферу несуществующих в строгом смысле эмпирической наблюдаемости или логически непротиворечивой выводимости объектов обозначений, требующих специфических художественных, философских или научных маркеров (например, «вторичных моделирующих систем») при их выражении в естественном языке. Проективная интерпретация начинается тогда, когда возникает задача перехода от интеллектуальной конструкции (гипотезы, идеи, озарения и т.п.) к объекту. Идея сначала порождается разумом, затем конструируется рассудком, затем воплощается таким образом, чтобы быть доступной чувственному восприятию. В терминах семиотического круга проективная интерпретация представляет из себя смену вектора семиозиса: от репрезентации к презентации, от отображения и понимания сущего к его созданию. Если для каждой ступени рецептивного познания выделяются специфические правила прагматики, синтактики и семантики, а проективный семиозис является обращением рецептивного, то специфические правила прагматики, синтактики и семантики возникают и для каждой ступени деятельности. Выражению идеи (интеллектуальной ступени проективной интерпретации) служит грамматика интеллекта. Выражение конструкции (рассудочной ступени проективной интерпретации) осуществляется средствами грамматик естественных и искусственных языков, «идея» впервые выражается здесь в качестве предложения или текста, обозначающего нечто новое, отсутствующее в опыте восприятия или мышления участников коммуникации. Осуществление семантического правила на рассудочной ступени проективной интерпретации (постоянно) создаёт несовпадение между смыслами, конструируемыми посредством языка, и чувственным опытом. Выражение воплощения (завершающей ступени проективной интерпретации, осуществляемой на уровне чувственного восприятия) определяется известными или пока еще находящимися в допроблемном эпистемическом поле законами природы в их физико-химическом, материальном проявлении, составляющими «грамматику» действительности, как последняя есть в эмпирическом смысле. Обозначение воплощения, в котором реализуются семантические правила, - это артефакт, объект, создаваемый в акте деятельности как проективной интерпретации.

Смысл как место знака в системе, через которое осуществляется референция, конструируется тройко и для рецептивного, и для проективного семиозиса. То же верно и для значения как объекта, задаваемого посредством смысла.

Важнейшее различие между естественными и искусственными языками состоит в том, что в последних смысл жестко связывается с тем или иным термином благодаря заданным семантическим правилам. Тогда как любой естественный язык, являясь живым и развивающимся, демонстрирует нам постоянную трансформацию смыслов различных выражений и следующее за ней изменение значения, что происходит как в силу определенных законов развития самого языка, так и в результате взаимодействия семиосферы с социокультурной средой. Рассмотрим три примера.

1. Объект получает дескриптивное имя на основе его свойств. Со временем признаки денотата могут измениться, и информация, заключенная в термине, перестает выделять именно его. Смысл как бы «обнуляется», и дескриптивное имя превращается в ярлык. Пример: один из мостов в Париже, после своего создания в 17 веке получил название «Новый мост». Сейчас он самый старый мост Парижа, но прежнее название сохранилось.

2. Благодаря развитию языка и изменению социокультурной среды смысл изменяется, и значением термина становится «соседний» объект из семантического поля термина. Пример: слово «ябеда». «Этимологический словарь русского языка» сообщает нам, что его первоначальное значение есть: «должностное лицо», «чиновник», с этим значением производное «ябедник» используется в памятниках письменности с XIII в., а значение «клеветник, доносчик» зафиксировано только с XVI в. Согласно же «Толковому словарю русского языка под ред. Ушакова» в настоящее время основной смысл термина «ябеда»: 1. «Наушническое сообщение, наговор, клевета (разг.)» и как устаревшее: «Просьба, заявление в суд», 2. «То же, что ябедник (разг.).»

3. Весьма интересно и изменение вплоть до противоположного смысла популярных цитат, пословиц и поговорок из-за обычая произносить только их начало. Скажем, известная фраза Плиния Старшего «Истина в вине...» имеет у него неожиданное продолжение: «*а здоровье в воде*». Еще примеры:

«В здоровом теле здоровый дух... *большая редкость*» (Ювенал)

"Утро вечера мудренее, ... *жена мужа удалее*".

"От работы кони дохнут..., *а люди — крепнут*".

«Старый конь борозды не испортит..., *да и глубоко не вспашет*»

Оксана Леонтьева, независимая исследовательница, Киев, Украина,
Марина Тепленко, независимая исследовательница, Житомир, Украина
Смыслообразование как фундаментальная сущность культуры

Основу любой цивилизации как культуры составляет самоспродуцированная система смыслов, которая порождается естественным течением жизненных процессов в культуре как живом организме. Через смыслы цивилизационная общность реализует себя в пространстве и времени, оставляя свой материально-духовный след во вневремяе и интуитивно наследуется потомками. Создаваясь по модели градуированного нарастания, смыслообразование является непрерывным динамичным процессом. С умедлением динамики и возникновением статичности, культура запускает механизм самоуничтожения. В смыслообразовании необходимо выделить три основополагающих элемента, создающих собственные структуры и смысловые поля, – смыслы-образы, смыслы-конструкты и смыслы-термины. Смыслы-образы – самые древние и самые действенные, своими корнями они уходят в древние мистерии и практически представляют их в современном мире. Это исчезающие смыслы, поскольку они находятся на уровне как бессознательного, так и сверхсознательного, создавая своеобразный цикл. Они свойственны любой культуре – и племенной, и высокоразвитой, – и положены в

основу любых мифов, легенд, сказаний и былин, в которых сама первичная сущность природы человека и природы мира уложена в образ и который является предтечей некоего смыслового символизма, реализованного на следующем этапе развития цивилизационной общности в смыслах-конструктах. Они стали основой создания философско-религиозных концепций трех мировых религий – христианства, ислама и иудаизма. Конструктивный символизм становится базой для следующего этапа развития культур и цивилизаций и хранится на уровне подсознательного и надсознательного как человека, так и культуры. Но, разделив природу человека на две части – тварную и божественную, – конструктивный символизм стал дуален и терминологичен. Дуальность потребовала объяснения тварности в терминах рации, построенных на Аристотелевой логике, и в терминах эмоцио, то есть психического, и как следствие создается новая культура конструирования рациональных и эмоционально окрашенных смыслов. Эти смыслы существуют на уровне подсознательного и сознательного. Действие этих терминологичных смысловых конгломератов наблюдается в течение двух тысяч лет нашей эры. Таким образом, смыслообразование достаточно сложный механизм развития и сохранения культуры.

Ольга Малюкова, Московская юридическая академия им. Кутафина
Технологии трансформации смысла

На протяжении своей истории человек живет в окружении едва познанных и с трудом понимаемых явлений, в чем и связана, во многом, потребность в познавательной деятельности. К числу этих, существенных для человека, обстоятельств относятся сельскохозяйственное производство, промышленное производство, а в последние годы, например, экстракорпоральное оплодотворение. Не изучив до нужного уровня эти явления, человек использует их в своей практике и получает на выходе гарантированно хорошие результаты с помощью приема, который называется технологией. Понятие смысла, ставшее значимым для многих аспектов человеческой деятельности с начала XX века, несомненно, относится к такому роду явлений, следовательно, могут существовать и существуют технологии смыслообразования. Действительно, смысл относится к тем непознанным явлениям, которые считаются общеизвестными, ибо постоянно используются и в научной, и в обыденной коммуникации. На самом деле понятие смысла не имеет строгого общепринятого определения и часто описывается с помощью метафор, в которых «...смысл подобно загадочной Золушке, остается по-прежнему нераспознанным и неуловимым» или «скользит по поверхности». Практическая значимость использования смысла известна достаточно давно, в качестве примера можно привести колонизаторскую традицию наименования новых территорий в терминах, характерных для метрополии: Переяславль, Новгород, Новый Иерусалим (Воскресенск) с рекой Истрой (Иорданом), Нью-Йорк, Нью-Дели и т.д. Использование библейских личных имен (Адам, Сара, Эстер), ставшее популярным в период становления кальвинизма и до сих пор распространенное в протестантских странах, является еще одним примером распространения старых смыслов на новые территории. Современные технологии смыслообразования (трансформации смысла) представлены концептуализациями, нарративами, фейками, инсинуациями и эвфемизмами. Основанием технологий смыслообразования является аналогия, которая, как известно, может быть строгой и нестрогой, аналогией свойств и отношений, а также ложной аналогией. При этом концептуализация может считаться позитивной технологией, нарративность и сюжетность имеют нейтральный статус, а фейки, инсинуации и эвфемизмы негативно влияют на общественные процессы. Технологии смыслообразования делают осмысленными бессмысленные выражения и наоборот.

Григорий Тульчинский, СПбГУ, ВШЭ, Санкт-Петербург

Лента Мёбиуса практической философии смысла: от субъектности – к культуре и обратно

«Смысл» – слово, употребляемое в самых различных контекстах – от смысла слова и сказанной фразы до смысла происходящего и смысла жизни. Смысл является одним из центральных концептов гуманитаристики: логической семантики и лингвистики, искусствоведения и теории коммуникации, социальной психологии и искусственного интеллекта. Этот перечень можно продолжать и продолжать. Такая «многосмысленность» не случайна. Смысл – порождение конечной системы, пытающейся постичь бесконечное разнообразие мира. И вынужденной делать это всегда с какой-то конкретной позиции, в некотором определенном ракурсе, с какой-то точки зрения, другими словами – в каком-то смысле. Именно такой системой является человек – существо конечное в пространстве и времени, наделенное способностью осознания своей позиции и ее выбора, самосознанием самости ответственной субъектности. В этом плане, смысл – принципиально человеческое измерение бытия. Вне человека смысла нет – только детерминации, причинно-следственные связи.

Будучи связан с выбором или занятием определенной позиции, смысл интенционален, связан с целесообразной деятельностью, практиками использования предмета осмысления. Поэтому его анализ и применения открывают потенциал междисциплинарного синтеза (конвергенции) современной науки. Этот потенциал важен для развития не только гуманитаристики. Реализация такой «программы» практической философии смысла позволила ввести в отечественный философский дискурс проблемы: осмысления действительности, возможности логико-семантического обоснования практических рассуждений, философии поступка как вменяемого действия, метафизики свободы и ответственности, перспективе постчеловеческой персонологии, ценностно-нормативного анализа культурогенеза и особенностей российско-советского культурного опыта, соотношения рациональности и эффективности, гуманитарной экспертизы и социально-культурного инжиниринга, особенностей современного философствования и др.

Для современности характерны тотальная цифровизация и перспектива постчеловечности. В этих условиях все более востребованной становится гуманитарная экспертиза. Тем самым практическая философия смысла возвращается к своему истоку субъектности. Гуманитарное знание необходимо в научно-технических разработках, а традиционный технологический инжиниринг расширяется до социально-культурного инжиниринга. Смысловая картина мира приобретает все более операциональный и измеримый характер, но зависимый от человека и его целей.

Михаил Шатерник, Национальная академия наук Беларуси

Социально-этическое измерение смыслообразования в дискурсе

Целью статьи является определение способа образования смысла в дискурсе и роли в этом процессе нормативно-ценностных концептов. В работе исследована сущность и структура смысла как философской категории. Дискурс определен как способ осуществления речемыслительной деятельности субъектов и их коммуникативного взаимодействия, в котором на основе нормативно-ценностных концептов образуется особый смысл, обеспечивающий человекомерную интерпретацию бытия. В работе с учетом этической ее ориентации доказано, что смысл является не логической или семантической, но социально-этической категорией. Выявляются социально-этические аспекты смысла, а также этические и «метафизические» способы его этико-дискурсивного образования. Ценность охарактеризована как важнейший элемент в когнитивной структуре дискурса. В статье выявлено различие между смыслом и значением, где значение можно понимать как исключительно логико-семантическую категорию, в то время как смысл является категорией социально-этической. Роль дискурса в данном случае

определяется его возможностью синтезировать смысл, посредством соединения семантического и этического. Выявлена роль концепта в таком соединении. В работе проведено исследование концепта как элемента когнитивной структуры дискурса. Выявлено социальное и этическое измерение концепта, в то время как понятию присуще логико-семантическое измерение. В работе исследована роль ценностей как содержания концептов дискурса, а также их дальнейшее дискурсивное установление в качестве норм. Выявлена взаимосвязь между смыслом, ценностью и концептом в контексте когнитивной функции дискурса, которая ответственна за процесс образования смысла. С опорой на тексты М. Фуко, Ю. Хабермаса, Э. Левинаса и др. дискурс исследован как с точки зрения «метафизической» способности создавать, выражать и транслировать этическое содержание, так с точки зрения прагматического и конвенционального установления конкретных этических норм, которые являются основанием интерпретации и осмысления социальных феноменов. С учетом работ Г. Фреге, Ф. де Соссюра, Ж. Делеза, Ж. Деррида, М.М. Бахтина выявлена связь смысла и ценности в контексте социально-этического измерения.

Наталья Ястреб, Вологодский государственный университет
Способы изменения функций и смыслов технических объектов

В докладе будет сделан анализ практик и способов изобретения новых функций технических объектов. Цель работы состоит в выявлении, классификации и описании практик, в результате которых изменение семантики приводит к появлению у технических объектов новых функций. Под функцией технического объекта (артефакта) понимается работа, выполняемая артефактом, направленная на реализацию некоторого заданного человеком предназначения. На основе сравнения функционального и семиотического подходов к пониманию техники будут выявлены различия между функцией и смыслом артефактов. При помощи кейс-метода будут рассмотрены практики реинтерпретации, как появления новых смыслов без изменения физической структуры артефакта, адаптации, то есть приспособления технических объектов под нужды пользователя, и переизобретения. Основной тезис доклада состоит в том, что новые функции появляются у артефактов как на физическом уровне, через внесение конструктивных изменений, так и на семиотическом, через трансформацию смыслового наполнения объектов.

СЕКЦИЯ: ТЕОРИЯ ЗНАЧЕНИЯ В ИСТОРИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ

Наира Даниелян, Национальный исследовательский университет "МИЭТ", Москва
Влияние «Логико-философского трактата» Л. Витгенштейна на формирование современного металингвистического дискурса

В докладе вводится представление о металингвистической модели как диалогическом «обмене мыслями» и «развороте языка на себя» на примере работ современных британских ученых. Автор обосновывает мысль, что данный «разворот» наблюдается, исходя из понимания логики как априорного условия мышления и языка в «Логико-философском трактате» Л. Витгенштейна. Его принцип «все, что может быть сказано, может быть сказано ясно, а обо всем остальном следует молчать» является своеобразной формулировкой «бритвы Оккама»: язык устанавливает границы мира, но он полагает границы и самому себе в том смысле, что не может высказываться о своей сущности – о логике, так как она «должна заботиться о себе сама». Таким образом, металингвистическая модель предстает в новом свете – в виде интерпретации смыслов посредством логики. Для ее иллюстрации в теории познания автор проводит

сравнительный анализ логики Витгенштейна как априорного условия конструирования субъективного мира и интерпретативного конструктивизма Х. Ленка, основанного на представлении, что любой взгляд на реальность зависит от лингвистических моделей, господствующих в обществе. Отсюда общая цель – не в разработке нового языка, а в выявлении условий конструирования мира посредством любого языка.

Философские рассуждения понимаются Витгенштейном как выражения, помогающие вывести одни предложения из других, поэтому свой «трактат» он метафорически называет лестницей, которую можно отбросить, добравшись до внутренней структуры языка. А.Л. Никифоров утверждает, что, основываясь на языке препозиционной логики, Витгенштейн «строит чрезвычайно упрощенную модель мира, языка и познания». Как результат, «лестница» Витгенштейна оказывается крайне ненадежной при ближайшем пристальном рассмотрении. В статье делается вывод, что конструирование подобных лингвистических моделей приводит к тому, что ни одно знание не является единственным в своем роде. Это утверждение делает металингвистический дискурс живой, вибрирующей и постоянной меняющейся областью, позволяющей сформировать новые представления не только о форме и характере языка, но и эпистемологическом субъекте.

Елена Косилова, МГУ

Классические, неклассические и пост-неклассические теории понимания смысла в математике

Математика разделяется на классическую и неклассическую. Водораздел приходится на 19-20 века, с появлением неевклидовых геометрий, проективной геометрии, аксиоматической системы геометрии Гильберта, теории множеств. Важнейший критерий отличия неклассической математики – отсутствие интуитивной понятности, уход от созерцания. Дж. Грей называет неклассическую математику модернистской.

В качестве примера классической теории математического и логического понимания можно взять учение Э. Гуссерля. В отличие от Пуанкаре, который противопоставляет интуицию и логику по признаку формальности, Гуссерль в «Логических исследованиях» вводит понятие «логическое переживание» (это касается и математики). Понимание у него делится на два уровня глубины: менее глубокое «полагание смысла» и более глубокое «осуществление смысла». Хотя поверхностное, формальное понимание без созерцания возможно, на глубоком уровне происходит созерцание.

Пример неклассической теории понимания в математике – Л. Витгенштейн. На первый план он выдвигает субъекта и его деятельность, математика для него является «антропологическим феноменом», а работа в математике – это конвенциональная языковая игра. В его теории понимания нет никакого места созерцанию, главное для него – это действия, прежде всего, вычислительные. Смысл математического выражения – то же, что его доказательство.

Примеры авторов, развивающих пост-неклассическую теорию понимания смысла – Х. Филд и Ж. Делёз. Филд считает, что истинность математических выражений устанавливается в истории (т.е. в дискурсе). Мысль Делёза – что смысл слов и предложений (и текстов) рождается внутри языка по законам дискурса, безотносительно к субъекту. Субъекта в пост-неклассической философии нет, смысл – это над-субъектная структура. Он рождается автономно из других смыслов, на «поверхности» языка. Можно в таком разрезе рассмотреть математическое понимание, то есть математику как дискурс. Под пониманием здесь может иметься в виду только «служение» субъекта внешнему, дискурсивному смыслу. Смысл математических объектов заложен в смысле объектов, предшествовавших им. Так, например, в факте существования квадратных и кубических уравнений уже были заложены комплексные числа. «Поверхность» Делёза в этом аспекте напоминает «третий мир» К. Поппера, который так же имел автономию по отношению к субъективному миру.

Алексей Круглов, РГГУ, Москва

Символическое и созерцающее познание и проблема наглядности

Выделив два вида познания – символическое, или знаковое и интуитивное, или незнаковое, Г. В. Лейбниц в статье «Размышления о познаниях, истине и идеях» заложил основу обсуждения проблемы наглядности познания в XVIII веке. Отталкиваясь от идей Лейбница, Хр. Вольф в «Немецкой метафизике» создал уже развернутое учение о двух видах познания: фигурном и созерцающем, отдавая приоритет в сфере применения и степени отчетливости первому виду, хотя и считая второй вид базовым. Учение Вольфа почти сразу же стало классическим, развиваясь в метафизических и логических трудах И. Г. Дарьеса, А. Г. Баумгартена, Г. Ф. Майера, И. Н. Тетенса, И. Г. Ламберта и др. Наиболее развернутый альтернативный Вольфу взгляд на соотношение символического и созерцающего познания был представлен в «Пути к достоверности и надежности человеческого познания» Хр. А. Крузием, отдававшим приоритет созерцающему виду познания и связавшим его с деятельностью воображения.

Кант в «Критике чистого разума» совершает терминологическую революцию и меняет само рассмотрение проблемы. Идущее от работ Ф. Виета и Лейбница искусство «*speciosa generalis*», относящееся ранее исключительно к символическому – чаще всего буквенному – анализу, превращается у Канта в фигурный синтез, носящий априорный характер. Вслед за изменением в понимании природы чувственности и рассудка Кант отказывается от противопоставления интуитивного или созерцающего символическому в пользу противопоставления интуитивного дискурсивному, а созерцания – рассудочному понятию. Фигурный синтез как результат деятельности трансцендентальной способности воображения вместо былой эмпирической образности создает саму схематическую возможность появления эмпирического образа как такового.

Но при всей глубине кантовская позиция наталкивается на осязаемые границы. Сознательно применять в познании скрытое в душе искусство, истинный механизм которого нам вряд ли когда-либо удастся угадать у природы, проблематично. Трансцендентальную способность воображения вряд ли можно использовать для прояснения многочисленной сферы аналитического, знакового, или символического познания Лейбница–Вольфа. В этой связи отброшенная Кантом в тень важная программа Вольфа по редукции символического познания к квази-интуитивному сегодня может иметь практическую значимость в новых условиях и придать вопросу наглядности познания новые краски.

Зинаида Кузичева, МГУ

О роли смыслообразования в развитии математики

В предлагаемом сообщении на примере арифметики показываются причины, вынуждающие создание новых разделов математики, а также роль смыслообразования в этих процессах.

В арифметике операции сложение, вычитание, умножение и деление заданы на множестве целых неотрицательных чисел. Выражение $m + n$ считаем имеющим смысл, ибо для любых m , n существует целое неотрицательное число p , которое представлено этим выражением. Но, если $r < s$, выражение $r - s$, нельзя считать имеющим смысл, поскольку так расположенным данным символам r , s , - не может быть сопоставлено никакое неотрицательное целое число. Аналогично, если $a < b$ или a не содержит множителя равного b , выражение a делить на b в арифметике не имеет смысла. Чтобы выражениям a делить на b можно было приписать смысл, в арифметике без особого затруднения были введены дроби.

С осмыслением отрицательных чисел ситуация оказалась более сложной. Пришлось преодолеть не только технические, но и психологические препятствия, ибо трудно было понять: что

в реальности может соответствовать отрицательному числу. В качестве примеров предлагалось рассматривать пары понятий имущество – долг, или тепло – холод. Положение улучшилось после введения координатного метода. Отрицательные числа стали объектами алгебры и математического анализа и других новых дисциплин.

Обратимся к арифметике и зададимся вопросом о смысле умножения. Для этого вернемся к его происхождению, вспомним, что умножение есть сокращенное сложение. Например, вместо $5 + 5 + 5 = 15$ пишем $3 \times 5 = 15$.

Вслед за ним и $5 \times 5 \times 5 = 5^3$ - возведение в степень, за которым - извлечение корней, мнимые числа, теория комплексных чисел и т.д..

Весьма интересна и не проста история введения и осмысления математических операций на новых множествах объектов, отличных от целых неотрицательных чисел арифметики. Об этом подробнее в расширенном тексте.

David Lindeman, Georgetown University, Washington, USA

A new solution to Frege's substitution problem

Frege pointed out that in the context of attitude verbs, substitution of apparently co-referring terms fails. Some Russellians deny that such substitution failures occur, even when the reports are read *de dicto*, positing that the apparent failure is to be explained on pragmatic grounds. This allows them to maintain that the apparently co-referring terms are genuinely co-referring. But I follow Frege in maintaining that the apparent failure is genuine and should be accounted for semantically. Frege explains the failure of substitution of apparently co-referring terms in a way compatible with maintaining the principle of the substitutivity of identicals, namely by positing a distinction between sense and reference and a systematic shift in reference – from customary reference to customary sense – in the context of attitude verbs. Frege thus denies that the apparently coreferential terms at issue in these failures of substitution are genuinely co-referential in the context of attitude verbs (though they are co-referential outside such contexts; they would also be co-referential in reports read *de re*). I maintain the principle of the substitutivity of identicals and accept Frege's distinction between sense and reference – which is motivated by another problem, namely the problem of cognitive significance – but deny that there is this shift in reference in the context of attitude verbs, instead following Davidson in maintaining semantic innocence. The solution is instead to accept a truism of contemporary cognitivist linguistics: We do not all speak the same language, even if we are members of the same language community and so mostly succeed in communicating using certain sounds, shapes, and gestures bearing certain family resemblances. We simply turn the failures of substitution into a criterion for the individuation of languages – a move in fact anticipated by Frege himself. Further support for the solution is provided by consideration of a paradox from Church.

Евгений Малышкин, СПбГУ

Об одном примечательном упущении в речи Аристофана, собеседника Сократа

В статье анализируется сформулированное Лейбницем понятие тождества, оно сопоставляется с понятием равенства. Отмечается, что тождество от равенства можно отличить, обращая внимание не на счет сам себе, а на то, что считается. Указывается три важных в этом отношении свойства считаемого: нескончаемость, артикулированность и безучастность. Равные величины считают безучастное, тождественные — небезучастное. Находится общее для тождественного и равного, со-разделяемое. В опоре на полученные понятия безучастного и со-разделяемого, разбирается речь Аристофана в «Пире» Платона. Понятие со-разделяемого помогает уточнить, что есть власть богов, заставляющая их в аристофановской мифе разделять

людей пополам, указывается на два типа правил, соответствующих двум способам делить власть. В мифе нарушен счет полученных в результате разделения полов, их следует насчитывать четыре, а не три, как в тексте, и понятия безучастного и небезучастного способствуют отчетливому отличению третьего пола от четвертого.

Оксана Невдобенко, Московский Государственный Технический Университет
им. Н. Э. Баумана

Sense generation, sign generation in Cogito and infallible time

The processes of sense generation and sign generation are obviously not isomorphic. We consider Cogito taking into account this statement.

Descartes supposes the Cogito-style sentences (Cogito, Dubito, Ego sum res cogitans, etc.) are unconditional and unfalsified. We argue that Descartes while considering sign version of Cogito does use some hidden premises in spite of well-known declaration there are none. They are: 1) there's such a length of time Δt over which I cannot be wrong on the matter of what happened over Δt (infallible time); 2) there's such time extent Δt upon which I cannot be wrong (say, if an event happened quickly from I-viewpoint then while being measured in some standard units, one will appraise it as "quickly" as well). We investigate the advantages the evil demon can take from that. This is a sign manipulation we propose. Cogito as a sign object has to have a) a sense-data component and b) can be built only through time by consecutive generation one elementary sign after another. Then an (elementary) sign manipulation is the following: (1) I is [not am] building the sign s_i (or some part of it, which is not a sign any longer), (2) I thinks wrongly that the previous signs just built are s_1, \dots, s_{i-1} (the evil demon's work), (3) I is [not am] going to built signs s_{i+1}, \dots, s_n . For example, one thinks of self as thinking Cogito, while in fact the real event is building "t" (the part "cogi" being prior to "t" is in the past and as such can be manipulatively substituted instead of what really happened in the life of I before building the sign "t" (whatever it is; probably, nothing; probably, I didn't exist before generating "t")). We investigate the source which makes the manipulation possible and the gravity of the destruction of such sort. The crucial reason for the possibility of such misconception turns out to be the sense-data component in any linguistic (being sign) constructions.

Свой главный тезис в работе «Сознание и мир» Джон Макдауэлл формулирует с помощью известного «трюизма» Людвига Витгенштейна из «Философских исследований»: когда наши мысли истинны, тогда то, о чем эти мысли, действительно имеет место [§95]. Иначе говоря, поясняет Макдауэлл, не существует никакой онтологической пропасти между нашим мышлением и миром. Макдауэлл признается, что мог бы сформулировать этот тезис и с точки зрения фрегеанского смысла (Sinn). Более того, он полагает, что только в контексте данного понятия следует размышлять о связи мышления и реальности, дабы избежать традиционных философских тревог. Поэтому в контексте фрегеанской концепции смысла трюизм Витгенштейна предстает в виде теории истины как тождества. В частности, речь идет о тождестве того, что мы мыслим (когда наша мысль истинна) и того, что имеет место. И если (согласно «Логико-философскому трактату» [1.1.]) мир есть все то, что имеет место, то мы включаем мир в сферу смысла (т.е. в сферу истинных мыслей о фактах), снимая тем самым границу между миром и мыслью. Именно в области смысла, говорит Макдауэлл, мышление (истинные Gedanken) и реальность встречаются. Иными словами, реальность не является чем-то экстраконцептуальным, и понятие Sinn вполне может справиться той ролью которую обычно приписывают Bedeutung. Макдауэлл отказывается от двухуровневой онтологии Sinn и Bedeutung, полагая, что последнее понятие выполняет скорее теоретическую роль. При этом он избегает обвинений в идеализме, специально подчеркивая: если кто-то и называет трюизм Витгенштейна «теорией истины как тождества», то не стоит забывать, что это именно трюизм, а не философская доктрина или тезис, который можно было бы оспорить.

Кроме того, Макдауэлл полагает, что трюизм Витгенштейна и фрегеанская концепция смысла могут служить своего рода «комментарием» к гегелевскому тезису о безграничности концептуального: фрегеанское понятие смысла идеально подходит на роль того гегелевского «абсолюта», который снимает границу между мышлением и миром. В результате фрегеанская интерпретация трюизма Витгенштейна оборачивается гегелевской интерпретацией самого Фреге, точнее, его концепции Sinn и Bedeutung. Поэтому в докладе будет рассмотрено то, как Макдауэлл интерпретирует это различие между Sinn и Bedeutung, а также его ответы критикам такого подхода

Константин Скрипник, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону
Сигнифика: восстановление в правах

В конце 19 – первой половине 20 вв. проблема значения стала все в большей степени занимать европейских философов, логиков, филологов. Появление созданной трудами Виктории Уэлби сигнифики как науки о значении является ярким проявлением указанной тенденции. Значение в сигнифике Уэлби понимается как сложная структура, включающая уровни смысла, значения и значимости; значение сопрягает в себе восприятие, волевые и аксиологические аспекты составляющие. Значение трактуется как чувственный образ, как перевод, как интерпретация, как результат использования в коммуникации различных средств выражения, одним из которых является естественный язык.

Дальнейшее развитие связано с движением сигнифики в Нидерландах, инициаторами которого становятся ван Иден, де Хаан, Маннури, ван Данциг, а участниками – ученые, принадлежащие к различным областям науки. Во главу угла в трактовке значения становится коммуникация, расширяется понимание сигнифики, выделяются аналитическая и синтетическая сигнифика, сочетающие эмпирические исследования и социальную обусловленность теоретических положений. Так, в русле положений сигнифики Уэлби, ван Иден издает «Логические основы коммуникации», де Хаан посвящает свои усилия формированию сигнифики права,

Маннури выделяет значение говорящего и значение слушателя, указательный, эмоционально-аффективный и волевой элементы значения, особое внимания уделяется типам ментальных ассоциаций и различным уровням языка. Значение в сигнифике все больше принимает психологический и лингвистический характер. Идеи движения сигнифики в Нидерландах сопоставимы не только с предшествующей сигнификой, но и с современными ей идеями Венского кружка или французского терминологического движения, в частности деление на указательное и волевое элементы сопоставимо с дихотомией физикалистского и феноменалистского языков.

Сигнифика «схватывает» идеи, общие для современных ей исследований, связанных с именами Стаута, Болдуина, Огдена, Рассела, Витгенштейна, Нейрата и других, равно как и с последующими работами Грайса, Остина, Серля, Беллоса. Подробное рассмотрение и сигнифики Уэлби, и сигнифики в Нидерландах дает основание утверждать, что сигнифика может и должна быть восстановлена в правах науки о значении не только как исторический феномен, но и как явление, потенциал которого оказал, не всегда точно эксплицированное, влияние на последующие исследования значения.

Валерий Суровцев, Томский государственный университет
Лингвистическое значение как употребление и скептицизм

Интерпретируя понятие языкового значения у Л. Витгенштейна [1], часто говорят о возможности скептического к нему подхода [2]. И, несмотря на ряд существенных возражений [3], у такого подхода есть определённые резоны. Действительно, Л. Витгенштейн отказывается от понятия лингвистического значения как чего-то объективного, стабильного, что можно определить до и независимо от употребления языкового выражения. Значение языкового выражения можно усвоить только из его употребления. А поскольку употребление выражения предполагает участие в определённой языковой игре, то различие в правилах и условиях протекания таких игр порождает сдвиг лингвистических значений в зависимости от условий социальной практики, в которую вплетён язык. Невозможно говорить о едином значении одного выражения вне зависимости от условий его употребления. Можно говорить только о некотором семейном сходстве значений одного и того же выражения, которое используется в разных случаях.

Однако здесь возникает важный вопрос. Можно ли в этом случае говорить о «скептической решении» проблемы определения языкового значения у Л. Витгенштейна? Это утверждение представляется слишком сильным. Скепсис всегда основан на двух предпосылках. Во-первых, принимаются противоречащие или противоположные точки зрения, и, во-вторых, демонстрируется, что каждая из них может быть в достаточной степени обоснована. На этом основании делается вывод, что каждая из этих точек зрения сомнительна. Однако ничего подобного у Л. Витгенштейна мы не найдём. Мы не найдём даже того, что он напрямую подвергает сомнению семантические теории фрегеанского типа [4, 5, 6]. Вернее, в текстах Витгенштейна вообще невозможно найти критики каких-либо явно сформулированных теорий лингвистического значения. Да и сам Витгенштейн, по крайней мере в отчётливом виде, не строит никакой теории лингвистического значения. В его работах нет теоретической конструкции, которая позволила бы сказать, что у него теория лингвистического значения заключается в таких-то и таких-то положениях, сформулированных ясно и отчётливо, т. е. чтобы эту теорию можно было выразить, создав очевидное представление, дискурсивно и чётко оформленное в понятиях.

Л. Витгенштейн нигде не формирует своё понимание лингвистического значения, поскольку он не отвечает на традиционные вопросы соответствующей теории, а именно, «Как можно говорить о значении?» или «Как нельзя говорить о значении?» [7]. Он не строит теорию. Он просто приводит примеры языкового употребления, демонстрирующие

невозможность какого-либо стабильного и независимого лингвистического значения, что особенно показательно представлено в одной из его работ [8]. Часто утверждается, к примеру [9], что критика Л. Витгенштейна была направлена прежде всего против семантических представлений Г. Фреге. Но здесь следовало бы задать ещё один вопрос. Насколько критические или скептические устремления Л. Витгенштейна укладываются в рамки трёхчленной семантики Г. Фреге? Этот вопрос немаловажен в том отношении, что сравнивать две теоретических конструкции следовало бы только тогда, когда у них есть одинаковые цели. Только в этом случае и стоило бы сказать, что концепция, представленная Л. Витгенштейном, достигает своей задачи, и, в определённом смысле, опровергает то, что в своей трёхчленной семантике предлагает Г. Фреге. Но представляется, что это совсем не так.

Прежде необходимо отметить, что Г. Фреге и Л. Витгенштейн в своём объяснении лингвистического значения преследовали совершенно разные цели, а, следовательно, вряд ли можно говорить здесь о едином основании для сравнения. Основная задача Г. Фреге сводится к тому, чтобы установить, какие грамматические формы и каким образом влияют на установление истинностного значения основной с его точки зрения логической категории, а именно, мысли (Gedanke), являющейся разновидностью смысла (Sinn) [5]. Именно с этой точки зрения Г. Фреге рассматривает отношение наименования, поскольку определяющее значение здесь имеет вопрос о том, какой вклад различные элементы этого отношения вносят в установление истинностного значения целостной мысли. Здесь решается целый ряд вопросов, специфичных для традиционных теорий значения, вроде проблемы тождества или проблемы осмысленности пустых имён, т. е. знаков, не указывающих ни на какой реально существующий объект. Но вряд ли Л. Витгенштейн пытается решить те же самые проблемы. У него совсем другой вопрос. И этот вопрос касается того, каким образом языковая деятельность вплетена в социальную практику. Здесь не идёт речь о функционировании пустых имён, проблеме тождества или косвенных контекстов. Сам вопрос о характере функционирования языка относится совсем к другой теме.

Если, к примеру, для Г. Фреге проблема отношения знака к обозначаемому стояла как вопрос о соотношении статичной знаковой конструкции, и, в частности, языка логики с реальностью, то для Л. Витгенштейна – это прежде всего вопрос о практике употребления языковых выражений. И, таким образом, Л. Витгенштейн ставит совершенно другую проблему. А именно, каким образом языковая деятельность связана с другими формами социальной практики, можно ли рассматривать её обособлено. И если нет, то любое употребление языка, в том числе и в отношении понимания языковых значений, мотивировано этой практикой и не может быть от неё изолировано. В некотором смысле можно сказать, что проблемы языкового значения, которые пытается решить Г. Фреге в своей платонизированной семантике, и затруднения, которые относительно стабильности языкового значения Л. Витгенштейн показывает в многообразии языковых игр, позволяющих лишь приблизительно судить о некотором семейном сходстве, относятся не просто к различным подходам к одной и той же проблеме, они вообще относятся к разным проблемам.

Но, даже если и принять ту точку зрения, что Л. Витгенштейн критикует концепции стабильности языкового значения, всё равно остаётся вопрос, насколько прескриптивное, аскриптивное и дескриптивное употребление языковых выражений вносят в понимание смысла какое-то новое значение, не говоря уже о иллокутивной силе [10]. Во всяком случае, смысл одного и того же выражения, произнесённого судьёй, при вынесении решения, и репортёром, при описании события, имеют разный смысл, уже хотя бы потому, что влекут разные последствия. И вопрос о возможности рассматривать иллокутивную силу в отношении дескриптивного, аскриптивного и прескриптивного значения языкового выражения – это вопрос затруднительный. Затруднительный уже потому, что невозможно отличить общий смысл от случая употребления языкового выражения.

Различие грамматических форм, важность которых подчёркивает Л. Витгенштейн, у него отнюдь не являются выпадом против Г. Фреге. Дело совсем не в том, что Л. Витгенштейн,

утверждая, что отрицание, вопрос, приказ и т. п. в каком-то смысле выступает против семантик фрегеанского типа. Л. Витгенштейн лишь говорит, что приписывание одинакового смысла различным грамматическим формам, есть одна из языковых игр. Да и само различение грамматических форм – это только языковая игра, одна из языковых игр. Подобного рода различие не означает ровно ничего. Л. Витгенштейн ничего не имеет против платонизма. Для него это была бы ещё одна контроверза. Быть может, между неопределённостью значения и платонизмом. Л. Витгенштейн не выносит никакой инвективы против платонизма. Вернее, это еще одна языковая игра, игра неопределенности значения против его стабильности. В этом случае неопределённость значения просто претворяется в игру против некоторой формы платонизма, против фиксированной теории значения. Л. Витгенштейн же просто утверждает, что любая версия теории языкового значения определяется в рамках языковой игры, которая удовлетворяет целям определённой языковой практики.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Wittgenstein L.* Philosophische Untersuchungen/Philosophical Investigation. The German text with an English translation by G.E.M. Anscombe, P.M.S. Hacker and Joachim Schulte. Revisited 4th edition by P.M.S. Hacker and Joachim Schulte. Oxford: Wiley-Blackwell, 2009.
2. *Крипке С.* Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке. М.: Канон+, 2010.
3. *Бейкер Г.П., Хакер П.М.С.* Скептицизм, правила и язык. М.: Канон+2008.
4. *Фреге Г.* О смысле и значении // Логика и логическая семантика. Сборник трудов. М.: Аспект Пресс, 2000. С. 230–246.
5. *Фреге Г.* Логические исследования. (Логические исследования. Целое число. 17 узловых предложений о логике). – Москва: ЛЕНАНД. 2021.
6. *Katz J.* The Metaphysics of Meaning. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1990.
7. *Патнэм Х.* Как нельзя говорить о значении // Патнэм Х. Философия сознания. – М.: Дом интеллектуальной книги, 1999.
8. *Витгенштейн Л.* Голубая и коричневая книги: предварительные материалы к «Философским исследованиям». – М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2022.
9. *Ладов В.А.* Семантика Г. Фреге в современной аналитической философии // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2022, Вып. 2 (32).
10. *Харт Г.* Философия и язык права. - М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2017.

Юрий Черноскутов, СПбГУ

Первые исследования по символической логике на философском факультете ЛГУ.

Первый опыт преподавания математической логики на философском факультете ЛГУ относится к 1949-50 гг. и связан с именами А.А.Маркова и Н.А.Шанина. Тогда предложенный ими курс математической логики был встречен коллективом кафедры логики настороженно. По крайней мере дважды, в апреле 1949 г. и в ноябре 1954 г. кафедра выступала с предложением о кратном сокращении часов, отводимых на преподавание математической логики в пользу других спец.курсов. О том, что этот курс не воспринимался как нечто принципиально важное для логического образования, свидетельствует и тот факт, что до конца 1950-х гг. дипломных работ по связанным с ней темам на кафедре не защищалось.

Переломным стал 1956 год. Молодому сотруднику кафедры И.Н.Бродскому поручается подготовка курса по символической логике. План подготовленного им курса был утвержден на заседании кафедры 4 октября 1956 года. Надо сказать, что на тот момент у Бродского не было публикаций по символической логике.

В том же году аспирант кафедры А.Н.Книгин меняет тему диссертации на «О соотношении традиционной и математической логики». Именно Книгину принадлежат первые публикации

и первая диссертация по математической логике (и то, и другое – в 1957 году), подготовленные воспитанником кафедры логики философского факультета ЛГУ. Впоследствии он стал профессором в Томском университете; к сожалению, вскоре после переезда в Томск он перестал заниматься математической логикой.

Уже 6 февраля 1956 г. на заседании кафедры логики обсуждался реферат Книгина «Некоторые вопросы логических систем Буля и Девонса», который, как можно предположить, стал основой первой главы его будущей диссертации. В обсуждении реферата приняли участие И.Н.Бродский и аспирант В.В.Ильин.

Диссертация насчитывает 398 страниц, в библиографии упоминается не менее 166 источников (иностраные, цитируемые в тексте, в общий список библиографии не включены, вероятно, по техническим причинам). Первая глава представляет собой краткий очерк истории развития математической логики. Предшественники мат. логики, алгебра логики, и самый большой параграф «Классическая логистика» занимает 65 страниц. Во второй главе сравниваются «решение некоторых проблем традиционной логикой и математической логикой. Таких проблем в диссертации три, каждой из которых посвящен отдельный параграф: проблема истинности и правильности, проблема умозаключения, проблема законов логики.

Под традиционной формальной логикой автор диссертации понимает науку «об объективных формах и законах правильного, т.е. ведущего к достижению истины, мышления». Давать же определение математической логике он отказывается, оправдывая это тем, что тем самым будет определено и её отношение к традиционной логике, а это значит «предпослать работе готовое решение поднимаемого в ней вопроса». Поэтому под мат.логикой решается «понимать просто науку, содержащуюся в работах, которые признаются именно работами по математической логике».

Владимир Шалак, Институт философии РАН, Москва

О проблеме адекватного перевода логических текстов Аристотеля

Существуют три официальных перевода Аналитик Аристотеля на русский язык, выполненных Н.Н. Ланге (1894), Б.А. Фохтом (1952) и З.Н. Микеладзе (1978). Проблема заключается в том, что эти переводы начинают противоречить друг другу, начиная уже с первой главы. Если такое происходит в самом начале, когда только вводятся основные понятия, нельзя надеяться на дальнейшую смысловую согласованность Аналитик в различных переводах. В результате этого разные поколения логиков, знакомясь с Аристотелем по разным переводам, обречены по-разному понимать основания его логики, по-разному излагать ее своим ученикам. И это происходит в “доказывающей науке”! Речь идет о том, как следует интерпретировать отношение между терминами в категорических атрибутивных суждениях. Возможны, по крайней мере, два варианта понимания – экстенциональное, как отношение между объемами терминов, и интенциональное, как отношение между содержаниями. Сегодня наиболее распространенным является экстенциональное, но силлогистику можно строить и интенционально, на основе отношения между содержаниями терминов. Дело не в том, какой из двух вариантов отношения между терминами является “правильным”, а о том, какого понимания придерживался Аристотель в Аналитиках. В переводах Ланге и Фохта отношение “ P присуще S ” равнозначно интенциональному отношению между содержаниями терминов “ P содержится в S ”, в то время как в переводе Микеладзе оно равнозначно экстенциональному отношению между объемами “ S содержится в P ”. Если взвесить все за и против, то предпочтительнее следует отдать экстенциональному, поскольку в дальнейшем при рассмотрении первой фигуры силлогизмов Аристотель явным образом говорит об отношении между объемами, а не содержаниями терминов, что признается всеми тремя авторами переводов. На примере поиска адекватного перевода всего одного предложения из Аналитик Аристотеля можно увидеть, с какими серьезными трудностями приходится сталкиваться переводчикам с

древнегреческого языка. Уместно задаться вопросом, сколько еще подобных неоднозначных предложений можно найти, например, во Второй Аналитике, в Категориях, Об истолковании и других произведениях Стагирита? Действительно ли мы адекватно его понимаем?

Александр Шевцов, Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет)

Логические исследования смысла и значения Л. Г. фон Якоба в контексте критической философии

Рассматривается логическое учение Людвиг Генриха фон Якоба (1759-1827), философа и логика времени немецкого Просвещения. Сочинение Якоба по логике «Начертание всеобщей логики и критические начала всеобщей метафизики» (1788). Предлагаемый перевод этого сочинения сделан с четвертого издания 1800 г. В докладе рассматривается устройство логической концепции Л. Г. фон Якоба, вскрывается структура сочинения, состоящего из четырех взаимосвязанных частей: 1) Элементарного учения логики, 2) Логического учения о методе, 3) Диалектики или критики истинного, и 4) Критические начала всеобщей метафизики. Показывается, что Л. Г. фон Якоб в этом фундаментальном труде развивал концепцию, что в науке логики необходимо использовать символы и формулы математики, которые в данной логике будут являться знаками, обозначающими значения понятий. Поэтому логику по мысли Якоба надо редуцировать к математике, чтобы приблизиться к точности и порядку. Цель своего труда Л. Г. фон Якоб определял в качестве плана сделать введение в научное изучение философии. Для этого необходимо изучать законы, по которым мыслит рассудок, и условия, под которые он должен подстраиваться, чтобы с их учетом правильно мыслить. Якоб разрабатывал в своей логике учение о сорите, о гипотетических суждениях. Якоб являлся собеседником Канта. Доказывается, что Л. Г. фон Якоб, являясь с одной стороны учеником и последователем Канта, а поэтому продолжателем критицизма в философии, с другой стороны, он старался построить и самостоятельную логику, которая бы по его мысли включала в себя и метафизику. Поэтому показывается, что его труд по логике включал как само логическое учение, так и части критического анализа «практического разума», а также критику познавательной способности разума. Показывается, что по замыслу Якоба все увенчивала критически разработанная метафизика. Концепция логического сорита, построения гипотетических рассуждений является в логическом учении Л. Г. фон Якоба инструментом исследования и порождения смыслов. Около 10 лет Л. Г. фон Якоб жил и работал в России с 1807 по 1816 гг

Александр Шевцов, Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет)

Педагогика в истории философии и логики в немецком Просвещении: М. Мендельсон и И. Б. Базедов

Исследуются вопросы восприятия смыслов значений знаков и выражений в текстах М. Мендельсона (1729-1786) и основателя перспективной для своего времени гимназии «Филантропин» И. Б. Базедова (1723-1790). Рассматриваются взгляды на проблематику порождения смыслов в педагогическом процессе как практической логике в немецком Просвещении XVIII в. Базедова, Мендельсона, Реймаруса, Руссо. Базедов применял в педагогике и обучении интересные, новейшие методики, например, изучение предмета должно начинаться с освоения его на практике, тактильно, а только затем изучение предмета продолжается по учебникам, по обучающей литературе, по наставлениям. Базедов наблюдал, как в опыте взаимодействия с предметами приобретаются новые смыслы, открываются разные стороны новых и привычных предметов, происходит рост смыслов и увеличение значений предметов в разуме

человека. Подобной методике Базедова была и методика преподавания у Жан-Жака Руссо, французского просветителя XVIII в., которого Базедов и Мендельсон ценили очень высоко. Особое внимание уделено значению и осмыслению влияния методик Базедова на становление критической философии Мендельсона. Показывается, что Мендельсон как истинный почитатель прогрессивного метода, в своей последней прижизненной работе, в «Утренних часах или чтениях о бытии бога» (1785), следовал методике Базедова, то есть некоторому «соученичеству» или «сороботничеству». Мендельсон хотел исследовать вопрос о Боге и его качествах в обществе читателей, поскольку был убежден в том, что этот вопрос играет очень важную роль и оказывает огромное влияние на состояние счастья в жизни человека. Здесь же отмечается, что Мендельсон ссылается и на Вольтера, что без представления о Боге и без того, что любой человек ищет у бога оправданий и поддержки своим поступкам, а без этого смысла в нас мы не сможем достичь берега или какой-то определенности в нашей жизни. Поэтому Мендельсон, вслед за Базедовым, как демонстрируется в докладе, пробовал ввести в философию некий новый принцип познания, названный им долгом веры, который увязывался у него с длащимися осмысленными впечатлениями в мозге и который был практическим смыслом понятия долга.

СЕКЦИЯ: ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ СМЫСЛ, ЖИЗНЕННЫЕ КОНТЕКСТЫ И ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СМЫСЛА

Александр Анисов, Институт философии РАН, Москва
К вопросу об онтологии смысла

Возьмём классический семантический треугольник с вершинами знак – денотат – смысл. С онтологией знака всё в принципе понятно: знак сам по себе – это материальный объект. Это означает, что знаки существуют в пространстве и времени. А вот денотаты знаков могут иметь любой тип существования из четырёх возможных: либо материальный (пространственно-временной), либо идеальный (вне пространства и времени), либо пространственный (пространство вне времени), либо темпоральный (время вне пространства). Тут уже возникают некоторые сложности. К примеру, денотат знака «Сократ» – какой тип существования из перечисленных ему приписать? Не вдаваясь в детали, сразу скажем, что материальный, ибо Сократ принадлежит множеству физически существовавших людей, в отличие принца Гамлета или солдата Швейка. Денотаты последних двух знаков существуют только в мыслях, протекающих во времени, но лишённых пространственных характеристик. Стало быть, Гамлет и Швейк бытийствуют темпорально. Цифры являются знаками чисел, существующих идеально, т. е. вне пространства и времени. И т.п.

Остаётся вопрос о бытии смыслов: каковы их возможные типы существования? Ясно, что среди физически существующих предметов смыслов нет. Значит, их бытие не материально. Думается, что не вызовет возражений утверждение, что смыслы не имеют пространственных характеристик, и потому не существуют как пространственные объекты. Остаётся две возможности: смыслы идеальны или темпоральны. Какое здесь стоит «или» – исключающее или не исключающее?

Наша гипотеза состоит в том, что смыслы имеют исключительно темпоральное бытие. Не бывает идеальных смыслов. Смыслы рождаются во времени и исчезают во времени, порой даже раньше, чем они оказались осознанными. Эта особенность смыслов делает их трудно уловимыми, и в чём-то соизмеримыми с тайной самого протекающего времени. Разумеется, сказанное нуждается в обосновании, которое автор надеется представить в соответствующем тексте по итогам конференции.

Елена Беляева, Белорусский государственный университет
Мораль как борьба за смысл в «этике ответственности»

В классической этике неизменно считалось, что следование морали придает смысл человеческой жизни. Поскольку мораль – это совокупность ценностей, которые априори содержат смысл, постольку они могут придать его действиям и событиям. Между тем, современные способы бытования морали показывают, что номинальные моральные ценности подвержены девальвации и фальсификации, в словах о долге, совести, добре и смысле жизни не оказывается никакого смысла, речь о морали не образует морального дискурса.

Под «этикой ответственности» понимается тип теории морали, который сложился на протяжении XX века и поставил в центр системы этических категорий понятие ответственности, связав его со специфической онтологией морального субъекта, способ бытия которого является одновременно способом производства морального смысла (Ж.-П. Сартр, М. Бахтин, Э. Левинас, М. Мамардашвили, Г. Йонас, Ю. Хабермас, Ж.-Л. Нанси, П. Рикёр).

«Этика ответственности» исходит из того, что специфика морали состоит не в ее ценностном содержании (как полагала «этика блага») и не в ее нормативной форме (как полагала этика долга), а в её смысле. Мораль – это особый механизм смыслообразования, с помощью которого человек производит индивидуальный, конкретный, процессуальный смысл. То, что делает жизнь человечески осмысленной, и есть мораль.

На основании определения из «Новой философской энциклопедии» («смысл – внеположенная сущность феномена, оправдывающая его существование, связывая его с более широким пластом реальности») можно выделить три ключевых момента, взаимодействия понятий «смысл» и «мораль». Во-первых, для наличия смысла необходимо установление связей между двумя слоями: феноменом человеческой жизни и её сущностью – моралью. Во-вторых, мораль предстает как поиск смысла за гранью видимой бессмыслицы. В-третьих, слово «оправдание», задает аксиологический контекст, в котором раскрываемые смыслы имеют ценность, значимость для субъекта. Моральный смысл – это внеположенная сущность феномена человеческой жизни, которая оправдывает его существование за счет связи бытия морального субъекта с более широким пластом реальности, за счет преодоления эгоизма и закрытости, за счет установления связи с Другим и миром.

Мария Вовк, Челябинский государственный университет
Опыт экзистенции: затронутость миром и пребывание в открытости

Мгновение полноценно, если оно приобщено к вечности, если оно есть выход из времени (Н. Бердяев «Самопознание»).

Доклад представляет собой попытку осмыслить феномен открытого экзистенциального столкновения с миром в его непрерывном течении через единственно существующий момент, который открывает выход к созерцанию вечности.

Вечную открытость экзистенции фиксируют в своих произведениях многие авторы, такие как С. Кьеркегор, Л.Н. Толстой, М. Достоевский, М. Хайдеггер, К. Ясперс, Ж.-П. Сартр, А. Камю, Н. Бердяев, М. Бубер, Г. Марсель, М. Шелер, А. Лэнгле и др.

Проблема экзистенциального переживания мира является как никогда актуальной для современной экзистенциальной психологии и философии. Она поднимает такие личные человеческие вопросы, как «Что есть для меня подлинная жизнь?», «Каков я на самом деле?», «Как мне вынести жизнь в её целостности?», «Как мне справиться с неопределенностью?», «Как мне исполнить жизнь в соответствии с тем, кто я есть?». Современный человек Запада всё больше утрачивает связь со своей аутентичностью, свободой самоосуществления и пребывает в отчужденности (Э. Фромм).

Для М. Хайдеггера экзистенция представляет собой подлинное, аутентичное бытие-в-мире или такое человеческое состояние открытого восприятия мира, при котором истина бытия способна себя проявить. Одним из таких человеческих состояний является переживание тоски по вечному и идеальному, которое открывает человеку доступ к прямому диалогу с бытием. Так для Хайдеггера экзистенция – это зов совести бытия, попытка мира выхватить человека из облепленной повседневной рутинной привычной ловушки, состоящей из любопытства, толков и двусмысленности.

Таким образом, экзистенция проявляет себя главным образом в спонтанном акте столкновения с миром, акте открытого пребывания в развернутом («разомкнутом» у М. Хайдеггера) мире. Экзистенция есть глубокая затронутость миром; захватывающее всю человеческую сущность пребывание в неизвестности, уязвимости и сопричастности большему; переживание ошеломленности и в то же самое время пребывание в ясности, краткости, четкости. Экзистенция есть обоюдное между человеком и миром обращение друг к другу в контексте вечности. Экзистенция есть ответ вечности, вырывающий человека из связавших его нитей повседневности и возвращающий его в вот-здесь-бытие (М. Хайдеггер)

Антон Гапанюк, Российский православный университет святого Иоанна Богослова,
Юрий Гапанюк, Московский государственный технический университет им. Баумана

The Metagraph Model for Describing the Sense of Factual Data

The Metagraph Model for Describing the Sense of Factual Data

The text sense is very important in the field of natural language understanding. The model we propose is focused only on factual texts from which factual data can be extracted in the form of concepts and relationships between them. As a basic model that underlies the description of sense, we propose the use of a metagraph model. The basic concept of a metagraph model is metavertex. The metavertex, in addition to the attributes, includes a fragment of the metagraph. The presence of private attributes and connections for a metavertex is a distinguishing feature of a metagraph. It makes the definition of metagraph holonic – a metavertex may include a number of lower-level elements and in turn, may be included in a number of higher-level elements. The first step towards constructing a model of sense of factual data is the construction of a multidimensional metagraph ontology. Such an ontology consists of separate axes (dimensions); each dimension is a tree of concepts. The main requirement for dimensions and concepts within dimensions is the requirement for their semantic disjointedness. Such an ontology can be built: on the basis of concepts extracted from a particular text; based on the concepts of any subject area; based on general categories such as those of Aristotle's essay "Categories", in which he discussed ten categories: substance, quantity, quality, relation, place, time, position, state, action, affection. The second step towards constructing a model of sense of factual data is to settle the ontology with facts and relationships between them. The use of a metagraph model to describe facts and relationships makes it possible to build a complex graph of descriptions, while all elements of this graph are tied to the dimensions of a multidimensional metagraph ontology. One of the dimensions of the ontology can be a temporal dimension, so the facts (events) ordered in time are described by this model in a natural way. If different sources are evaluated, then it is possible to understand whether their senses are comparable by comparing the coincidence of dimensions in their multidimensional ontologies. For semantic models built on coinciding dimensions, the following is possible. 1) Comparison of generality/detail of descriptions (the most detailed descriptions correspond to leaf concepts of dimensions). 2) Comparison of the sequence of facts (events) using a time dimension. 3) Comparison of senses of the same situation obtained from different sources.

Анастасия Гулеватая, Южно-Уральский государственный университет, Челябинск
Самобытие и смыслообразование в цифровом пространстве: «распутывание» виртуального экзистенциального опыта

Виртуальное пространство становится новым экзистенциальным измерением человека [6], т.е. тем пространством, где человек, существуя, детерминирует сам себя. «Восхождение к экзистенциальному миропониманию» (Д.А.Леонтьев), «экзистенциальный сдвиг» (Н.А.Касавина) касаются и цифровой реальности, актуализируют проблему смысложизненных ценностей существования человека в виртуальном пространстве. Экзистенциальный опыт как совокупность «смыслов неких уникальных жизненных событий и обстоятельств, случившихся с человеком и раскрывших свои значения только ему» [2] качественно различается в доцифровую и цифровую эпохи «центрами событийности» [5, с. 23]. Для того, чтобы зафиксировать и, если возможно, классифицировать опыт самобытия человека в цифровом пространстве, необходимо внести ясность в хаотическое многообразие состояний и проявлений эмпирического индивида в цифровой среде, «распутать экзистенциальный опыт» [3], который рождается в момент контакта субъекта с виртуальным миром. Раскрыть суть экзистенциального опыта в цифре – значит обнаружить данности существования в этом пространстве и увидеть, как эти данности могут вместить творческие, смыслообразующие формы отношения человека к этому миру [1]. Таким образом, чтобы прояснить самобытие человека в цифровом пространстве, необходимо понять, какова специфика смыслообразования в этом пространстве. «Распутывание» опыта субъекта, экзистирующего в цифровом измерении, смыслопоиск, который позволит получить «результаты соотнесения того, что мы считаем нашей жизнью, с тем, что мы обнаруживаем в мире» [3, с. 107] позволит прояснить самобытие человека в цифре.

Литература

1. Знаков В.В., Касавина Н.А., Синеокая О.В. Экзистенциальный опыт: таинство и проблема // Философский журнал 2018. Т. 11. № 2. С. 123–137
2. Знаков В.В. Непостижимое и тайна как атрибуты экзистенциального опыта // Психологические исследования. 2013. Т. 6, № 31.
3. Касавина Н.А. Экзистенциальный опыт в философии и социально-гуманитарных науках: Монография. М., 2015. 189 с.
4. Леонтьев Д.А. Смыслообразование и его контексты: жизнь, структура, культура, опыт. [Электронный ресурс] URL: <https://publications.hse.ru/pubs/share/folder/zjs5aw9lhp/135774316.pdf>
5. Смирнов С.А. Человек и цифра: история соблазна // Вестник Челябинского государственного университета. 2021. No 8 (454). Философские науки. Вып. 61. С. 22—29.
6. Gálik, S., & Tolnaiová, S. G. (2019). Cyberspace as a New Existential Dimension of Man. In E. Abu-Taieh, A. E. Mouatasim, & I. H. A. Hadid (Eds.), *Cyberspace*. IntechOpen. <https://doi.org/10.5772/intechopen.88156>

Ekin Erkan, CUNY Graduate Center, New York, USA
The metaphysics of inferentially-given sensory objects

What is the representational relation between those objects of sense-data that we know immediately and those that causally affect us but which we know of only inferentially? This distinction is famously taken up by Kant in the first Critique and related critical texts, where he distinguishes between “inner sense” and “outer sense.” My paper is split into three sections: i) parses what exactly Kant’s metaphysical distinction between inner and outer sense amounts to, and the relation between the two; ii) considers a possible phenomenalist/radical subjectivist objection, drawing from Papineau’s recent work on sensory consciousness; iii) settles the debate by dovetailing the both theses. Albeit not directly poised contra Kant, though he takes Kant to be one of his many interlocutors, Papineau understands conscious sensory properties to be intrinsic qualitative properties of

subjects, such that it is not essential to sensory experiences that they relate subjects to objects or properties beyond themselves. Following the Kantian view, sensory experience of intentional items is inherently relational. According to the alternative “qualitative view” sensory experience is not relational. I show that we should prefer the latter view, according to which sensory experience is constituted by modifications of the conscious properties of subjects. That is, sensory experiences are simply qualitative conscious properties that do not relate their subjects to any further objects beyond themselves and are intrinsically self-revealing. Nevertheless, I also affirm that Kant had a valuable insight when it comes to adjudicating this debate: chiefly that what we are aware of when we introspect are properties of ourselves, i.e. conscious properties whose instantiations constitute sensory experience. That is, such sensory experience(s) do represent features of the external, inferentially world outside of immediate sense data. Contra Papineau, this is not an entirely contingent matter. The reason is because the representational relationship is derived from the way they objects of sensory consciousness are environmentally embedded. That relationship between that embedding is what is valuable in Kant’s distinction between “inner” and “outer sense”.

Наталья Зайцева, МГУ

Когнитивное измерение смысла. Эмоции в смыслообразующих актах

Важно различать как минимум два аспекта рассмотрения смысла – семантический и когнитивный. Семантический аспект смысла широко исследован в работах по логической семантике. Говоря о смысле как когнитивной характеристике, я буду иметь в виду смысловую характеристику когнитивных актов агентов, не обязательно человеческих. Смысл в этом случае следует трактовать прагматически – как «значение для агента». Применительно к человеку оправдано говорить о личностных смыслах. Символический подход не позволяет репрезентировать когнитивные процессы, смыслообразующие акты, которые любой агент совершает постоянно. Когнитивный подход напротив требует исследования природы смысла, включая его биологические, психологические, нейро-физиологические основания. Феноменологический подход опирается на идею о том, что наш феноменальный опыт реализуется благодаря функционированию когнитивных темпоральных процессов. Идеальное в феноменологии рассматривается как коррелят реального. Хорошо известно влияние, которое Brentano оказал на основателя феноменологии Гуссерля, в первую очередь, в том, что касается понятия интенциональности и интенционального акта. Выделение Гуссерлем качества как существенной характеристики акта означивания наглядно демонстрирует, как близко он подошел к пониманию смысла как прагма-семантического единства, в котором психологический субъект акта отнюдь не нивелируется. Рассматривая качественную характеристику актов восклицания, вопрошания, утверждения, Гуссерль фактически включил субъективную эмоциональную составляющую в идеальное содержание акта, что обуславливает более широкую, многоуровневую трактовку смысла. Последнее обеспечивает не только понимание значения самого по себе, например, пропозиции в случае высказывания, но и значения для агента, которое может быть выражено через пропозициональную установку. Высокий эпистемологический статус эмоций сегодня многократно подтвержден экспериментально в нейрокогнитивных исследованиях. В выступлении обосновывается утверждение о принадлежности эмоций глубинным, древним смыслообразующим структурам, генеративным a priori, которые фундируют когнитивные акты самого разного уровня. Эмоциональная типизация мира лежит в самом фундаменте поведения агентов и принятия решений, обуславливая, в том числе, и продуктивность аргументации.

Петр Корень, ВШЭ, Москва

Солиловия Символа. Радикальная феноменология тела символа: субъективность/объективность и ощущения в его телесном образе и телесной схеме.

Каков минимальный размер знаковости и минимальная последовательность «кода» могущие стать символом, как и каковы эти минимальные пороги в лингвистических (знаковых, вербальных, текст, речь, голос) и нелингвистических семиотических системах – рисунок, живопись, скульптура, танец, музыка, (поэзис, внутренний голос, когнитивные процессы – внутренняя семиотика, 'семиотика in vivo'); каков статус этого новорожденного-новосозданного или минимально возможной автономности символа – и статус, как знаково-измеряемый (измеряемость как таковая) так и вне или за-знаковый неявный (неумопостижимый или за-знаково-соизмеряемый). И конечно же далее следуя логике усложнения: онтология символа – символ это самодостаточная семиотическая, культуральная самость? его субъектность/объектность, эписимволика-эписимвол её локальности и локусы, становится ли он автономным актором, литерой некоего символьного металфавита и тагмой металогоса, и витальное для меня – это его архе-тектонический структурный генезис – требуется ли символам постоянно расти чтобы не умирать, увеличиваться, сливаться, захватывать в свое тело, в свой семически-культуральный-коммуникативный корпус новые сущности, тела, фрагменты и дискретные единицы ли разных кодов, если да – то это экспансия, мутация или инфляция, старение стрирание исчезновение или эволюционирование?; и как итог: есть ли у символа верхний предел размерности, каков он, варианты его достижения и удержания – каков динамический статус этого экстремума: распад, смерть, коллапс и их динамика, стазис, бодрствование в своем эпогее? Что происходит с символами при слиянии, столкновении, булевы операции, или это не дискретная символическая алгебра/не дискретная, а символическая алгебра?

В рамках доклада хотелось бы сконцентрироваться на включающей в себя, все выше перечисленные модальности и модусы, сложной проблематике перехода одного символа, одной длины, из одного символьного метаязыка, статуса и размерности символ и символьной размерности в другой в другую, совершая «омниперевод» символа – а заостряя проблему еще точнее и специальное – то как писать или как переводить символы к примеру фотографического языка и голоса, или символы пластических искусств в символьную магию и искусство текста (или наоборот из – в обратно), и не в одномерное «дословное» поверхностное, схлопывающее все символьные объёмности, квазиописание; проблематика благородной и не обедняемой трансмутации и трансгрессии в метадисциплинарных измерениях символа. Как переводить «традукционно» авторский голос его сингулярные и индивидуальные символьности, как особые полилогические сгустки произведения, текста, символьность Роберта Мапплеторпа, Эгона Шиле, Филиппа Гласса, Кете Колвиц, Чака Клоуза и Гаспара Ноэ хотя бы текстуально, неумопостижимо, поэтически и сложносистемно, изоморфно и гетерогенно, троянское оставляя троянским, фигурное фигуральным, пластичное кипучим. В рамках не проблемы и философии переводимости-непереводимости, а скорее в рамках самой возможности метабиологического символического скрещивания, *modus'a vivendi* символа и символьности различной коммуникативности/мерности, симбиотического телеодинамического со-действия, со-единения, *complexity coupling/coupling of complexities*. Поиск и выявление критериев того что есть насыщенный символ.

Natasha Lushetich, University of Dundee, UK

How to Think Distributed Perception

'Distributed perception' is often understood as referring to a taxonomic class or multiple computing locales used to process local stimuli in robotics. However, 'distributed' also means that perception, understood as active sense-making, is diachronically entangled across species and energy-matter,

rooted in perceptibilities, and Umwelt-specific. Deleuze uses the word 'visibilités' to indicate that visual perception isn't just a physiological given but rather cues operations productive of new assemblages and enunciations (Deleuze 1983). Perceptibilities are, by analogy, spatio-temporal, geolocate, aural, visual, tactile, etc., operations that are both inscription and memory as well as, in the case of strong inscriptions, epigenetic events. The key question is how to think the interpenetration of organismic and machinic systems and processes, in concrete and in theoretical terms; and how to grasp other-than-human spatio-temporalities, inter-technical relations, device-based perception, and the role of contingency and repetition in the formation of cross-species relations. Bringing together Viveiros de Castro's multinaturalism (2015); cosmotechnics (Hui 2017); and machinic interoception (Ernst 2018), this paper thinks distributed perception across three phenomena: 1. Entanglement, which addresses other-than-human multiplicity through encoding or superposition, and analyses how 'patterns of differencing' modulate the discordant simultaneity of living and machinic Umwelts (Barad 2007); 2. Plasticity, which addresses the modification of flows and intensities and asks how a body or structure accommodates new perceptions while maintaining homeostatic stability; and 3. Organology, which addresses the synthetic continuation of life through the production of new tools and technologies, integrating cross-scale interspecies rhythms and inscriptions. Together, the three analyses ponder the structuring of animal-human-machinic perceptibilities and their becoming-technique, matrix, and/or technology, and reflect on interspecies micro-perceptions that lie beneath the threshold of known perceptions, yet create spatio-temporal, geolocate and energetic inscriptions

Paul Medeiros, Salve Regina University, Newport, USA
Intellectual virtue and environmentalism

From ancient and medieval tradition, we in the 21st Century inherit dry concepts of intellectual virtues, all of which need to be watered, kneaded, and fermented in order to be brought to life. Among these virtues is only nous, translated into medieval Latin as sapientia and into North American English as sense or as understanding. For Aquinas as for Aristotle, nous is the intellectual virtue empowering my immediate grasp of necessary truths, and Aquinas also asserts the virtue is one of the few natural virtues, i.e., nous forms in me consequent to ordinary, cognitive activity. In short, all humanity possesses nous, and given nous empowers my grasp of principles nous must serve as the inlet of knowledge for Aquinas as for Aristotle.

Let us treat what authority has dry stored for us with the philosophy infused and inoculated with life, i.e., environmental philosophy committed to examining assumptions about nature. In North America, environmental philosophers like A. Weston, author of *Back to Earth* (1994), argue for the importance and recovery of what they also call sense. Invigorating arguments today are themselves indebted to 19th Century's *Walden* by H. Thoreau. In *Walden*, Thoreau offers celebrated descriptions of the immediate grasp of qualities, natural phenomena, and text. For Thoreau as for Weston, the recovery of sense is a key ingredient in any flourishing, human life.

I show the virtue Weston and Thoreau invoke with terms like contact, wakefulness, paying attention, alertness, and sense is the intellectual virtue identified by ancients and medievals as nous, I observe nous is among the natural virtues and yet according to environmental thinkers nous may be dulled by preoccupation or exaggerated by way of technology, and I form the environmentalist's insight the key contribution of nous is the immediate encounter with possibility, known to Thoreau as dawn.

- Смысл – форма значений (соответственно значения – это содержание смысла). Тогда:
1. Понятие смысла и значения изменяют свое значение в отношении разных элементов и уровней. В целом смысл устанавливается при обобщении, значение – при конкретизации. Применительно к диалогике это означает, во-первых, что смысл, устанавливаемый формулирующим обращением, выступает значением для отвечающего в том, какой смысл он обнаруживает в диалогической ситуации. Поскольку ответ содержит в себе обращение, его смысл аналогично становится значением для реакции на него. Во-вторых, смысл более конкретных уровней становится значением для более общих. Так смысл диалогической ситуации становится значением диалогического процесса; смысл диалогического процесса – значением того, что можно назвать диалогической консолидацией; смысл последней – значением для того, что можно назвать диалогическим кластером и т.д. В-третьих, смысл одной диалогической ситуации становится значением последующей, и это же имеет отношение ко всем выделяемым другим уровням Большого диалога.
 2. Смысл в целом перспективен (и тем самым открыт) и конститутивен (и тем самым креативен), а значение ретроспективно (и тем самым закрыто) и регулятивно (и тем самым традиционно), хотя локально смыслу может придаваться значение ретроспективно-регулятивное, а значение может осмысливаться как перспективно-конститутивное. Для диалогии это означает, что смысл в диалоге не устанавливается ни как механическая агрегация значений высказываний его участников, ни как победа одного из высказываний в борьбе за установление смысла. Смысл определяется динамической композицией диалога, никогда полностью не предзаданной и не стабильной. Это ограничивает использование в диалогике принципов гегелевской диалектики, однако согласуется с некоторыми ее неклассическими ее трактовками. Также бахтинская метафора полифонии может использоваться, если не допускать ее формализации в виде строгой нормы.

Философия может ставить вопрос об общем смысле, но этот вопрос крайне нечеткий, так как не ясно, что конкретно суть значения для такого смысла. В диалогической философии утверждается некоторая направленность на такой общий смысл, но она имеет характер интуиции обнаружения значений. Диалогическая философия в постановке вопроса об общем смысле сближается с религией, поскольку образ диалога с Абсолютным Другим задает более определенное представление об общем смысле. В то же время диалогическая философия, оставаясь таковой (не превращаясь в религию) подразумевает самоограничение в этом сближении и вообще критику всякой попытки установления общего смысла.

Олег Мухутдинов, Уральский федеральный университет, Екатеринбург
Феноменология и логика. Исследования по теории возникновения смысла и значения онтологических предикатов.

Возникновение идеи феноменологии и феноменологической философии связано с публикацией в 1900/01 г. "Логических исследований" Гуссерля. В "Логических исследованиях" идея феноменологической философии формулируется как теория возникновения смысла и значения выражений. Целью такой теории является достижение аподиктической очевидности в отношении описания актов, лежащих в основании образования смысла основных понятий, определяющих горизонты некоей конкретной предметной области исследования, а также возникающих из этих понятий основоположений ("аксиом") указанной области. Иными словами: теория образования смысла является основанием возможности конкретных региональных онтологий, т.е. систем фундаментальных принципов позитивных наук. Поскольку

региональные онтологии строятся на представлении о различии способов бытия отдельных предметных областей (способ бытия математических объектов отличается от способа бытия явлений природы в их естественном существовании и от способа бытия исторических феноменов), постольку система категориальных определений предмета познания также оказывается различной. Феномен бытия в "Логических исследованиях" Гуссерля рассматривается как категориальный объект. Категориальный объект является объектом категориального созерцания. В Шестом исследовании Гуссерль формулирует принципиальное положение, согласно которому условия возможности категориального созерцания одновременно являются условиями возможности объектов категориального созерцания. Эти условия возможности связаны с конститутивными актами образования смысла. Выявление таких условий возможности становится принципиальной задачей феноменологической дескрипции. Шестое логическое исследования оказало значительное влияние на становление и развитие идеи фундаментальной онтологии Хайдеггера. Выявление принципов образования смысла конституирующих фундаментальную онтологию экзистенциальных предикатов позволяет пролить свет на основные проблемы исследования феномена бытия.

Андрей Пономарёв, СПб государственный электротехнический университет

Когнитивное проникновение в восприятие и неконцептуальное содержание переживаний

Доклад посвящён анализу связи когнитивного проникновения в восприятие и неконцептуального содержания. Дискуссия о неконцептуальном содержании переживаний является важной и для понимания решения эпистемологических проблем восприятия, в частности для определения эпистемологического статуса переживаний. Переживания с высоким эпистемологическим статусом могут служить основанием для убеждений. Традиционно считается, что только независимые переживания обладают высоким эпистемологическим статусом, и когнитивное проникновение в восприятие понижает эпистемологический статус переживаний. Существует представление о том, что для когнитивного проникновения в восприятие необходимо, чтобы переживания имели концептуальное содержание. Кроме того, существует ряд экспериментов, показывающих, что т.н. раннее зрение не подвергается когнитивному проникновению, что может свидетельствовать о неконцептуальном содержании переживаний.

К данной позиции можно сформулировать два возражения. Согласно первому, когнитивное проникновение возможно не только в случае концептуального содержания переживаний, но и в случае неконцептуального. Основная критика направлена на утверждение, согласно которому для полноценного когнитивного проникновения необходимо сходство между содержанием переживания и влияющего на него когнитивного состояния. Если переживание имеет неконцептуальное содержание, а убеждение или желание имеет концептуальное содержание, то полноценное проникновение невозможно. Данное условие не выглядит столь очевидным, поэтому когнитивное проникновение в восприятие совместимо с неконцептуальным содержанием переживаний.

Второе возражение состоит в том, что непроницаемость раннего зрения не является гарантией от изменения эпистемологического статуса. Само разделение зрения на раннее и позднее не влияет на эпистемологический статус. Даже если когнитивное проникновение происходит не на раннем, а на позднем этапе обработки зрительной информации, это всё равно приводит к понижению эпистемологического статуса переживаний.

В докладе будет показано, что обсуждаемый подход способен преодолеть возражения и поэтому может считаться одним из основных подходов к пониманию связи неконцептуального содержания переживаний и когнитивного проникновения.

Смысл предполагает сочетание значения и опыта. С одной стороны, смысл может быть изложен дискурсивно, его можно понимать, объяснять (или же, напротив, не понимать) и т.п., с другой стороны, смысл есть то, что воодушевляет человека, раскрывает определенный опыт. В информационную эпоху жизненный мир человека оказался как никогда насыщен информацией. Означает ли это, что в современной жизни стало больше смысла? Или, напротив, следует говорить о том, что информация подменяет собой смысл и блокирует его? Наконец, не изменяется ли сам смысл смысла и опыта в информационную эпоху? Чтобы попытаться ответить на эти вопросы, следует рассмотреть конкретные образцы воплощения смысла, с которыми можно сравнить информацию. В сомаэстетике Р. Шустермана, а также в близких ей исследованиях М. Джонсона в качестве модельных образцов смысла, воплощающих взаимодействие значения и опыта, рассматриваются произведения искусства. Возможность такого взаимодействия в искусстве обосновывается Шустерманом и Джонсоном через указание на то, что, помимо дискурсивного, герменевтического уровня смысла существуют также «преддискурсивные» его слои, уходящие корнями в телесный опыт человека. К ним относятся модификации движения и скорости, изменения во времени и т.п., непосредственно производимые искусством и вступающие в резонанс с человеческим телом, в связи с чем искусство не просто обозначает нечто, но и провоцирует реальный опыт. В информации подобного сочетания значения и опыта мы не обнаруживаем. Информация только обозначает, указывает на возможности опыта (которые, за редкими исключениями, так и остаются нераскрытыми). Неудивительно, что отношение человека к информации тяготеет к информационному потреблению и информационной зависимости – такова плата за погружение в содержания, лишённые материального субстрата. Более того, это отношение само становится парадоксальной модификацией «опыта», закрепляясь в соответствующих телесных привычках. Цифровизация произведений искусства (например, перевод полотен, соразмерных человеческому телу, в компактные и унифицированные изображения на экране), изымая из них естественные для прежних способов бытия-в-мире преддискурсивные содержания, подрывает весь заложенный в них смысловой баланс. С другой стороны, именно искусство оказывается тем, что способно противостоять редуцированному «информационному опыту» и что следует, согласно сомаэстетике, культивировать в современном мире

Варвара Самохвалова, Всероссийская академия внешней торговли, Москва.

Экзистенциалистский проект: невозможность трансляции смысла.

Сто лет назад неопозитивистская программа обоснованности научного знания провозгласила отказ от постановки в рамках науки мировоззренческих вопросов, объявив их «бесмысленными». Конструирование картины мира, целиком основывающейся на совокупности научных фактов, не предполагало рассмотрения метафизических вопросов. Тема отношения бытия и мышления оказалась нерелевантной научной повестке дня. Вопрос о «бытии» был объявлен лишённым смысла. Восстанавливает в правах проблему бытия (и мышления) и возвращается тем самым к метафизике экзистенциализм. В ракурсе экзистенциалистского подхода, например М. Хайдеггера, проблема бытия трансформируется в проблему смысла вопросов о бытии. Это означает, в частности, перевод основного акцента метафизической проблематики с объекта (трансцендентного по отношению к сознанию субъекта) собственно на субъекта – поскольку только субъект и является генератором смыслов. Таким образом, основным предметом аналитического интереса философии экзистенциализма – при всей многоаспектности трактовок – выступает индивидуальное бытие человека. Поэтому выявление смысла понятия

бытия теперь начинается с исследования формальной структуры вопроса о бытии в его тотальной соотнесенности с вопрошающим, индивидуальным субъектом.

При этом авторы экзистенциальной традиции в философии стремятся, насколько это вообще возможно, сознательно избегать интерсубъективной, обезличенной терминологии, чтобы самими средствами выражения подчеркнуть значимость именно личностного, вопрошающего взгляда. Кажется, что именно стремлением донести до «других» сложные нюансы личностных, собственных переживаний можно объяснить практически «поэтическое языкотворчество» в трудах экзистенциалистов, насыщенную метафоричность их стиля, использование множества намеков, порождающих неоднозначность и резкую контекстуальность значений. Однако парадокс заключается в том, что исходя из собственной базовой установки экзистенциализма на уникальность бытия индивидуального человеческого субъекта, цель адекватной передачи личностной позиции автора выглядит априори недостижимой. Самое большее на что при таком положении дел может претендовать автор экзистенциального текста это представить адекватное интерсубъективное бытие смысла в языке «несчастливым случаем», вырождением личностной идентичности в отчужденное «безличное» бытие.

Илья Селезнев, Волгоградский государственный университет, Волгоградский государственный медицинский университет

Обладание смыслом vs захваченность смыслом: к экзистенциальной проблематике смыслообразования

С точки зрения экзистенциальной феноменологии, смысл маркирует освоенное присутствием (*dasein*) сущее. Бессмысленность чего-либо в экзистенциальной перспективе значит нечеловеческоразмерность сущего и невозможность вследствие этого его фактически освоить (например, стихийные природные бедствия). Однако и наоборот, всякое человеческоразмерное окружающее сущее обычно освоено в модусе повседневного бытия. Тем не менее, эта освоенность окружающего мира, о которой в связи с темой смысла пишет, в частности, Мартин Хайдеггер в "Бытии и времени", не раскрывает еще характер этого освоения.

В антропоцентрической логике философии Нового времени можно было бы утверждать, что сам человек, порождая смысл, овладевает им. Из феноменологических исследований Жан-Поль Сартра известно, что владеть значит выступать основанием по отношению к тому, чем владеют. Обладание смыслом, таким образом, значило бы, что человек и подконтрольное ему мышление выступает основанием бытия того или иного смысла. Смысл целиком зависит от человека. Именно такое антропоцентрическое истолкование смыслообразования сделало возможным масштабные манипуляции значениями и, как следствие, смыслами в XIX и особенно в XX веке в известных идеологических и пропагандистских практиках. В современных формах информационных войн можно наблюдать продолжение этой традиции, получившей теперь высокотехнологическую оснастку.

Однако, как заметил в своем курсе лекций о собственности Владимир Бибихин, захват человеком мира всегда покоится на первичной захваченности миром. Захваченность сущим предшествует овладению и определяет его «объект». Когда мы говорим «я вижу в этом смысл» это значит, что мы распознаем в той или иной фактичности возможность достичь блага. Так, слова «видеть смысл в том, чтобы писать стихи» значат распознавать возможность достичь, например, гармонии или славы в практике стихосложения. Однако благо не познается «холодным рассудком». В диалогах «Алкивиад» и, в особенности, «Пир» Платон описывает эротико-гносеологический способ познания, необходимый для того, чтобы постичь идею блага.

Иными словами, познание блага, а значит и размыкание смысла, происходит по способу захваченности «субъекта» познания. Именно знание блага, по Платону, делает возможным и познание себя (например, гармонии для музыканта или справедливости для политика). Так,

человек оказывается зависим от смысла, который выступает основанием его фактического бытия в мире.

Елена Тимощук, РАНХиГС, Москва

Ruci Tyagi, University of Petroleum & Energy, Visakhapatnam, India

А.-Т. Тымieniecka: The Phenomenology of Meaning

In connection with the forthcoming anniversary of the Polish-American phenomenologist the formation of her creative way which absorbed influence of aesthetics, philosophy of life, phenomenology, analytical philosophy is discussed. The paper compares the phenomenological concept of Tymieniecka to contemporary cinema as an isomorphic system reflecting reality. Tymieniecka phenomenological constructivism creates a platform for the analysis of the very processual art form that is cinema, and, conversely, kinestheticism is used as a correlate of understanding her work. Anna-Thérèse has taken on an unprecedented role as a phenomenologist of life, modernizing Husserlianism with themes of development, creativity, onto-poiesis, impulse and the balance of the logos of life. She treats the lifeworld as a human universe, and science and art act as engines of personal formation. Tymieniecka phenomenology allows us to feel involved in the dynamics of history, and her philosophy develops in response to the challenges of sociocultural problems. The limitations of classical philosophical approaches are not caused by one or two factors, but by a conundrum of contradictions that are both complementary and opposed to one another. The struggle in which contemporary humanity is engaged is not limited to economic, political, religious rivalries, but also extends to the sphere of meanings. The attitudes of classical philosophy, which instilled confidence in the purposive rationality of life, are destroyed by the uncertainty, fragility, and anti-nomianism of the challenges of time. Synergetics, postmodernism, hermeneutics, analytical philosophy, pragmatism - each modern trend offers its own solution to conceptualize complexity. Tymieniecka gives processual impetus to phenomenology by introducing dynamic categories in response to the impulses of life. Promoting a constitutive understanding of phenomenology, Tymieniecka links time, the logos, the cosmos, and multiple forms of cultural expression. The contemporary world of life includes countless cultural expressions and different historical horizons; physics and metaphysics are interpenetrable in constitutive phenomenology. Phenomenology's epistemological discourse and its methodological transformations are permeated by a desire to be a relevant strand, to be present in multiple intellectual manifestations, to create a presence in different cultural domains.

СЕКЦИЯ: СЕМИОТИКА И СЕМАНТИКА ИСКУССТВА

Алена Ермоленко, Казанский федеральный университет

Прагматика кинозаголовочного комплекса художественных фильмов (на материале английского, немецкого и русского языков)

В филологической практике исследование уникальности организации пространства кинодискурса вызывает повышенный интерес языковедов, так как обращение к творчеству кино позволяет расширить и дополнить когнитивную парадигму современного кинодискурса. Важно отметить, что являясь единицей коммуникации, заголовок всегда обладает конкретным прагматическим потенциалом, направленным на воздействие потенциального зрителя. Актуальность данной работы обуславливается тем, что ввиду значительного количества выпускаемых зарубежных фильмов в российском прокате возникают трудности у переводчиков, так как недостаточное знакомство с сюжетом картины и нацеленность на кассовый успех

приводит к ряду многочисленных переводческих ошибок. Следовательно, появляется необходимость изучить знаковый статус кинозаглавий, а так же семантические группы наименований художественных фильмов и перевод их с английского, немецкого языков на русский. В основе исследования положен метод сопоставительного и описательного анализа кинозаголовков и анализ семантических групп наименований художественных фильмов.

На сегодняшний день кинозаголовки уже становились объектом лингвистического исследования таких ученых, как: Е.В. Кныш (1992), Ю.Н. Подымова (2006), V. Leonardi (2011), N. Julier (2012), В.Е. Горшкова (2014), О.И. Александрова, У.А. Николаева (2016), Е.Г. Хачатрян (2017). Д. Иванова (2018), В.Е. Анисимов, А.С. Борисова, Г.Р. Консон (2019), С. Nicolae (2020), L.G. Campell (2021), А.П. Иванова, О.В. Лаврова (2021). При этом изучение перевода кинозаглавий и разнообразие семантических групп наименований художественных фильмов исследуется сравнительно мало.

В данной работе было выявлено, что особенностью языка, рассматриваемого в работе кинодискурса, является его способность к самоорганизации элементов, которые составляют семантическое и языковое единство анализируемых кинозаглавий. Перевод художественных кинозаглавий – это профессионализм, который должен быть присущ переводчику, тонкое мастерство передачи главной идеи автора рецепиентной культуры.

Практическая значимость данного исследования и полученные результаты могут найти применение в научно-исследовательской деятельности для последующего формирования теоретических проблем передачи семантики кинозаголовков на материале других языков.

Татьяна Ерохина, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского

Семиотика визуального в советской культуре

Роль визуального в современной культуре сложно переоценить. Исследователи отмечают в качестве отличительной черты современности – «визуальный поворот», для которого характерно не только доминирование визуального как средства и нового пространства коммуникации, но и создание герменевтики визуального, основы которой мы обнаруживаем в работах Р. Барта, В. Берджина, Ж. Делёза, Ю. Димаша, М. Мерло-Понти, С. Сонтаг и др. Визуальное становится историко-культурным феноменом, обладающим интерпретационным потенциалом и репрезентирующим культурные коды и символы определенной эпохи. В советской культуре визуальное приобретает онтологический характер, обусловленный необходимостью формирования советского идеологического и эстетического канона. В этой связи обращение в семиотике визуального (визуальной антропологии, визуальным формам культуры) включает в себя несколько аспектов, связанных с формированием советской мифосистемы, определяющей антропогонию и социогонию советского общества, формами репрезентации констант советской культуры посредством визуализации символов и знаков в художественных, социокультурных и повседневных практиках. В представленном исследовании семиотика визуального в советской культуре рассматривается в контексте советского плаката, феномен которого заключается в конструировании визуального образа базовых понятий советской идеологии. Советский плакат приобретает символические функции, связанные с синтетическим характером его бытования в культуре: как вида графики, средства информации, пропаганды и агитации, художественного текста. Анализируется семиотическая составляющая советского плаката на тематическом, символическом и эстетическом уровнях. Рассмотрена эволюция советского плаката, обусловленная социокультурным контекстом развития СССР, определен мифологический дискурс плаката, отмечен парадоксальный характер феномена советского плаката. Внимание уделяется трансформации символической образности советского плаката и формам его репрезентации в современной культуре. Советский плакат стал синтетическим феноменом, объединяющим художественные, социокультурные и повседневные практики, репрезентирующим и отчасти конструирующим визуальный образ советской мифосистемы и

советского образа жизни. В современной культуре эстетика советского плаката выходит за рамки исторического контекста советской эпохи и обретает новые коннотации, связанные с трансформацией семиотики визуального (выполнено по гранту РФФИ № 20-68-46013 «Философско-антропологический анализ советского бытия. Предпосылки, динамика, влияние на современность»).

Татьяна Злотникова, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского

Смыслы и контексты советских творцов: юбилейная память 2022

Юбилейный мир 2022 года, во-первых, имеет существенную доминанту: 100-летие образования СССР. Юбилейный горизонт 2022 года имеет значимую для отечественной культурно-антропологической и художественно-эстетической жизни персональную доминанту: юбилей людей, родившихся в годы, исчисление которых кратно 5 и – в основном – уже покинувших этот мир. В статье названы десятки творцов. Среди «юбиляров» 2022 года – и люди, нейтрально, по крайней мере, в формальном плане, прошедшие по жизни в советское время; и те, кто откровенно противостоял современному социально-политическому устройству; и те, кто восхвалял либо (чаще) в определенной мере позитивно соотносился с советской действительностью. Выбор персон имеет авторский характер, возможно, другие авторы остановились бы на иных судьбах. Единственное, что не может вызвать сомнений, это – расположение людей в каждой из обозначенных групп: оно носит хронологический характер, от старших к младшим.

Изучение персональных и коллективных интенций советской эпохи востребовало несколько методологических позиций: философско-антропологическая методология (Х. Арндт, С. Бойм); социальная психология и психология художественного творчества; историко-биографический метод (Д. Быков, М. Чудакова, С. Шаргунов). К группе «нейтральных» персон отнесены поэты К. Чуковский и С. Маршак, прозаик и публицист К. Паустовский, актеры Э. Гарин и Е. Лебедев, поэт Ю. Левитанский, прозаики и драматурги В. Арро и А. Вампилов, прозаик А. Битов, композитор Р. Щедрин. В качестве «антисоветских» творцов представлены режиссер Ю. Любимов и писатель В. Аксенов. Советские (просоветские) творцы, в контексте статьи, – писатель В. Катаев, певец С. Лемешев, театральный и киноактер М. Ульянов, актер, режиссер и педагог О. Ефремов, поэт Р. Рождественский.

«Советские» юбиляры 2022 года – это люди талантливые и по-своему любившие не только жизнь в ее широком значении, но и страну, где они жили, природу, историю, людей. Отсутствие восторженных всплесков или, напротив, резко негативных интенций – это вопрос темперамента и жизненного опыта, творческого стиля и коммуникативной личностной специфики. Советские люди, современники и жители одной страны, все же были людьми разными и тем интересными. Достойными внимания и памяти о себе.

Владислава Куимова, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского

«Вечные темы» в постсоветском творчестве режиссера А. Сокурова

Экзистенциальная проблематика становления и низвержения человека как части мироздания является одной из основополагающих в работах российского режиссера А. Сокурова. Мы можем говорить о гуманизме как специфической философской доминанте, которой придерживается автор. Для Сокурова важен «голос человека», однако основная задача режиссера не возвеличить его, а показать хрупкость, слабость, возможность или невозможность противостоять состоянию энтропии.

Говоря о физическом состоянии — смерти и смерти как экзистенциальном феномене, — мы в первую очередь обращаем внимание на создававшуюся в советскую эпоху трилогию о поисках гармонии в мире, фильмы А. Сокурова «Круг второй» (1990 г.) — «Камень» (1992 г.) — «Тихие страницы» (1994 г.). Напротив, по нашему мнению, состояние хаоса максимально репрезентативно в созданной в постсоветский период тетралогии о власти: «Молох» (1999) — «Телец» (2000) — «Солнце» (2005) — «Фауст» (2011).

Нами будет проанализирована последняя по времени создания кинолента в силу ее парадоксальности. «Фауст» содержательно выбивается из заданной автором парадигмы: он основан на известном литературном произведении в противовес остальным картинам, посвященным социально-историческому дискурсу «реальный человек/власть». Вместо политики (что было актуально для И. Гете) в «Фаусте» Сокурова акцентируется жизнь духа. Это особенно важно подчеркнуть, поскольку фигура/феномен Фауста в его экзистенциальном смысле не была осмыслена в отечественной культуре (традиционные для российских литераторов и режиссеров персонажи — Дон Кихот и Гамлет).

В центре фильма Сокурова находится проблема жизни духа. Но, как и в случае с другими частями тетралогии, главный персонаж проходит экзистенциальное испытание — искушение выбором. При этом духовно детерминированные проблемы сочетаются с подчеркнуто натуралистической эстетикой, с максимальным физиологизмом представления человеческого тела. Доктор Фауст постоянно голоден. Это одновременно физическая потребность, и метафора бытийного, смыслового голода. «Фауст» Сокурова дистанцирован от «Фауста» Гете, но не на уровне сюжета, а трансформации образов. Как отмечает В. Колчанов, режиссер редуцирует поэтический миф, избавляет его от магической атмосферы вечности и максимально приближает к актуальным, прагматическим проблемам нынешнего века. Речь о власти, предательстве, зависти и злобе, слабости духа и праве на решение в отношении чужой судьбы.

Кинофильм «Фауст» воплощает собой столкновение живого и неживого как вечных компонент человеческой души, которая, по Сокурову, никогда не сможет совершить выбор между альтернативными позициями. На то и существуют вечные темы.

Выполнено по Гранту РФ № 20-68-46013 «Философско-антропологический анализ советского бытия. Предпосылки, динамика, влияние на современность»

Наталья Чичерина, Санкт-Петербургский государственный политехнический университет
Новые смыслы визуальной грамотности в цифровом мире

Целью доклада является рассмотрение трансформации содержания визуальной грамотности в поколенческой перспективе от поколения бэйби бумеров до поколения Z, первого по-настоящему цифрового поколения, которое вербальным форматам коммуникации предпочитает визуальные форматы и общение с помощью поликодовых текстов.

Актуальность и необходимость развития визуальной грамотности как одного из ядерных элементов медиа грамотности в цифровом мире обосновывается рядом существенных характеристик процессов коммуникации в современном обществе, радикальным сдвигом от вербальности в сторону визуальности, который обозначается как «визуальный поворот» в современной медиа культуре. Современный человек живет в условиях «перепроизводства визуального», визуальные образы начинают играть доминирующую роль в повседневной коммуникации. Они особенно значимы в жизни поколения Z, которое родилось в визуально-насыщенной среде, в эпоху интернета, цифровых технологий и тачскринов, вследствие чего их коммуникация является визуально-опосредованной. Происходящие в процессах коммуникации изменения исследуются и анализируются в рамках относительно новой междисциплинарной области, получившей название «визуальные исследования». Результаты исследований в этой области показывают, что проблема «визуального поворота» в современной культуре заключается не только в количественном росте информации, представленной в визуальных

образах, а скорее, в качественных изменениях, связанных с их особой миссией в структурах социальности и превращением в *lingua franca* современной коммуникации.

В связи с этим возникает настоятельная потребность не только в актуализации содержания визуальной грамотности, но и в активной интеграции визуальной грамотности в образовательные программы, в прояснении особенностей «чтения», создания и распространения визуальных образов, причем эта задача актуальна для всех уровней системы образования, включая высшее. Как показывают результаты исследований, несмотря на распространенное мнение о том, что студенты университетов, проявляя высокую активность во взаимодействии с визуальными образами, обладают и высоким уровнем развития визуальной грамотности, это не соответствует действительности. Именно поэтому в образовательных программах высшего образования необходимы учебные дисциплины или разделы дисциплин, связанные с изучением различных аспектов визуальности.

Татьяна Шоломова, РГПУ им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург

Герменевтика фрагмента: [частичная] утрата смысла и проблема эстетического восприятия

Когда от произведения искусства по каким-то причинам остается лишь больший или меньший фрагмент и становится предметом эстетического любования — что в этот момент происходит? Насколько смысл воспринимаемого соотносится со смыслом задуманного, созданного — и доступного для эстетического восприятия еще некоторое время назад (особенно в эпоху «смерти автора»)?

Новое время открывает фрагмент произведения как феномен, наделенный самостоятельным эстетическим смыслом. Это заметно, как минимум, с «Бельведерского торса» И.Винкельмана. Историк античной трагедии М.Поленц утверждал, что «Прометей прикованный» снискал такую популярность лишь благодаря тому, что от трилогии сохранилась только средняя часть, где Прометей не признает своего поражения. Отношение к Венере Милосской («ты еще руки ей приделай») демонстрирует уже полную готовность рассматривать фрагмент как полноценное произведение, а возможное восстановление целостности — как покушение на эстетический смысл.

Чем ближе к современности, тем менее болезненным становится отношение к частичной утрате и, стало быть, первоначального смысла произведений: античная статуя философа (без головы) в Эрмитаже, воспетая писателем С.Носовым; «Тарквиний и Лукреция» Рубенса (осыпалось всего 15% красочного слоя, но это лицо Лукреции); разрезанная шредером на глазах у изумленной публики «Девочка с воздушным шаром» Бэнкси (по воле Бэнкси и разрезанная) — уничтожение одного смысла мгновенно родило другой, и бахрому прежней картины живет самостоятельной художественной жизнью под иным названием. Кульминация способности к эстетическому восприятию при полной утрате объекта представлена у С.Кржижановского в «Штемпеле» как «путешествие в страну нетов», когда в условиях советской действительности сохраняет смысл лишь то, чего больше нет: «Старый мраморный постамент... подписанный: Venus. Поверх постамента никакой Venus — осталась неотколотой лишь одна мраморная её ступня с нежным очерком пальцев. Это всё, что есть; но я, помню, долго стоял, созерцая то, чего нет». Эстетическим смыслом в данном случае наделяется не созерцание пустоты как таковой, а пустоты, образовавшейся вследствие утраты предмета эстетического созерцания; бытие исчезнувшего, которое, как известно, отличается от небытия не бывшего.

СЕКЦИЯ: СМЫСЛ И ЗНАЧЕНИЕ В ПРАКТИКАХ АРГУМЕНТАЦИИ

Александр Беликов, МГУ

Об условной несовместимости высказываний

Традиционный подход к экспликации логических отношений не позволяет ухватить всех аспектов отношений между сложными высказываниями. Эта проблема очень актуальна в контексте логической аргументации, поскольку в формулировках базовых аргументативных понятий, например, “опровержения”, предполагается использование стандартного подхода к пониманию отношения противоречия. В связи с этим возникает ряд естественных вопросов. Насколько адекватными являются предлагаемые формальные модели аргументации в тех случаях, когда мы начинаем уточнять внутреннюю структуру аргументов и тезисов? Что если они имеют форму, скажем, условных высказываний? Будет ли в такой ситуации традиционный подход к анализу логических отношений эффективен? Новые результаты в области логического анализа условной связи подталкивают к негативному ответу на последний вопрос. В этой работе защищается тезис о необходимости различия между тремя типами условной несовместимости высказываний: условное противоречие, условная противоположность и условная подпротивоположность. Я покажу, что каждое из этих трёх отношений может быть эксплицировано средствами трехзначной логики. Некоторые из обсуждаемых теорий уже известны в литературе. Что касается логики условной подпротивоположности, то именно она является центральным результатом работы

Ангелина Боброва, РГГУ; НИУ ВШЭ, Москва; СПбГУ

К решению проблем аппарата аргументативных схем

В теории аргументации аргументативные схемы превратились в ключевую единицу анализа. Под ними принято понимать структуры, отражающие стереотипные примеры наших рассуждений или аргументов (например, аргумент к авторитету). Их задачи заключаются в идентификации, реконструкции, оценке имеющихся аргументов и построении новых.

В отличие от логических схем рассуждений (*modus ponens*) в аргументативных схемах влиятельным оказывается и содержательный компонент, который задается через теорию речевых актов. Это дает возможность работать с такими понятиями как «обязательство» и «иллокутивная сила», уточняя тем самым природу условных посылок и перехода от посылок к заключению там, где сложно находить формальные решения. Оценка рассуждений задается через систему критических вопросов, которые проверяют приемлемость посылок, релевантность заключения, обоснованность перехода от посылок к заключению, границы применимости схемы и возможные исключения.

Аппарат аргументативных схем, однако, не лишен проблем: схем много, их тяжело охватить и систематизировать, схемы в одной классификации не всегда соответствуют схемам в другой классификации. Основная проблема же заключается в отсутствии единого обоснования принципов работы. В докладе оцениваются варианты решения озвученной проблемы и указывается направление для дальнейших исследований. Среди подходов выделяются подходы Вагеманса (Wagemans 2016), построившего периодическую схему аргументов (название отсылает к периодической системе Менделеева); Годду (Goddu 2021), призывающего систематизировать имплицитивные высказывания в аргументативных схемах, базируясь на теории речевых актов, а также Ю и Ценкера (Yu & Zenker 2020), которые предложили общий (для всех схем) список критических вопросов. Для этого исследователям пришлось выделить в аргументативных схемах объектный и мета-уровни работы.

Решение Ю и Ценкера выглядит перспективнее остальных, хотя универсальность общего списка вызывает вопросы. Похоже, возможности списка ограничиваются рассуждениями-

обоснованиями, которые по форме могут быть сведены к *modus ponens*. В других ситуациях его продуктивность не очевидна. Тем не менее общий список вопросов способен вывести работу аргументативных схем на новый уровень. Правда, для этого стоит придать вариативность универсальному на данный момент списка вопросов, выделив базовые типы связи между посылками и заключением.

Глеб Елагин, СПбГУ

Делиберации в социальных сетях: «яжемать»

Одной из главных, если не важнейших, частей логической культуры человека, выступает способность последовательного мышления и рассуждения. С помощью теории аргументации мы способны не только систематизировать, но выявить наиболее оптимальные способы применения этого знания в повседневной жизни. В современном мире – эпохе интернета и сетевых коммуникаций, на мой взгляд, наиболее обширное и прикладное поле для подобного рода исследований – делиберации на различных интернет площадках, как русскоязычных, так и иностранных.

Использование текстового формата ведения беседы, безусловно, накладывает обширный ряд ограничений на использование харизматических и прочих визуальных инструментов давления на оппонента. Однако, это является невероятным двигателем для обнаружения и применения новых, наиболее оптимальных и верных стратегии ведения словесной баталии в интернете. Оппоненты вынуждены скрываться под масками (фейками), эпатировать противника броскими и трендовыми высказываниями. Все это является необходимым, так как основной судья в интернет дуэли – аудитория. Именно она наблюдает и по итогу лайками или же комментариями поддерживает того или иного оратора. Об одной такой стратегии поведения при сетевой делиберации я и хотел бы рассказать, в сленге именуемой «ЯЖЕМАТЬ».

Наиболее распространенное использование данной стратегии можно наблюдать на различных торговых интернет-порталах, таких как «Авито» и «Юла». Используя приемы «ЯЖЕМАТЬ» и соответствующие им типы аргументов, покупатель претендует на особый статус, вынуждающий продавца сделать скидку или же предложить особые условия покупки. Наиболее частым является использование прямого аргумента *Ad hominem*, именно на нем мы и заострим наше внимание в контексте делибераций «ЯЖЕМАТЬ»

Татьяна Жмакина, Академия управления Республики Беларусь, Минск

Контекстуальные и институциональные особенности политической аргументации

Роль институционального политического контекста и его ядра политической аргументации в наши дни трудно переоценить, поскольку центральным вопросом современных дискуссий о природе теории аргументации является вопрос о мере ее контекстуальности.

В общей концепции аргументации Амстердамской школы [1] исследование макроконтекста типа коммуникативной деятельности обычно начинается с описания той области или сферы коммуникативной деятельности, к которой относится коммуникативная практика. Оно позволяет выявить определенные институциональные конвенции, используемые для реализации «институционального смысла» коммуникативной практики посредством определенного вида или жанра коммуникативной деятельности. При этом тип коммуникативной деятельности рассматривается как такая коммуникативная практика, конвенционализация которой направлена на достижение определенных коммуникативных задач, обусловленных институциональной необходимостью конкретной коммуникативной сферы [2, с. 139–145].

Очевидно, что способ, в соответствии с которым тип коммуникативной деятельности конвенционализуется в ходе реализации институционального смысла, может быть выражен открыто,

явно или эксплицитно и является формализованным, представленным в определенных нормативных и регулятивных актах. С другой стороны, конвенционализация может быть частично имплицитной и не такой формальной в силу использования менее жестких регулирующих норм, как, например, в ходе дискуссии-рассуждения в сфере политики. Наконец, конвенционализация может быть абсолютно неформальной, выражающей традиционную практику, как это происходит в общении в сфере межличностной коммуникации.

Следует согласиться с принятым в амстердамской общей концепции аргументации разграничением «первичных» институциональных контекстуальных условий, которые, как правило, официальные, обычно формализованы и зачастую прописаны процедурно, и «вторичных» институциональных контекстуальных условий, которые, как правило, неофициальные, обычно неформализованы и часто фактически существуют в форме повседневных норм и традиций общения.

Правовая и политическая институциональная особенность коммуникативной сферы политики, бесспорно, влияет на различные типы коммуникативной деятельности, поскольку они на поверку оказываются конвенционализированными в соответствии с запросами определенного институционального макроконтракста. В свою очередь жанр коммуникативной деятельности определяет то, каким образом тип коммуникативной деятельности реализует свой институциональный посыл или институциональный смысл, отражающий острую нормативную необходимость, в ответ на которую и возникает тип деятельности.

Список использованных источников:

1. Жмакина, Т. В. Концепция политической аргументации Амстердамской школы : дис. ... канд. полит. наук : 23.00.01 / Т. В. Жмакина. – Минск, 2021. – 176 л.
2. van Eemeren, F. H. Reasonableness and Effectiveness in Argumentative Discourse: Fifty Contributions to the Development of Pragma-Dialectics / F. H. van Eemeren [et al.]. – Switzerland : Springer International Publishing, 2015. – 904 p.

Дмитрий Зайцев, МГУ
К оценке аргументации

Аргументация представляет собой комплексный феномен, включающий компоненты разного рода. Соответственно и оценка аргументации предполагает использование системы неоднотипных параметров. Часть из этих параметров характеризует аргументацию с когнитивно-риторической стороны и едва ли подлежит строгой формализации. Скажем, если речь идет об убедительности аргументативного воздействия, соответствующая оценка, во-первых, оказывается бинарной (убедительно/неубедительно), а во-вторых, выражает в конечном итоге субъективное мнение адресата аргументации. Принципиально по-другому обстоит дело с оценкой дискурсивной составляющей аргументации.

При всей полифоничности взглядов на аргументацию, выражающейся в разнообразии определений, пожалуй, большинство исследователей, если не все, сходятся в том, что ключевую роль в аргументации играют рассуждения. При этом аргументативные рассуждения принципиально отличаются от формальных рассуждений, рассматриваемых в логической парадигме. В своем выступлении я остановлюсь на двух принципиальных особенностях аргументативных рассуждений. Во-первых, аргументативные рассуждения, истолкованные как множество переходов от посылок (доводов) к заключениям (тезисам) не совпадает с множеством логически корректных рассуждений. Точнее говоря, эти множества пересекаются. Во-вторых, следует отметить модифицируемость (немонотонность) аргументативных рассуждений как необходимое условие их потенциальной отменяемости в свете критики. Отмеченные особенности заставляют признать неадекватность традиционной оценки рассуждений как (дедуктивно-) корректных, основанной на сохранности истинности (приемлемости) при переходе от посылок к

заклучению, применительно к рассуждениям в аргументации. В выступлении будут предложены возможные варианты оценки аргументативных рассуждений с учетом указанных соображений.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФ, проект № 20-18-00158 «Формальная философия аргументации и комплексная методология поиска и отбора решений спора».

Глеб Карпов, СПбГУ

Достаточно ли у нас оснований для того, чтобы использовать аргумент к знанию?

Большинство аргументов, которые используются в реальных коммуникативных процессах, связанных с убеждением, являются презумптивными или отменяемыми. Считается, что их оценке предшествует узнавание — классификация предъявленного аргумента, определение его типа, а сама оценка осуществляется при помощи множества критических вопросов, состав которого задан типом презумптивного аргумента [Walton 2006]. Один из таких типов, аргумент к знанию, определяется с помощью квазиформального описания состава его посылок и заключения. Я показываю, что такого описания оказывается недостаточно для того, чтобы узнавать аргумент к знанию в большинстве реальных коммуникативных процессов, и что оно, следовательно, нуждается в существенной модификации с тем, чтобы приобрести практическое значение. Я предлагаю варианты описания состава посылок аргумента к знанию, которые избегают недостатков, присущих общепринятому описанию: так. наз. эпистемической и иллюкутивной слепоты.

Новые формулировки посылок требуют новой процедуры оценки — соответствующих им формулировок критических вопросов, тестирующих приемлемость этих посылок. Я утверждаю, что комплекс таких вопросов был разработан Джоном Остином в «Чужом сознании» уже 60 лет назад, но до сих пор оставался незамеченным специалистами в области теории аргументации [Остин 1946]. Остин предлагает оценивать аргумент, автор которого претендует на владение сведениями, с помощью упорядоченных наборов критических вопросов, которые, во-первых, позволяют различать характер эпистемической установки автора аргумента, а, во-вторых, — помогают, одновременно с этим, классифицировать аргумент. Благодаря этому удастся преодолеть недостаток процедур узнавания и оценки, который я обозначил как эпистемическая слепота.

Вопросно-ответные схемы Остина служат основанием перформативной онтологии типов схем аргументации, согласно которой они оформляются в процессе оценки аргумента, а не до нее, и сверх этого обладают динамическим характером, т. е. способностью перетекать друг в друга: так, например, предполагаемый аргумент к знанию в процессе диалога может стать аргументом к номинальной классификации или к знаку. Наконец, я выношу предположение, что иллюкутивная слепота общепринятых протоколов узнавания и оценки в отношении аргумента к знанию может быть преодолена за счет разработки перформативной интерпретации глагола «знать», основание которой также заложено Остином в «Чужом сознании».

Литература

Walton 2006 — Walton, D. *Fundamentals of Critical Argumentation*. Cambridge University Press, 2006. - 343 p.

Остин 1946 — Остин, Дж. *Чужое сознание*. Перев. М.А. Дмитриевской. В кн.: *Философия, логика, язык: Пер. с англ. и нем./Сост. и предисл. В.В. Петрова; Общ. ред. Д.П. Горского и В.В. Петрова*. - М.: Прогресс, 1987. - 336 с

Елена Лисанюк, СПбГУ

К вопросу об унифицированной репрезентации аргументации

Создание унифицированной репрезентации (представления) аргументации – центральная задача ее формального исследования, актуальная в трех аспектах. Наличие такой репрезентации подразумевает определение предмета аргументации, рода объектов или деятельности, к которым она относится, ее неотъемлемых признаков, а также открывает перспективу уточнения направлений формальных и неформальных исследований аргументации. Унифицированная репрезентация – это дескриптивный инструмент моделирования аргументации, отражающий эпистемологический взгляд на нее, который позволяет уточнить нормативные инструменты ее моделирования, имеющие важное значение для оценки аргументов, алгоритмизации поиска и отбора решений аргументативных споров, а также для цифровизации аргументации, в целом.

Задача создания унифицированной репрезентации аргументации в практическом плане была поставлена еще античными учеными, позднее попытки ее решить предпринимали философы разных эпох. В XX веке развитие лингвистики и теорий речевой коммуникации, теории игр, математической логики, а также программ искусственного интеллекта породило ряд более или менее удачных предметных платформ для этого, на основе которых были предложены логическая, риторическая, диалектическая (диалогическая), прагматическая, теоретико-игровая и информационно-технологическая репрезентации. Последнюю можно также называть аргументационной или логико-аргументационной. Каждая из этих (попыток) репрезентаций включает определение аргументации и ее дескриптивное представление в качестве описательного или нормативного инструмента, однако только первая и последняя подразумевают также и нормативные инструменты. При этом логическая репрезентация отождествляет дескриптивную и нормативную репрезентации, а аргументационная их разводит. В докладе систематизированы особенности этих платформ к репрезентации аргументации по следующим критериям: атомарная единица анализа, ее ключевые характеристики, правила генерирования молекулярных выражений из атомарных единиц, способы перехода от одних единиц анализа к другим, оценка (приемлемости) аргументов, решение спора. Дается обзор достоинств и ограничений репрезентаций в свете соотношения нормативного и дескриптивного инструментов. Главный вывод систематизации таков: совместить оба инструмента в единой репрезентации невозможно по ряду причин методологического характера, однако возможно их оба использовать, разделив сферы их применения. В частности, можно использовать репрезентацию в качестве исключительно описательного инструмента, и на ее основе генерировать отдельно нормативные инструменты, такие как оценка аргументов и поиск решений спора.

Иван Микиртумов, СПбГУ

Эпистемические установки в споре

Я хочу показать, что значение эпистемических установок участников спора имеет процедурный характер. В аргументации как процессе реакции агентов являются опорными точками для подтверждения или опровержения гипотез о том, как проверяется циркулирующая в коммуникации информация. Процедурность здесь сопоставляется с акциональной интерпретацией гетероэпистемических установок, в которой приписывание установки агенту осуществляемая другими агентами на основании как его слов, так и его действий. Используя систему из четырех шкал оценки спора, среди которых эпистемическая, акциональная, интеракционная и публичная, можно приписать агентам четыре типа состояний, а также, наряду с ними, намерений, действий и установок. Отличие этого подхода от логик намерений-желаний-действий состоит в том, что оценка выносится на уровень прагматики, так что ей подлежит соотнесение

выражения языка с его семантикой и ситуация произнесения. Это целесообразно, прежде всего потому, что в споре агент воспринимается другими агентами как субъект выдвижения аргументов и аргументативной стратегии, выстраиваемой в ходе спора. Здесь прагматический компонент не только не может оставаться в стороне, но занимает центральное положение.

Константин Фролов, ВШЭ, Санкт-Петербург
Об эпистемологии желаний

Желания представляют собой вид некогнитивных про-установок агента. В докладе будут рассмотрены три подхода к понятию желания, допускающих ошибочность убеждений агента о его собственных желаниях, а также допускающих в качестве возможного положение дел, при котором агент не знает, чего он хочет.

Так, с точки зрения теорий желания, основывающихся на понятии удовольствия, хотеть, чтобы p , означает быть склонным испытывать удовольствие при наличии p (Strawson, 1994; Schueler 1995). Склонности представляют собой диспозитивные свойства агента, актуализирующиеся лишь при реализации определённых условий. Соответственно, первый из рассматриваемых нами способов познания собственных желаний состоит в том, чтобы подвергать себя воздействию разнообразных условий с тем, чтобы эмпирически выявлять собственные склонности реагировать тем или иным образом. Типичной формой реализации этого способа являются различные формы профориентационной активности среди старшеклассников, затрудняющихся с выбором профессии.

Второй способ познания собственных желаний связан с теорией желаний, основывающейся на действиях. Согласно этой теории, хотеть, чтобы p , означает быть склонным действовать так, чтобы p имело место (Smith 1987, p. 52). Соответственно, в свете этой теории распознавание наличия у агента тех или иных желаний достигается путём наблюдения за его поведением с целью выявления свидетельств в пользу того, что агент склонен действовать тем или иным образом. При этом, что важно, генезис наблюдаемых действий может быть подсознательным. В таком случае наблюдение и анализ действий могут позволять заключать о наличии у агента таких желаний, которые не известны ему самому на сознательном уровне из перспективы первого лица.

Третий способ познания собственных желаний связан с теорией желаний, основывающейся на понятии блага. Согласно этому подходу, хотеть, чтобы p , означает полагать, что p будет благом (Price, 1989). Этот подход отличает то, что понятие желания здесь трактуется как особый вид убеждений о благе и счастье. Познание собственных желаний в таком случае тесно сопряжено с познанием того, что является благом (Sizer, 2010). Так, приобретение знаний о пользе фруктов, содержащих необходимые организму витамины, способно привести к распознаванию потребности организма во фруктах и витаминах, то есть к распознаванию соответствующего желания. В той мере, в какой все люди желают быть здоровыми, все люди хотят получать необходимые им витамины вне зависимости от того, знают они о наличии у них таких потребностей или нет. В таком случае познание собственных потребностей может быть способом познания собственных желаний.

В докладе будут рассмотрены случаи конфликта между тремя этими подходами, а также случаи конфликта между суждениями о желаниях агента, выносимыми с позиций первого и третьего лица

В докладе я разберу минимальный набор наиболее распространенных аргументативных паттернов современной рекламы; покажу, как эти паттерны переносятся на тексты, целью которых не являются продажи, используя в качестве эмпирического материала социальную рекламу и политические тексты, и предложу теоретическое обоснование предпочтительности представленного набора паттернов.

Аргументативный паттерн представляет собой один или связку из нескольких аргументативных приемов, повторяющихся в неизменном виде. Наиболее распространены в современной рекламе 4 паттерна, имеющие следующий аргументативный смысл:

- 1) Презентация УТП: «товар X лучше других»;
- 2) Story telling: «такие, как ты, используют X и очень довольны»;
- 3) Аргумент к авторитету: «ты можешь быть таким же, как N, если купишь X»;
- 4) Продажа цены: «покупать X выгодно» (подмена тезиса: «X дешев» вместо «X хорош»).

В делиберативных публичных текстах, не направленных непосредственно на продажи, используется тот же набор аргументативных паттернов, за исключением презентации УТП и продажи цены (в силу их отсутствия). Так, социальная реклама часто построена на основании story telling (см., напр., социальную рекламу, посвященную вакцинации от COVID-19). Политический текст, понимаемый в широком смысле, использует те же паттерны: например, в качестве аргументов за/против вооруженного конфликта с Украиной приводятся истории беженцев (story telling), привлекаются высказывания медийных фигур (аргумент к авторитету). В качестве иллюстрации можно вечерний выпуск новостей от 26.02.2022.

Чем обусловлен такой набор паттернов? Клиповое мышление, предполагающее быстрое переключение между отдельными фрагментами дискурса, требует молниеносных решений, поскольку в следующий момент времени фокус внимания должен быть смещен. С точки зрения Д. Канемана, быстрые решения обеспечиваются когнитивной Системой 1, регулируемой эмоциями и опирающейся на стереотипы. В этом смысле использование эмоционально заряженных и при этом простых и шаблонных манипулятивных приемов оказывается простым и очевидным ответом на практический запрос. Основной психологический механизм их действия – иллюзия сопричастности – как нельзя более релевантен специфике господствующей сегодня экономической рациональности.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, грант № 20-011-00485 «Делиберативная аргументация между рассуждением и действием»

СМЫСЛ КАК ЕДИНИЦА СЕМАНТИКИ И ПРАГМАТИКИ

Елена Вивич, ВШЭ, Москва

Семантика ситуаций в контексте исследований современных технологий

Доклад посвящен рассмотрению перспектив семантики ситуаций в современных исследованиях компьютерных систем и человеко-машинного взаимодействия.

Первая работа авторов теории и семантики ситуаций, «Ситуации и отношения» Барвайза и Перри, появилась в 1980-е годы. Теория ситуаций, лежащая в основе семантики, предполагала своеобразную онтологию, во многом вдохновленную теорией аффордансов Гидденса. Барвайз и Перри полагали, что функция языка – передача информации о мире, которая первична по отношению к языку. Поэтому агентом, передающим информацию, может быть не только человек, но и любое существо или машина, чьи действия или сигналы могут быть распознаны как информативные по отношению к какой-либо ситуации. Смыслом считается связь

между ситуациями, и семантика ситуаций направлена на анализ этих связей. Многие аспекты языка, ранее относимые к прагматике, в данном случае были рассмотрены в рамках семантики, как непосредственно индуцирующие смыслообразование. Подход Барвайза и Перри обычно считается контекстуальной теорией смысла, альтернативной семантике возможных миров. Сами авторы и некоторые их последователи считали подход альтернативой всей линии исследований семантики естественного языка, начиная от Фреге. Как правило, при построении таких семантик использовался подход «снизу вверх», то есть, выделялись атомарные математические или логические структуры, и на их основе строилась модель естественного языка. Барвайз и Перри предлагали, напротив, идти «сверху вниз»: от естественного языка и «наивного» понимания смысла к абстрактным понятиям, что часто называют «реалистическим» подходом. Проект семантики ситуаций был направлен на разрешение семантических проблем, обнаруженных Фреге при попытке свести естественный язык к математической логике. Вскоре в математических основаниях семантики ситуаций обнаружилось несколько несостыковок. Последующие публикации Барвайза с соавторами и последователей (напр., Кейта Девлина) были направлены на развитие теории в более-менее традиционном ключе. Несмотря на все трудности, с которыми столкнулась семантика ситуаций, она вызвала интерес у исследователей искусственного интеллекта и человеко-машинного взаимодействия. Этому способствовало не только использование понятия «информация», которое сделало семантику ситуаций сочетаемой с идеями кибернетики, оказавшими влияние на многих авторов. Семантика ситуаций позволяла укоренить естественный язык в культуре и повседневности, и в то же время предлагала вариант формализации. Авторы теории затрагивают широкий спектр проблем, возникающих при проектировании и анализе человеко-машинного взаимодействия – не случайно «Ситуации и отношения» появляются в том же исследовательском институте, в котором Люси Сачмен пишет знаменитую книгу «Реконфигурации отношений человек-машина», и удивительно, что две эти исследовательские рамки пересекаются лишь позднее. В своем докладе я рассмотрю два варианта развития семантики ситуаций, которые оказались полезны для исследования современных технологий: для моделирования контекста при разработке искусственного интеллекта и для анализа ситуаций человеко-машинного взаимодействия, и выдвину аргументы за дальнейшее развитие этого подхода в гуманитарных исследованиях.

Федор Двинятин, СПбГУ

Триадные классификации метафор Ю.И.Левина и Дж.Миллера: аналитическое сопоставление

Темой доклада является сопоставление двух триадных классификаций типов метафор: одна предложена Ю. И. Левиным, другая — Дж. Миллером. Для Левина критерием служит наличие или отсутствие в контексте, с одной стороны, самого метафорического обозначения, преимущественно именного, с другой стороны — его буквального эквивалента (прямой номинации, в отдельных случаях кореферентной метафорическому обозначению): наличие обоих создает «метафору-сравнение» («алмазы росы»), только метафорической номинации — «метафору-загадку» («алмазы в траве под ногами»), только буквальной номинации при общем метафорическом строе контекста — «метафору-приписывание» («ограниченные росинки, каждая в десятки каратов»). Для Миллера, говоря упрощенно, критерием служит отсутствие в контексте одного из трех основных компонентов (соответственно, при сохранении двух остальных): опущение указания на концептуальное основание сопоставления дает именную метафору («Джон — страус»), опущение метафорической номинации — предикат(ив)ную метафору («Джон в случае опасности прячет голову в песок»), опущение прямого обозначения — интенциональную метафору («Страусы в случае опасности прячут голову в песок» в явной связи с Джоном. но без его упоминания). Справедливости ради нужно заметить, что этот «критерий»

подается у Миллера скорее как итоговое наблюдение над тремя типами метафор, чем как предварительное условие их разграничения (а к предварительным разграничениям восходят грамматико-семантические обозначения типов метафоры). Можно заметить как притяжения двух классификаций (предикатные метафоры Миллера подобны метафорам-приписываниям Левина, сентенционные метафоры Миллера отчасти подобны метафорам-загадкам Левина), так и асимметрии (в оставшейся «третьей» клетке классификации Левин пропускает метафорические отождествления, Миллер — именные группы, объединяющие метафорическую и буквальную номинации). Последнее объяснимо тем, что для Миллера, как и для всей лингвистической англо-американской традиции и (психо)лингвистики, на первом плане быденная речь, а для Левина, как для всей русской (лингвистически и семиотически ориентированной) поэтики — речь поэтическая. Другие классификации метафор позволяют нащупать новые возможности разграничений: «диафора» Ф. Уилрайта, основанная на сопоставлении без расширения значений («В траве роса, в диадеме алмазы», «Джон игнорирует проблемы, страус прячет голову в песок»), сугубо монтажный тип метафоры, тестирует границы всех трех типов метафоры, проблематизируя объем «контекста», а «корректирующая метафора» авторов «группы μ» («алмазы травы», «алмазы утра» - таковы кеннинги) вводит промежуточный тип между загадкой и приписыванием

Андрей Макаров, Волгоградский государственный университет
Методика выявления пресуппозиций в речах

В лингвистических исследованиях под пресуппозициями понимают условия, необходимые для успешной коммуникации, что участники коммуникации понимают друг друга, знают язык, не больны, не шутят и т. д., — это т.н. прагматические пресуппозиции. Э. Кинан в качестве прагматических пресуппозиций рассматривает статус, вид отношений, пол, возраст, отношение поколений среди участвующих в коммуникации; среди участвующих в коммуникации и индивидов, упоминаемых в предложении; местонахождение участников речевого акта и самих предметов, упоминаемых в предложении; время и т. д. Подобным образом подходят к пресуппозициям Ф. Киефер (ситуативные пресуппозиции), Дж. Серль («входные и выходные условия»), Дж. Остин («условия удачи»).

Мы рассматриваем пресуппозиции как мировоззренческие установки, детерминированные практиками, разворачивающимися референтными группами индивида. При смене референтной группы человек помнит только то, что нужно для этой референтной группы, потому что человек - существо, настаиваемое этически. Благодаря наличию пресуппозиций осуществляется принцип экономии мышления, когда не нужно каждый раз видеть существо, внешне похожее на человека, размышлять о том, действительно ли это человек.

На примере выявления этических пресуппозиций преподавателей в докладе поднимаются вопросы:

1. Как гармонизированы и/или конфликтуют пресуппозиции и педагогические цели и задачи.
 3. Какова методика выявления этических пресуппозиций?
 4. Пресуппозиции можно выявить с помощью анализа речи.
 5. Алгоритм применения этого метода состоит из пяти шагов:
 - 1) Следует разделить речь на части, выделив в ней «странные места».
 - 2) Следует, не вбрасывая собственных гипотез, «ходить по странным местам», то есть обращать на эти места пристальное внимание.
 - 3) Затем следует задать вопрос типа: «На какой способ мышления к миру указывает эта часть речи человека?»
 - 4) Далее следует выдвижение гипотез и их проверка.
 - 5) Наконец, верифицированную гипотезу следует предложить в виде концепта самому человеку, чья речь исследуется
- Пресуппозиция – это мировоззренческая установка или

представление о мире, которое, оставаясь скрытой для автора высказывания, влияет на понимание любого предмета, так как она есть рамка его мировидения и мироощущения. Пресуппозиции как любые фреймы помогают и мешают пониманию: в случае их совпадения у говорящих – помогают, в случае расхождения – мешают. И если в обыденном общении пластичность языка помогает уравнивать семантические расхождения, то в педагогической ситуации, когда речь идет о точности мышления, пресуппозиции требуют своей экспликации

Игорь Невважай, Саратовская государственная юридическая академия
Смысл обозначающего и смысл обозначаемого

Трудно переоценить значение открытия Г. Фреге понятия смысла для семиотики. Это понятие позволило ему интерпретировать математические равенства $a = b$ и оправдать существование в логике пустых понятий. Пустые понятия не имеют предметных значений, референтов, но обладают, как полагал Г. Фреге, смыслом или смысловым значением. Мне представляется, что понятие смысла в первой ситуации неприменимо ко второй. Фрегевское определение смысла учитывает только одно из двух отношений между обозначающим и обозначаемым. Эпистемологически это отношение связано с актом выражения. Здесь первично значение, денотат, а знак вторичен, и поэтому возможна ситуация, когда есть значение, но нет знака. В этом случае можно говорить о смысле значения, а не знака. Но Фреге распространяет понятие смысла и на ситуации, когда у знака есть смысл, но нет значения (пустое понятие). Однако определение смысла, которое он дает не соответствует ситуации отсутствия значения у данного знака. Вариантом «спасения» фрегевского определения смысла (как смысла обозначающего) и его универсализацией является, например, введение представления о «возможных мирах», которое устраняет саму тему «пустых понятий» (С.Т. Золян). Я предлагаю другой подход, в котором не используется концепция «возможных миров», а для обоснования существования «пустых понятий» вводится не-фрегевское определение смысла как смысла обозначаемого. Смысл есть способ соотнесения знака и денотата. Но отношение обозначающего и обозначаемого двусторонне, поэтому можно говорить об отношении знака к денотату, или предметному значению, и об отношении предметного значения к знаку. Эти разные отношения соответствуют двум важнейшим функциям знака: знак замещает денотат и указывает на него. Замещение означает представление, выражение денотата посредством знака. Таковым является, например, акт именованя, поиска знака для данного предметного значения. Указание – это акт создания значения данного знака. Этот акт называется интерпретацией. Знак может интерпретироваться по-разному, то есть приобретать разные смыслы и значения.

В докладе иллюстрируется «работа» двух определений смысла на примерах из истории научного познания в области математики и физики. Показывается регулятивная функция смыслов в возникновении знаков и формировании значений

Вероника Пригоркина, ВШЭ, Москва

Order Iconicity Principle in Temporal Interpretation of Russian Perfective Participial and Converbial Clauses

Order Iconicity Principle (OIP) implicature, according to which correspondence between the temporal sequence of events and predicates' order of mentioning is preferred and facilitates the interpretation, was noted to affect the interpretation of finite coordinate clauses (e.g., Paducheva, 1996; Krakovskij, 2009) and to a lesser extent of dependent temporal clauses (Clark & Clark, 1968; Sasamura & Kamio, 1976; Natsopoulos et al., 1991; Jansen, 2008) with perfective verbs. Wondering, if this implicature holds for non-finite taxis constructions, we conducted self-paced reading and temporal interpretation acceptability judgment tasks experiments with clause order

manipulations and presence\absence of contextual prompts for an interpretation for Russian perfective converbs and participles. Results revealed a major preference of iconic temporal interpretation for converbs (66% iconic vs. 33% non-iconic interpretation acceptability; 114.9 ms faster interpretation), but not for participles (49,9% vs. 46,6%; $p < 0.03$; 4.8 ms difference; $p > 0.05$) (e.g., posteriority for non-finite construction follows the main predicate) and a non-decisive role of supporting lexical and contextual cues (Fedorova's (2005) event coherence; Lehmann's (1998) deflexion and world knowledge). Additionally, despite conflicting views in the literature concerning posteriority taxis meaning for these taxis constructions (Weiss, 1995; Birzer, 2010; Krave, 2010; Bikkulova, 2011; Krapivina, 2009; Say, 2014), this interpretation was almost as acceptable as conventional anteriority interpretation in postposition in a neutral context for converbs (48% vs 53%) but overall was marginally acceptable for participles (10.2% vs. 2.8% for indirect object relativising participles, for which clause order was manipulated, and subject relativising participles in preposition; $p < 0.001$). Altogether, these results suggest the extension of OIP implicature only to non-finite taxis constructions with adverbial syntactic function and possibly reveal the major role of the discursive and paradigmatic features of the constructions (introducing less background information; verb dynamics vs. absolute tense category preservation; Vjal'sova, 2008; Say, 2020) on temporal interpretation.

Евгения Самостиенко, Институт языкознания РАН, ННГУ им. Н.И. Лобачевского
Семантическое свертывание в современной поэзии и новые интерфейсы коммуникации

На каждом историческом этапе культура вырабатывает новые способы свертывания смысла, обеспечивая его фиксацию и трансляцию. В докладе мы сфокусируемся на поэзии и рассмотрим ее как специфическую культурную практику, создающую продуктивные языковые модели свертывания смысла и представляющую собой своего рода базу языковых стратегий смыслового сжатия. Поэзия в нашей оптике помещается в широкое поле дискурсивных практик (М. Фуко, О.Г. Ревзина) и рассматривается в когнитивно-дискурсивной парадигме (Е.С. Кубрякова). Изменение стратегий свертывания смысла связано с изменением прагматических параметров и коммуникационных стратегий (О.В. Соколова). Для анализа этого аспекта необходимо обратить внимание на изменение социального и технологического ландшафта функционирования языка. Ключевые изменения происходят в конце 1960-х гг., когда появляется графический пользовательский интерфейс (GUI), оформляется операциональный стандарт WIMP, развивается концепция прямых манипуляций, появляется идея гиперссылок и формируется концепция виртуального пространства глобальной сети (Дж. Бруно, А. Фридберг и др.). Все это приводит к формированию «информационной эстетики» (Л. Манович), в основе которой лежит идея паттерна и интерфейса. В период 1990–2010 гг. в цифровой культуре на первый план выходят стратегии визуализации, формирование канонов информационного поведения, гибридная коммуникация в социальных сетях и мобильных интерфейсах (Дж. Дракер, А. Гэллоуэй, Я. Фарман, С. Бусарева и др.). Для поэзии 1960–1980-х гг. важны такие дискурсивные стратегии, как свертывание дискурсивных фрагментов или культурных и исторических сюжетов, изменение связности текста, семантическая и грамматическая компрессия, а также компрессия целых культурных и исторических сюжетов, разработка различных вариантов визуальной и семантической нелинейности, свертывание субъектно-объектных отношений лексическими и грамматическими средствами, изменение характера референции (Л. Рубинштейн, В. Некрасов, В. Соснора, А. Парщиков, Г. Айги и др.). Поэзия более позднего периода активно эстетически работает с пространством порождения речи (стратегия ментального черновика у П. Андрукович, отказ от линейного лексического выбора у Н. Скандиаки и др.). В поэзии XXI в. происходит трансформация этих языковых стратегий смыслового сжатия и появление новых, что влияет также на выработку новых коммуникационных режимов.

«Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №22-28-00522) в Институте языкознания РАН»

Валерия Чернявская, Санкт-Петербургский государственный политехнический университет
От логической прагматики к контекстуализации: как высказаться на языке и ... быть понятым?

Представляется прагматически ориентированный подход к смыслообразованию в пост-грайсовской парадигме и объяснительные возможности контекстуализации как фактора, определяющего понимание и влияющего на непонимание в социальных ситуациях. Непонимание рассматривается как особый объект и прагматически значимое измерение коммуникации. Выделяя непонимание как особый объект исследования, мы получаем точку доступа к анализу лингвистического вместе с социальным, т. е. того внешнего фона, который координирует процедуры смыслопорождения. Понимание анализируется как измерение скоординированности социального взаимодействия, настроенности на ситуацию. Как ключевые понятия в анализе рассматриваются эксплицитность и имплицитность в высказывании, агентивность субъекта, выражающего смыслы, и детерминированность смыслопорождения в социальной практике

СЕКЦИЯ: ВИЗАНТИЙСКАЯ ЛОГИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ

Анна Адашинская, ВШЭ, РХГА, Санкт-Петербург

Изобретая слова: Опыт византийско-сербского перевода в монастыре Хиландар в XIV века

Как перевести полемический трактат на язык не знавший философии или логики? Именно таким вопросом задавался старец Исая из монастыря Хиландар в 1360-х гг., когда по заказу митрополита Сер взялся за перевод книг Дионисия Ареопагита. Начиная с середины XIV века в сербской афонской среде и в монашеских кругах в целом начали создаваться рукописи, содержащие славянские переводы византийских богословских и философских сочинений. И для их качественного перевода авторам становится необходимо найти в славянском языке соответствующие слова и выражения и сделать максимально близкими для читателя те термины и понятия, которые отсутствуют в славянском языке. Среди переводов этой группы есть несколько рукописей Хил. 474, Деч. 88 и Син. 383, которые содержат полемические трактаты Григория Паламы или Нила Кавасилы. Тексты, собранные в этих манускриптах, имеют в основном антилатинское содержание, и таким образом, используют широкий терминологический аппарат логики и философии. Так, настоящий доклад рассмотрит, как именно византийская полемическая терминология была применена переводчиками, и что именно им пришлось изобретать с нуля.

Валерий Воробьев, РХГА, Санкт-Петербург

"Диалектика" Иоанна Дамаскина: к вопросу об обновлении перевода глав 12, 13 и 14

«Диалектика» Иоанна Дамаскина (ок. 675 – ок. 750), последнего из «отцов церкви», является первой частью его основополагающего логико-философского и теологического труда «Источник знания». Она представляет собой компилятивное изложение, основанное на текстах Аристотеля, Порфирия, Аммония Гермия и некоторых других авторов. Перевод этого текста на современный русский язык (впервые изданный в 1913 г., более ста лет назад) требует, на наш взгляд, использования и современной логико-философской терминологии. В предыдущих работах нами были сделаны уточнения, а иногда - существенные изменения, переводов ряда терминов «Диалектики» (прежде всего логических – так называемых пяти предикабилей Порфирия и некоторых других) и был сделан вывод о необходимости значительной переработки переводов имеющихся в изданиях 1999 г., 2002 г., 2006 г., 2018 г. В этих изданиях термины *diafora*, *idion* и *sumbebekos* переведены неправильно, так как современные издатели некорректно подошли к использованию переводов 1913 г.

В настоящей работе нами предложены обновленные переводы соответствующих глав Диалектики, основанные на современных переводах источников Иоанна Дамаскина. Глава 12. Перевод в издании 2006 г. – «О разности», новый перевод – «О различающем признаке». Глава 13. Перевод в издании 2006 г. – «Об акциденции», новый перевод – «О приводящем признаке». Глава 14. Перевод в издании 2006 – О свойстве», новый перевод – «О собственном признаке». В новом переводе будут также сделаны и некоторые другие изменения, требующиеся по смыслу.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 18-78-10051 «Византийский фактор в формировании русской логической традиции».

Оксана Гончарко, Мария Семиколенных, РХГА, Санкт-Петербург
Греческая и латинская терминология в «Теоретической логике» Макария Петровича

The presentation deals with the history of the formation of Russian logical terminology and, in particular, Makariy Petrovich's "Theoretical Logic". Makariy Petrovich, a Serbian intellectual, at the beginning of the 1850s left his hometown of Timisoara (Romanian Banat) to study at the Kyiv-Mohyla Academy. By the middle of the decade, he moved to the Slavic Greek Latin Academy in Moscow, where he soon became a teacher of philosophical disciplines (including logic). He spent the last years of his life in Russia and wrote many philosophical and theological works in Russian. "Theoretical Logic" is, probably, the most important part of his heritage.

This work is based not on the scholastic Aristotelian tradition, but on several European Wolfian and Cartesian logical textbooks of that time (*Institutiones philosophiae rationalis methodo Wolfii conscripta* (1735) and *Elementa philosophiae recentioris usibus juventutis scholasticae accommodata* (1747) by F. Ch. Baumeister and *Institutiones philosophicae ad faciliorem veterum ac recentiorum philosophorum lectionem comparatae* (1695) by Edmon Pursho).

The presentation outlines the historical circumstances, having influenced education in Banat, namely its conquest by the Habsburgs and subsequent German colonization, as well as the introduction of Western educational standards in Russia, which influenced the development of logical education at the Slavic Greek Latin Academy.

The presentation also demonstrates, how, adopting the Greek and Latin logical terminology, Makariy Petrovich translates the words from the traditional logical vocabulary, accommodating them to Russian. He not only follows Greek and Latin patterns while working out Russian words and constructions but carefully selects the most appropriate variants of translation, sometimes offering several different options. The contributors are also going to present the first critical edition of Makariy Petrovich's "Theoretical Logic", prepared in association with L. G. Tonoyan.

The study was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation Project № 18-78-10051 "The Byzantine Roots of the Russian Logical Tradition".

Андрей Курбанов, Лидия Спиридонова, РХГА, Санкт-Петербург
Диалектическое *questio* в поздне- и поствизантийских логических трактатах

Как известно, Фома Аквинский в своих сочинениях использовал особую форму изложения диалектического материала — *questio*, которая заключалась в бинарном вопросе, продуцировании аргументов «за», аргументов «против», установлении аргументированного тезиса и разрешении контраргументов. В действительности, эта модель восходит к Аристотелю, который определил «диалектический» вопрос, т.е. апорию (*ἀπορία*) как вопрос, допускающий ответ «да» или «нет» (*De Interpretatione*, 20b22–23; *Analytica priora*, 24a24–25; 24b10–11; *Topics*, 162a17–18), и сам создал несколько произведений по этой схеме. Впервые несколько похожую структуру в Византии мы встречаем у Иоанна Итала (ок. 1023 – ок. 1085) в его собрании

из 93 «Апорий и разрешений» и у Михаила Пселла (1018– ок. 1078) в его «Кратких ответах и объяснениях различных вопросов и апорий», однако, они не имеют какой-либо фиксированной структуры, схожей с томистским *questio*. Развита же формализованная структура, построенная на диалектике Аристотеля, приходит в Византию и популяризируется, благодаря переводам трудов Фомы Аквинского, а затем активно распространяется в период паламистских споров, которые, как известно, имели яркую логическую направленность. В византийской литературе этого времени на основе подобной композиции возникает даже целый литературный жанр. Среди таких диалектических произведений можно назвать сочинения Феофана Никейского, Димитрия Кидониса, Прохора Кидониса, Николая Кавасилы и других.

Эта схема изложения продолжала использоваться и в греческих логических трактатах XVII в. В этот период она уже перестала ассоциироваться с томизмом, а скорее указывала на исповедание аристотелизма автором. Нам известны два подобных сочинения этого времени: Вопросоответное введение Софрония Лихуда к трудам Аристотеля «Вступительные вопросы ко всему логическому учению Аристотеля» и произведение Герасима Влаха «Вступительные вопросы перед изучением логического учения Философа». Оба текста строятся по подобию томистского *quaestio*, т.е. вопроса, представляющего собой главу, которая называется ζήτημα (от ζητέω = *quaerere*) по аналогии с «*Quaerendum est [...]*» и предполагает бинарный вопрос. Ответ на каждый такой вопрос состоит из положений, контр- и про- аргументов, доказательств положений и опровержения антиположений.

***Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 18-78-10051)

Василий Лурье, Институт философии и права Сибирского отделения РАН
Неконсистентные логики в византийском богословии

На рубеже 4 и 5 веков догматические споры в византийском богословии стали характеризоваться стремлением выстроить догматику в виде некоторой системы, замкнутой относительно некоей логики. Внешне это выразилось, после ряда колебаний в 5 в., как требование унивокального употребления терминов ("природа", "ипостась" и др.). Идеал замыкания догматики относительно логики, по-видимому, так и не был достигнут, но многое на этом пути было сделано. Разумеется, соответствующая логика не могла быть консистентной и допускала противоречия -- как эксплицитные, так и имплицитные.

Дмитрий Макаров, Уральская государственная консерватория им. М. П. Мусоргского
К осмыслению базовых аксиом модальной логики Феодора Метохита

В 29 и 30 главах основного философско-эстетического и богословского труда Феодора Метохита "Памятные записки" содержится не просто топос контингентности вкупе с теорией о гносеологической некомпетентности людей - сочетание, выходящее за рамки византийского гуманизма и придающее труду Феодора дух инновативности (Kermanidis, 2020, S. 60, Anm. 158). Можно говорить об имплицитном формировании в сознании автора, опирающегося как на Гераклита (см., например: Hult 2016, p. 26.24-27), так и на Писание (цитата из Пс. 48, 13 + 48, 21 на p. 32.22-23 не отмечена издательницей), по крайней мере, двух базовых аксиом характерной для него модальной логики, которые в совокупности образуют антиномию.

С одной стороны, "в конечном счёте, те из мудрецов, что прозваны воздерживающимися от суждений [стандартное обозначение скептиков], недалеко отстоят от возможного (οὐ πόρρω τῶν εἰκότων), а тем самым – и от истинного (οὐδὲ τῶν ἀληθῶν ἐντεῦθεν πλανᾶσθαι) (курсив наш. – Д. М.)» (ПЗ 29.1.7: Hult 2016, p. 26.19-21). С другой стороны, мудрее всего говорит древнее изречение: «Человек слеп относительно будущего» (Hult 2016, p. 28.18-19). Будущее

возможно – и потому истинно; но знания о нём нет. То есть справедлива формула: $\sim ((\diamond f \rightarrow f) \supset \diamond Kf)$ (1), где K - knowledge, f - future.

И дело не просто в гераклитовском начале в философии Метохита или в его приверженности воззрениям Пиррона - хотя, как заметил В. В. Биbihин: "О гераклитовском у Гегеля можно было бы много говорить» (Биbihин 2010, 82). У Метохита это тоже – сюжет не напрасный и не случайный. Но гораздо интереснее то, что практически никто из исследователей не отрефлектировал должным образом содержащуюся в вышеприведенной цитате ассерцию об истинности (граничащую, по сути, с презумпцией). Мы могли бы передать содержание этой ассерции на формальном языке следующим образом: $\diamond a \rightarrow a$ (2), что в принципе эквивалентно той теореме CD: $\diamond a \rightarrow \Box a$ («возможно только то, что необходимо»), которая действует и в модальной логике Псевдо-Дионисия Ареопагита (Лурье 2020, 292). Ведь утверждение об истинности a означает, что: $a \leftrightarrow \Box a$. Поэтому: $(\diamond a \rightarrow a) \supset (\diamond a \rightarrow \Box a)$ (3). Однако, из этой модальной онтологии не следует оптимистическая гносеология, хотя Метохит и молится, чтобы Бог даровал ему знание контингентного (Hult 2016, p. 24/17-19). Сопоставление с более развитыми модальными теориями Феофана Никейского (Макаров 2022, 224 - 230) показывает, что Великому логофету империи ещё было куда расти: для дальнейшего углубления своих логико-гносеологических и онтологических изысканий требовалось преодоление того гносеологического пессимизма, который исключительно ярким цветом окрашивает мысль Метохита в целом

Олег Ноговицин, Социологический институт, Федеральный центр теоретический и прикладной социологии РАН, Москва

Argument via παράδειγμα (example) in Neoplatonic commentary tradition: prolegomena to an analysis of the formal structure of anthropological paradigm in the Christian theology of V—VI centuries

In the paper, the logical structure and rhetorical context of how does the argument via παράδειγμα (example) functions is considered with support on the relevant texts of Aristotle and extant texts of Neoplatonic commentaries (John Philoponus, David). The argument via παράδειγμα is one of the methods first described by Aristotle in "Analytica Prior" and "Rhetoric" included into the systematics of methods of dialectical examination in the Neoplatonic commentary tradition also widely used in the rhetoric practices. The present work is prolegomena to the analysis of logical structure, methodological limits and modes of application of the anthropological paradigm, which was actively discussed and engaged within the Christological polemics of the V—VI centuries between Chalcedonites, Monophysites and Nestorians as an argument of various types of understanding the relations of deity and humanity in Christ. As an example of the use of the argument via παράδειγμα in the Christological controversy, Leontius of Byzantium's treatise *Contra Nestorianos et Eutychianos* is taken in the paper. Leontius of Byzantium has most likely immediately oriented himself to the given type of argument and constructed his criticism against the opponents proceeding from the basic principles of its explication. In connection with this, we pointed out that Leontius, holding strongly to the specificity of the paradigmatic method supposing the particular quality of all the logical elements which constitute the minor extreme (πρωτότυπον of Christ) and example (παράδειγμα of a human) within the argument via παράδειγμα, considers the parts in the hypostasis of each human (soul and body) and in the hypostasis of Christ (Word and human) as particular, individual natures.

Как падуанские перипатетиков, Герасим Влах и Софроний Лихуд доказывают, что предметом логики являются вторичные понятия ($\gamma\upsilon\omega\sigma\iota\varsigma$). Однако оба автора рассматривают их несколько отлично от мэйнстрима падуанцев. Например, с точки зрения такого известного падуанца как Джакомо Дзабарелла, вторичные понятия (*secundas notiones*) являются сущностями мысли, которые, в свою очередь, согласно Аристотелю, не являются реальными предметами, отсюда логика не имеет реального предмета, что означает, согласно интерпретации Аристотеля Дзабареллой, что она не является наукой (см. положение Аристотеля в «Никомаховой этике» 1139b), а всего лишь инструментом или её методом. Софроний Лихуд и Герасим Влах основывают своё рассуждение также на интерпретации Аристотеля и его понимании сущности мысли ($\delta\omicron\nu\tau\alpha\ \tau\eta\varsigma\ \delta\iota\alpha\nu\omicron\iota\alpha\varsigma$). При этом они опровергают мнение современных им перипатетиков о том, что вторичные понятия есть сущее мысли, которое не реально. И доказывают, что вторичные понятия есть сущее реальное, а не сущность мысли. Также они разделяют реальные понятия на естественное ($\tau\omicron\ \pi\rho\alpha\upsilon\mu\alpha\tau\iota\kappa\omicron\nu\ \phi\upsilon\sigma\iota\kappa\omicron\nu$), являющееся частью природы, и искусственное ($\tau\omicron\ \pi\rho\alpha\upsilon\mu\alpha\tau\iota\kappa\omicron\nu\ \tau\epsilon\chi\nu\iota\kappa\omicron\nu$), которое может появиться на свет только с помощью техне (искусства, мастерства) человека, как, например, счётная доска. Соответственно, они относят вторичные понятия к естественным. В свою очередь, естественное разделяется на существенное ($\omicron\upsilon\sigma\iota\omega\delta\epsilon\varsigma$), которое не нуждается для существования в чём-то другом, и несущественное ($\acute{\epsilon}\pi\omicron\upsilon\sigma\iota\omega\delta\epsilon\varsigma$), которое не существует само по себе, но является случайным (привходящим), например, белизна, теплота и т.д. Далее, для определения вторичных понятий, они проводят разделение несущественного на материальное ($\omicron\lambda\iota\kappa\omicron\nu$), которое можно воспринять с помощью органов чувств, например, белизну лебедя, и нематериальное ($\acute{\alpha}\omicron\lambda\omicron\nu$) как, например, приобретаемые душевные качества, как добродетели и пороки, достоверные знания ($\acute{\epsilon}\pi\iota\sigma\tau\eta\mu\alpha\iota$), а также вторичные понятия. Таким образом, вторичные понятия, согласно Герасиму Влаху и Софронии Лихуду, относятся к реальному естественному несущественному и нематериальному. При этом, согласно обоим авторам, они существуют только в нашем уме и нуждаются в действии ($\acute{\epsilon}\nu\acute{\epsilon}\rho\upsilon\epsilon\iota\alpha$) нашего ума для своего рождения.

***Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 18-78-10051)

Лариса Тоноян, СПбГУ, РХГА, Санкт-Петербург
Учение об определении и делении в «Логике» Никифора Влеммида

Доклад будет посвящен анализу «Логики» Никифора Влеммида, византийского ученого, жившего в XIII веке. Его учебник «Краткая логика» был одним из самых популярных пособий по логике в этот период. Будет рассмотрено отношение Никифора к роли Платона и Аристотеля. В Византии считалось, что логика Аристотеля менее зависит от его философии, чем это имеет место у Платона, поэтому предпочтение следует отдавать Аристотелю. Однако многие византийские мыслители, пишущие о логике, такие как Михаил Пселл, Иоанн Итал, Федор Метохит, испытывали сильное влияние Платона и неоплатоников, как, впрочем, и сам Никифор. Никифор Влеммид также опирается в своем учебнике в основном на трактаты Аристотеля. Однако, изложение в его учебнике не совсем традиционное. Влеммид начинает не с учения о категориях и «Введения» Порфирия, а с учения об определении и делении. При этом основное внимание уделяется логической операции определения. Мы знаем, что Платон в своих диалогах уделял особое внимание операции определения, и это не могло не найти отражения в трудах византийских логиков. В докладе намечается провести сравнительный анализ греческих терминов, относящихся к определению и делению, используемых в трактатах Платона, Аристотеля, некоторых византийских логиков и, конечно, самого Никифора Влеммида. А поскольку

XIII век характеризуется наиболее активным взаимовлиянием Византии и латинского Запада, предполагается провести сравнение с латинскими терминами, используемыми в этот период в латинских учебниках при изложении разделов о делении и определении, и в первую очередь, в учебнике современника Никифора Влеммида Петра Испанского. Эти учебники не опубликованы на русском языке, поэтому перевод с греческого и анализ учения об определении и делении в «Логике» Никифора Влеммида может быть интересен как для логиков, так и для историков философии.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта No 18-78-10051 «Византийский фактор в формировании русской логической традиции».